

ДЗИДРА РИНКУЛЕ-ЗЕМЗАРЕ

Вот мы какие!

Библиотека Ладовед.
SCAN. Юрий Войкин 2013г

В НАШЕЙ ШКОЛЕ НОВОСТИ

У меня такое чувство, словно мне вручили награду. Такое чувство, словно фамилия моя зазвучала совсем по-новому. Слышите: Стрёбейко! Стребейко! Стребейко!

Разве это не великолепно? Во всей школе ни у кого больше нет такой фамилии. Стребейко!..

До сих пор моя фамилия никому ничего не говорила. Я даже слегка завидовал Ояру, Мадису, Агрису, Зйгурду, Индулису и даже Гельмуту. Какие у них великолепные фамилии! Озол — Дуб! Лйепкалн — Липовая Гора! Бруниник — Рыцарь! Дймдан — Грохотун! Дйжбриедис — Благородный Олень! Вэтра — Буря!.. А что означало Стребейко? Ровным счетом ничего!

Но с началом учебного года все изменилось. Моя мать стала директором нашей школы — до этого она работала завучем в соседней средней школе. И теперь я — сын директора. Гунар Стребейко.

Не могу пожаловаться, что в прежние годы ко мне в классе относились неуважительно или что мне не хватало друзей. Но теперь у меня, говоря словами преподавателя физики Мурцелиса, совсем другой удельный вес. Это понимает даже легкомысленный Т 6 м и н ь. «Все, больше с тобой ничего случиться не может! — произнес он однажды с явной завистью.— • Такие тылы!»

Ну, тылы тылами, а самочувствие у меня и в самом деле великолепное. Даже старики из одиннадцатого¹, кажется, больше не смотрят на меня высокомерно, как на обычного семиклашку. Сын директора!

И еще одна новость: наша старшая пионервожатая вышла замуж и переехала в другой город. Мы не слишком горевали: у нее одни интересы, у нас — совсем другие. Для старшей пионервожатой главным было добиться первого места в республиканском конкурсе по художественному чтению, и тут основная роль отводилась нашей Сармите. В остальном же больше ровным счетом ничего не делалось. Пионерская работа казалась нам скучной, как серый осенний день. Случилось, правда, однажды, что мы активно включились в сбор металлолома и даже победили отряд параллельного класса — сколько было веселья и радости! Но никакой заслуги пионервожатой здесь нет: все это произошло еще до того, как она стала работать в нашей школе.

Я слышал, что в других школах здорово действуют «красные следопыты». Но только не у нас! Вся наша следопытская работа сводилась к нудным прогулкам вблизи школы.

И вот теперь эта новость: старшей пионервожатой уже больше нет. Думаю, она рада-радешенька, что избавилась от своих подопечных. И похоже, что это взаимно. Во всяком случае, в нашем классе никто по ней плакать не стал.

¹ В средних школах Латвии с преподаванием на латышском языке не десять, а одиннадцать классов.

В начале учебного года нам сообщили, что назначена новая пионервожатая. Ну и пусть! Назначили и назначили, великое дело!

Но от безразличия не осталось и следа, едва Только мы узнали, кто она. Это было как гром среди ясного неба. Комарик! Кайя Комарик — хоть стой, хоть падай! Та самая, с птичьим именем¹, с комариной фамилией! Лишь этой весной закончила нашу школу. И знали все: главная артистка школьного драмкружка. Совсем еще недавно, на первомайском вечере она читала сказки о цветах. Да какие там сказки — сплошная философия! Скукотища, тоска зеленая! Мы вздохнули с облегчением, когда Комарик наконец кончила, а старшеклассники вдруг стали хлопать будто ненормальные. Да и учителя были в восторге: прирожденная актриса!.. Как бы не так: актриса! Пыталась поступить на театральный факультет, но не прошла по конкурсу. Небось был бы талант, приняли бы без всяких.

Пока наша прежняя вожатая ездила по селам с экспедицией, собиравшей народные песни, Комарик все лето пробегала почтальоном, разносила газеты и письма. А теперь подыскала себе подходящее местечко. Юмор и сатира!

С нетерпением мы ждали первой встречи. Она вошла в класс, слегка постукивая каблучками. Сказала:

— Здравствуйте!

Точно такая же, как весной, когда кончала школу. Вообще-то выглядит Комарик не ахти. Росточком не вышла, поменьше даже, чем наша Иголочка. Лицо круглое, как луна, волосы собраны в пучок. Нос словно цыплячий клювик. Вот потому и в актрисы не взяли. Красивых девочек, что ли, мало. Только вот глаза у Комарика... Зеленоватые, сияющие, с длинными ресницами. Где-то я слышал, что актрисы наклеивают искусственные ресницы. Комарику это ни к чему.

Говорят, по взгляду можно узнать, что у человека на уме. У Комарика ничего не узнаешь — глаза затенены ресницами. Вот и во время нашего «знакомства» так и осталось непонятным, что у нее на душе. Радость? Страх? Недоверие? Смелость? Замешательство?.. Поди угадай!

¹ Кайя — по-латышски «чайка».

По правде говоря, вначале казалось, что вообще у нас с ней ничего не выйдет. Держится, как опытный преподаватель со стажем. А мы ее — на «ты»! А мы ее — «Комарик»! Что бы она ни предложила, смеемся, всерьез ничего не принимаем. Ну-ка, поруководи нами!

Словом, Комарику было дано понять, что с нами, со старшим пионерским классом, ей так просто не справиться.

Когда Комарик после очередной паузы заговорила вновь, в голосе ее звучало чуть ли не отчаяние:

— Нет, с вами невозможно говорить серьезно. Как маленькие! А ведь через год будете в комсомоле.

Но нас ее слова не трогали. Наверное, если бы на ее месте перед нами стоял кто-нибудь чужой, мы бы вмиг унялись. Но Комарик... Что бы она ни говорила, казалось таким смешным.

— Тогда скажите сами: что вас больше всего интересует? — снова Попыталась она утихомирить нас.

— Театр! — тотчас отозвался я, вспомнив о ее неудаче.

Впрочем, я действительно люблю театр. Да и всему нашему классу нравится ходить на спектакли.

— Да, да! Театр! — ехидно заулыбались все остальные.

Комарик густо покраснела. «Все, сейчас пойдет заикаться!» — подумал я. А Эгил и Мадис уже приготовились заржать.

— Отлично! — Кайя хлопнула в ладоши и повторила решительно: — Отлично! — Она снова обрела твердость, лишь голос слегка дрожал.— Если вас привлекает театр... Давайте тогда внесем в план работы вашего отряда постановку пьесы.

— Какой?.. Кого мы будем играть? Взрослых или детей? — градом посыпались вопросы.

— Мне кажется, вы вполне можете сыграть и тех, и других.

Предложение Комарика нас озадачило. Но не надолго. Через минуту опять стали веселиться.

— Эгил у нас известный сочинитель, пусть напишет собственную пьесу,— сострил Рббис.

— Лучше киносценарий,— хмыкнул Мадис.— Фильм снимем.

— Хватит, ребята, хватит! — Иголочка хлопнула рукой по парте. — В конце концов, Кайя пришла к нам работать, а не шутки шутить.

Иголочка — это, разумеется, прозвище; ее настоящее имя Марита. Не боится идти против всего класса.

— Может, классику? «Майю и Пайю»¹, например, — примирительно предложил Индулис.

— Почему бы и нет? — ответила вместо пионервожатой Югита. — Вот ты бы, например, прекрасно подошел на роль ленивца.

— Значит, будем ставить пьесу, а остальное все побоку? — проворчал Дйдзис. — Столько еще всяких интересных дел!

— Так что же вас все-таки интересует по-настоящему? Я ведь как раз этого и добиваюсь! — Комарик сразу раскрыла свой блокнот и приготовилась записывать наши предложения.

— Техника! — объявил Дирт и расплылся в кривой ухмылке.

Хитрец! Ведь совершенно ясно, что Комарик в технике ничего не смыслит.

— Н а у к а и техника, — уточнил Лаймдот и, скрестив руки на груди, прищурился. Видно, он тоже придерживался мнения, что в этих вопросах Комарик ни бумбум.

— Спорт! — Олаф взмахнул рукой.

— И корабли! — перекрикнул всех Томинь.

— Да, корабли! — поддержала его Югита.

Когда все высказались, Комарик захлопнула свой блокнот и произнесла задумчиво:

— А что, если пригласить в ваш отряд комсомольца с завода?

Такого хода мы от Комарика не ждали. Все сразу притихли.

— В самом деле! — продолжала между тем Комарик. — Я как раз знаю одного парня. Отлично разбирается в технике. К тому же спортсмен. Посоветуюсь-ка я с директором школы...

¹ Пьеса для детей латышской писательницы Анны Брайгадере (написана в 1922 году).

Когда Комарик вышла из класса, я повернулся к ребятам.

— Ну, что скажете?

— С этим комсомольцем — совсем неплохо. Но сама она пусть пасет своих октябрят — и баста! К нам пусть не суется.

Агрис сказал, как отрезал. Он у нас всегда такой решительный.

— Да, командовать ей не дадим! — хором поддержали его другие ребята.

— А мне она нравится! — заявила Иголочка. — Забыли, что ли, как Комарик шефствовала над нашей звездочкой?

— А помнишь, как ты сосала пустышку? — насмешливый Мадис зачмокал губами.

— Мне она тоже нравится, — сказала Сармита, энергично тряхнув головой. — Нископочки не воображает.

— Ас чего ей воображать, спрашивается? Подумаешь, артистка! Провалилась с треском!

Иголочка смерила Индулиса взглядом:

— Смотри сам не провались на выпускных экзаменах!

— И еще Комарик помогла Индулису отыскать пропавшую галошу, когда он разнылся в раздевалке, — вспомнила наша староста Карина давно забытый случай.

Индулис вспыхнул:

— Сколько мне тогда было лет? Нет, ты скажи! Скажи — сколько?

— Добро не должно забываться никогда! — стала поучать Карина.

И даже наша Сильвия, известный тугодум, всем на удивление тут же подхватила:

— Да, добро нельзя забывать!

Долго еще шли споры и пересуды.

Что там ни говори, а появление Комарика равнодушными нас не оставило. Впрочем, Комариком называть ее больше нельзя — классный руководитель запретила. Теперь остается одно из двух: либо по ее птичьему имени, либо, еще лучше, «товарищ старший пионервожатый».

МЕСТЬ САРМИТЫ

Сармита — лучшая ученица в классе. Круглая отличница третий год подряд. Но мы, ребята, Сармиту не очень жалуем. Слишком уж нахваливают ее учителя.

Не попотел как следует над домашним заданием, сразу напоминают о Сармите: «Посмотрите ее тетради! Как все аккуратно! А почерк какой!» И перед нашими глазами плывут чистейшие листы с ровнейшими строчками. «Берите с нее пример!»

Не обернул аккуратно учебники — опять в руках учительницы учебник Сармиты: «Смотрите, какая обертка!»

Читаешь вслух без особого старания — опять Сармита. Стоит у учительского столика и декламирует, как на сцене.

Да, Сармита... Всегда и во всем впереди. Вот это и вызывает раздражение — кому, интересно, понравится, когда тычут в нос. А недавно она меня так разозлила, что я даже решил отомстить.

Вот как все произошло.

Ояр, расшалившись, треснул Мадиса по затылку. Мадис не остался в долгу и вцепился ему в космы. Но ведь Ояр — мой друг. Разумеется, я кинулся к нему на помощь — как тут вытерпеть?

Когда учительница вошла в класс, потасовка была в самом разгаре.

— Что здесь происходит?

Мы разлетелись по своим местам. Сидим тихо-мирно, молчим. Мадису неловко жаловаться, Ояру тоже никакого резона признавать свою вину. Сидит, голову втянул в плечи. Ну а если главные виновники словно в рот воды набрали, то мне вылезать и вовсе ни к чему.

Тут поднялась Сармита и все подробненько растолковала:

— Ояр первый полез к Мадису. Мадис стал отбиваться. А Гунар решил, что Ояр без его помощи не обойдется.

Тут уж я не выдержал:

— Но ведь Ояр только пошутил!

— Гунар! Гунар! — учительница покачала головой.— И ты тоже полез в драку!

И хотя слова «сын директора» произнесены не были,

я невольно поежился, впервые ощутив неудобства своего нового положения.

Как обычно, классная руководительница не стала зря тратить слова. Мы с Ояром заработали каждый по записи в дневник и по двойке за нарушение дисциплины.

«И все из-за этой Сармиты! — злился я. — Ребята ни за что бы не выдали».

Как же ей отомстить? Думал-думал, и наконец мелькнула идея. Я ведь сегодня дежурю по классу. А дежурный обязан записывать фамилии учеников, которые плохо ведут себя на переменах.

Я стал следить за каждым шагом Сармиты. И — о счастье! — перед последним уроком, уже после звонка, она не села на свое место, а пошла к Сильвии болтать о чем-то. Сказать правду, другие шумели побольше, но я, разумеется, записал одну только Сармиту.

Только учительница вошла в класс, как я положил на ее стол записку.

Ребята торжествовали, и больше всех я. Вот так! Пусть знают теперь, какая Сармита хорошая и примерная!

По дороге домой она подошла ко мне и довольно ехидно поддела:

— Надо же, пожаловался учительнице! И на кого — на девочку! Всю свою храбрость израсходовал, или еще кое-что осталось?

— Будь спокойна! — обозлился я. — Понадобится — могу еще и стукнуть как следует.

Сармита сделала большие глаза.

— Ну тогда ты просто герой! — и рассмеялась.

Нам с ней по пути, живем по соседству. Но на сей раз каждый пошел по своей стороне улицы.

После школы я решил сбегать к приятелю обменяться марками. Но мать распорядилась по-другому:

— Если уж хочешь прогуляться, сходи заодно к Валеиням за домовою книгой.

— К Валеиням? — переспросил я без особой радости. Почему именно мать Сармиты избрали председателем нашего уличного комитета? Не могли кого-нибудь другого!

— Иди, иди, нечего раздумывать, — поторопила мать.

Ей лучше не возражать — это по опыту известно.

Я молча надел пальто и вышел на улицу. Минуту постоял, подумал. Почему же мне так не хочется идти к матери Сармиты? Или с Сармитой встречаться стыдно? А чего мне ее, собственно, стыдиться?

Собрался с духом, перешел улицу, распахнул калитку. Бодро протопал до двери, постучал.

Открыли. Сармита!

— А-а, ты! — с ехидной радостью воскликнула она и пригласила в комнату. Я шел сзади, громко топая, — пусть не воображает, что мне неловко.

Очутился в большой светлой комнате. Сармита уселась за стол и давай переключать школьные учебники, тетради. На меня — ноль внимания.

— Твоя мама дома? — спросил я после паузы.

— Мама? А ты разве к ней?

— Конечно, не к тебе! Нужна домовая книга.

— Сейчас она придет, обожди, — и добавила спустя миг: — Можешь присесть.

Я сел. Трудно мне, что ли, подождать немного?

Устроился поудобнее и стал листать журналы, они лежали тут же, на столе. Сармита сидела рядом, но я делал вид, что не замечаю ее. Не в гости пришел, по делу — и все тут!

Сармита встала и направилась в прихожую. Зачем? Не знаю. Это меня нисколько не интересовало. Потом она вернулась, но я даже головы не поднял. Опять вышла. В прихожей проскрежетал замок: наверное, Сармита закрыла входную дверь. Девчонка есть девчонка. Уже поздно, боится, как бы с улицы не зашел чужой. Ну и пусть! Меня не касается, пусть делает, что хочет.

Вошла в соседнюю комнату. И на это я не среагировал, хотя прислушивался во все уши: что ей там понадобилось?

Что-то шелестело, что-то скрипело, что-то Сармита тащила и толкала. И вдруг все стихло. Она снова вошла в большую комнату и остановилась у двери. Я сделал вид, будто весь погружен в чтение журнала.

— Ну, Гунар, теперь я тебе отомщу! — произнесла Сармита каким-то необычным голосом и стала медленно приближаться ко мне. В руках она держала деревянный ящичек, накрытый белой тряпкой.

— Ты? — я рассмеялся и поднял голову.— Интересно, за что?

— За то, что записал меня. По-твоему, это честно? Сильвия попросила объяснить задачу. Ты бы отказал?

А сама между тем стала потихоньку приближаться ко мне.

— Вот теперь я тебе отомщу!

Какие у нее стали хитрющие глаза! И почему она так странно улыбается? Что там может быть, в этом ящичке?

— Отомщу! — она подходила все ближе, ближе.

Я рывком вскочил на ноги:

— Брось ты! Хватит!

Глаза Сармиты стали большими и прозрачными, лоб перерезала складка. Такой я ее никогда еще не видел.

И этот странный ящичек, накрытый белым... Что она туда спрятала?

— Как я тебе отомщу! Ты даже представить себе не можешь, что у меня здесь...

Ближе, ближе... Я отступил на несколько шагов. Она — ко мне. Я отступил снова. Так мы прошлись по всей комнате.

— Боишься? Боишься — я вижу!.. А в школе ты был таким героем! А на улице даже стукнуть обещал!.. Но теперь я тебя проучу! Сейчас! Сейчас!

И она стремительно придвинула ко мне ящик. Да так, что я, отступая, чуть не упал.

Вот привязалась!;. А кто, собственно, сказал, что обязательно нужно играть с ней в эту глупую игру? Я рванул к выходу, нажал на ручку двери... Но нет! Сармита ведь заперла ее. А ключ? Нет ключа. Спрятала! Предвидела заранее!

Судорожно вцепившись руками в дверь, я стоял и не знал, что мне дальше делать. Сармита тоже остановилась. Какое-то время мы молча глазели друг на друга. Эти минуты показались мне ужасными. Сейчас она сорвет с ящика белую тряпку, и оттуда прыгнет... Да, да, прыгнет — так мне представлялось. Прыгнет или взорвется... И еще пришло мне на ум: не змею ли засунула Сармита в ящик? Кому не известно, что все лето она бродит по лесу, собирает

всяких жучков-паучков, лягушек, ящериц. Вполне могла и гадюку поймать.

Сармита шагнула вперед и стала медленно стягивать тряпку. Мне показалось, в ящике что-то шевельнулось. Мурашки поползли по спине, на лбу выступил пот. Изо всех сил напирая на дверь, я едва удерживался от того, чтобы не завопить: «На помощь!»

В этот миг Сармита сорвала тряпку, и перед самым моим носом заалели яблоки.

— Испугался, бедненький! — Она давилась от смеха.— Герой! А ведь я всего-навсего хотела угостить тебя крымскими яблоками. Дядя посылку прислал. Глянь, какие красивые! Бери, попробуй!

В полной растерянности я несмело протянул руку. Во рту пересохло. Наверное, от пережитого страха. Прежде чем откусить, я внимательно осмотрел яблоко, все еще ожидая подвоха.

— Ну как, нравится? — Сармита склонила голову и озорно подмигнула.

Я собрался было произнести несколько суровых слов насчет женской мстительности, но так и не смог: яблоко оказалось очень уж вкусным.

ИГОЛОЧКА

С Иголочкой у нас старая дружба, еще с того дня, когда она помогла мне справиться с длинным Николаем из седьмого класса. Тогда мы с ней учились еще в пятом.

Иголочку я не просто уважаю, а считаю одной из самых смелых девчонок во всей школе. С ней просто и легко, совсем как с мальчишкой. Она никогда не жалуется, не болтает лишнего — полная противоположность Изольде с Сармитой, которые просто не умеют держать язык за зубами. Ведь столько времени прошло после той истории с Николаем, а никто до сих пор так и не знает, что Иголочка спасла меня от неприятности. Сам Николай уже учится в десятом классе. Теперь он не посмел бы прикоснуться ко мне и пальцем. Как же — сын директора школы! А вот тогда...

Это случилось поздней осенью, сырым ноябрьским днем.

Воздух пропитался туманом, тяжелым и липким. Ни дождя, ни снега. В такую погоду ничем добрым не займешься: ни на коньках не побегать, ни на лыжах, ни даже пойти прогуляться.

После школы я пошел домой с мыслью побыстрее сделать уроки и засесть за «Таинственный остров» Жюль Верна.

Но тут возле пруда меня догнал Николай из седьмого, известный задира и драчун.

— Давай поборемся, старичок!

Я, конечно, отказался:

— Какая борьба в такой грязи!

Но ему нейдет:

— Что, трусил? Маменькин сынок!

— При чем тут — маменькин сынок? Не хочу — и все!

С чего это вдруг бороться с каждым встречным-поперечным!

— Как ты сказал? Со встречным-поперечным? Это я тебе — встречный-поперечный?.. Ну, держись теперь! — Схватил мою сумку и размахнулся, чтобы швырнуть в пруд.

— Ты что! — пискнул я.

Но Николай лишь засмеялся:

— Сейчас искупаем твои книжечки-тетрадки. Чише станут.

Я не на шутку перепугался: от Николая можно ожидать что угодно!

— Скажу учительнице! Отдай сейчас же! Отдай! — схватил его локоть обеими руками.

Николай оттолкнул меня и как припустил с моей сумкой. Я за ним!

Так мы и носились по берегу пруда. Ноги у Николая длинные, на бегу они кажутся еще длиннее. Каждый его шаг — два моих. Я окончательно выдохся и остановился, хватая воздух ртом. И зло берет, и сделать ничего не могу. Вот-вот заплачу.

Вдруг рядом возникла Иголочка — откуда только взялась?

— Что у вас тут за чехарда? — посмотрела на меня и,

сразу все сообразив, воинственно подбоченилась.— Эй ты, длинный! А ну отдай ему сумку!

— Ха-ха! — развеселился Николай.— Тоже мне командир нашелся! Вот искупаю тебя вместе с сумкой, будешь знать!

Тут и я возмутился:

— Она же девчонка!

Но Марита, к моему удивлению, нисколько не испугалась.

— А ну, искупай, искупай! Очень хочется знать, как ты это сделаешь. Ну, пожалуйста, чего ждешь?

Николай взмахнул своими граблями, выхватил у нее портфель и кинулся к воде. У меня замерло сердце. Но Иголочка по-прежнему оставалась спокойной. Она смотрела на Николая, слегка улыбаясь, словно заранее зная, что ничего не случится.

— Гляди-ка, не боится! — искренне удивился Николай.— А вот он напугался.

Я покраснел. Как-никак мужчина, чуть ли не на целую голову выше Иголочки.

— Вопрос только в том, кому больше следует пугаться — тебе или ему? — рассмеялась Иголочка.— Ему-то что будет? Ничего. А тебе? Сколько раз тебе уже ставили двойки по поведению? Возьмут теперь и выгонят из школы. Очень даже просто! Нужны нам такие ученики, как же! Да ну бросай скорей, чего тут болтать! Мне уже становится скучно.

— Сама бросай! — разозлился Николай.— Выдумала тоже! Связался тут с сосунками!..— Смачно сплюнул, швырнул наши сумки в кусты и быстро пошел.

— Трепач! — презрительно кинула Иголочка ему вслед.— Таких бояться нечего.

Я смотрел на нее с восторгом и удивлением. Надо же, какая бойкая! И смелая.

Дальше пошли вместе. Мне было неловко, но Иголочка словно не замечала. Рассказывала, какие прекрасные пироги печет ее мать, приглашала зайти попробовать.

Во девчонка!

И все же только нынешней осенью мы узнали Иголочку по-настоящему.

Футбольная команда нашего класса должна была

встретиться с ребятами из соседней школы. И надо же так: перед самым матчем заболел Олаф, наш лучший нападающий, верный шанс на победу. А теперь?.. Запасным был Зигурд, но он только недавно стал тренироваться. Выпустить его на поле слишком рискованно. Ведь противник не из слабых.

— Чего разнылись? — вмешалась Иголочка в наш невеселый разговор.— Посоветовались бы лучше со мной.

— С тобой? А ты тут при чем?

— Хотите, заменю Олафа?

— Ты?! — забыв все заботы, мы дружно захохотали.

— Ну и отстали же вы от века! — разозлилась Иголочка.— Девчонкам, что ли, футбол заказан? Действительно, смех!

И отбежала от нас.

Иголочка и футбол!.. Мы еще долго веселились. А потом Валдису, нашему капитану, пришла в голову забавная идея:

— Знаете что, пусть она тренируется с нами. По крайней мере, насмеемся всласть.

Футбольные тренировки были полностью отданы нам на откуп. Преподаватель физкультуры в них не вмешивался. Комарик — ох, извините — наша старшая пионервожатая тоже футболом не интересовалась. Так что здесь мы все решали сами.

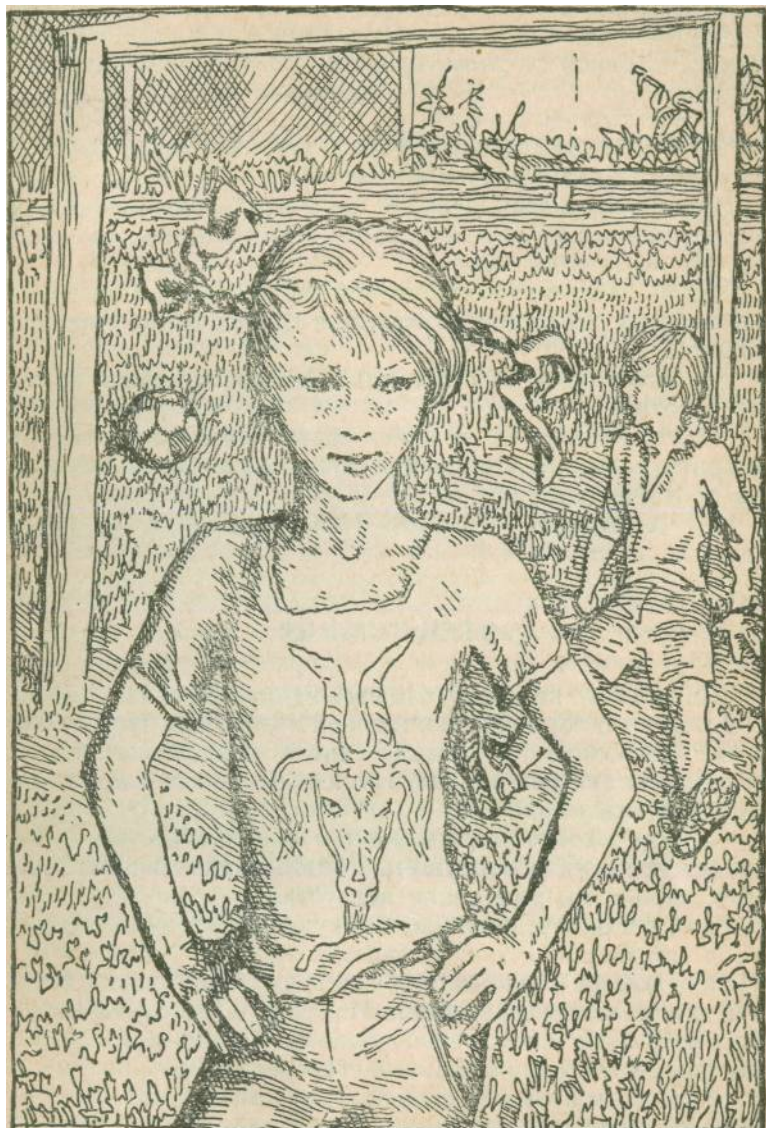
На школьном футбольном поле вместе с ребятами за мячом носилась и Иголочка. Пружинистая, быстрая, раньше всех у мяча. А водит как!

Каждый раз, когда Иголочка впечатывала гол в ворота,— а такое случалось, и, представьте себе, нередко!— мы, как ненормальные, орали: «Ура!» Честное слово, она играла не хуже, чем Олаф!

После тренировки мы пристали к ней с расспросами. Она лишь смеялась:

— Ну и наивные же люди! Могу одно сказать: ничего в этом особенного. Я играю на нашей улице вот уже шесть лет. Хорошая у нас улочка, тихая. Жаль только, трава там уже давно не растет...

Теперь никто из нас больше не сомневался: футболист

Узорочка

с таким стажем может смело играть в матче. Только что скажут те ребята, когда узнают, что у нас в команде девчонка? С одной стороны, вроде никто и не запрещал. Но с другой...

Марита опять смеется:

— Эх, головы еловые! Как завертится игра, будет у них время задумываться над этим!

Так и случилось. Никому из наших соперников и в голову не пришло расспрашивать, почему на поле девчонка. Не до того им было...

Лишь после матча, в котором мы победили с разгромным счетом, их вратарь, указывая на Иголочку, спросил, хмурясь:

— Это что еще за новенький? Надо ж, как хитро лупит по воротам.

Мы смутились, не нашлись сразу, что ответить. А вот Марита, услышав, что о ней речь, тут же подошла и бросила по-мальчишески:

— Честь имею — Марис Иголочкин! Рад познакомиться!

ОТЕЦ ТОМИНЯ

Ни для кого не секрет, что отец нашего Томина — капитан морского корабля. Так же, как и у Югиты. Но ее отец погиб несколько лет назад, спасая норвежское судно. А отец Томина как плавал, так и продолжает плавать по морям и океанам.

Томинь охотно рассказывал о своем отце, были бы только желающие послушать. Многие приключения бравого моряка мы уже знали наизусть.

Вот, например, однажды его судно перевозило трактора и автомашины для кубинских друзей. Большинство членов экипажа шло на Кубу впервые, настроение было приподнятым, праздничным. Но уже в открытом море барометр стал стремительно падать. Томинь даже точно показывал это место на карте — география была, пожалуй, единственным предметом, по которому он получал твердые четверки. А дальше... Томинь рассказывал так, что можно было заслушаться. Даже в книгах мне не попадались такие

красочные описания бури. Все началось с едва заметного шевеления вантов и антенн. Но вскоре шторм набрал силу и с воем обрушился на корабль, словно стая голодных волков. Водный простор наполнился горбатыми белыми спинами огромных волн. Серые нагромождения туч пронеслись над мачтами корабля, словно долгогривые кони. Отец не покидал капитанского мостика ни днем, ни ночью. Громовым голосом, уверенно и твердо отдавал он команды. (Рассказывая о мужестве отца, обычно косноязычный Томинь становился на редкость красноречивым).

На этот раз буря была особенно сильной и бушевала, как утверждал Томинь, восемь суток. Корабль то взлетал на гребень гигантской волны, то безудержно летел в отвесную бездонную пропасть — и временами казалось, что вот-вот он разлетится на тысячи кусков. Тем не менее команда не теряла спокойствия и уверенности, каждый делал свое дело. И моряки победили!

Томинь рассказывал взхлеб, и у меня появлялось ощущение, что я сам нахожусь на терпящем бедствие корабле, а его храбрый отец — вот он, рядом со мной!

Глаза Томина сверкали. Он непрерывно размахивал руками, словно сам боролся со страшной стихией, и вроде бы вырастал прямо на глазах, хотя его вихрастая голова по-прежнему оставалась на уровне моих плеч.

Про своего отца мне, к сожалению, ничего такого рассказывать не приходится. Он погиб в автомобильной катастрофе, когда я был еще совсем маленьким. И профессия у него была далеко не героическая — архитектор.

Однажды мы попросили Томина, чтобы он показал фотокарточку своего отца.

— Ладно, принесу,— почему-то насупился он.

И он действительно принес. Фотокарточка шла из рук в руки. На ней был снят во весь рост бравый капитан. В полной морской форме, с блестящим якорьком на фуражке и золотыми галунами — фото было цветным. Лицо капитана темное, обожженное солнцем и обветренное. Голубые глаза добродушные, улыбчивые.

— Так это же... не отец Томина! — воскликнула Изольда.

Опять вылезла! Этой всезнайке всегда и все известно лучше, чем другим!

— Сгинь! — зло выкрикнул Томинь.— Болтает тут! — и поспешно сунул фотокарточку в нагрудный карман.

— Не верьте ему!

Изольда страшная спорщица. Если кто-то скажет «да», Изольда из-за упрямства непременно заявит «нет». Если другие что-либо отрицают, она тут же ринется в бой доказывать обратное. Такой уж характер!

— Как ты можешь так говорить? — взялся я за нее.— Откуда, думаешь, Томиню так здорово все известно про корабли и моряков?

— Так я же знаю его отца! Никакой он не капитан, а сантехник. И с Томинем давно уже не живет. У него другая семья.

Да, Изольда умела испортить настроение. Мы так растерялись, что даже не могли ей возразить.

— Врешь! Врешь ты все! — вопил Томинь не своим голосом.

— А на фотокарточке — американский киноартист! — Изольда ткнула в карман Томиня длиннющим указательным пальцем.— Я сама видела его в кино. А вы-то разве-сили уши!

— Ну и пусть! — неожиданно встала Югита на защиту Томиня.— Твое-то какое дело? Растрещалась, как сорока: «Другая семья, другая семья»... Легче тебе теперь стало, да?

— Пусть не врет! — Изольда твердо стояла на своем.— Настоящий Мюнхаузен!

— А ты... А ты... У-у! — горестно взвыл Томинь, сжав кулаки, и умолк.

Мы тоже молчали. Таким несчастным он выглядел, что ни у кого не повернулся язык спросить, а как же в действительности обстоит дело.

С тех пор Томинь никому больше не рассказывает о далеких морских походах своего отца.

А жаль...

«ПРОШУ СЛОВА!»

После того как классная руководительница похвалила сочинение Сармиты «Лучшие минуты моей жизни», я, уловив удобный момент, выкрал из парты тетрадь. Потом мы хохотали всю перемену. Это было бесподобно! Оказывается, наша великая зубрила мечтает стать лошадиным доктором. Все сочинение от начала и до конца — про четвероногих!

«Мне очень нравилось ходить с тетей Марией на ферму,— писала она в своем шедевре.— Сколько там коров! И у каждой свое имя. Буренка. Белуха. Пеструха. Милка. Цыганка...

Мне нравилось гладить их блестящую шерсть, широкие лбы, угощать пучками травы.

Дядя Юрис, муж моей тети, работает конюхом. Он тоже разрешал мне помогать кое в чем. Постепенно я так привыкла к лошадям, что дня не проходило, чтобы не сбегала на конюшню. Лошади узнавали меня, тихо ржали, словно приветствуя, обнюхивали мои карманы, тыкались в ладони своими бархатными мордами, отыскивая ломти хлеба или кусочки сахара, которые я обычно приносила с собой.

«Разбалуешь мне их»,— говорил дядя, посмеиваясь в бороду. Дядя тоже любит лошадей. Он рассуждает вслух, а те задумчиво слушают. Ведь лошади так умны и чутки.

Дядя научил меня ездить верхом. Ох и здорово было, когда я впервые выехала из конюшни на вороном коне!

Со свинаркой Мартой я часто ходила смотреть свиней. Как раз в это время у многих маток появились поросята. Они лежали рядком, ровненькие, словно розовенькие подушечки. Никогда бы не подумала раньше, что поросята могут быть такими миленькими.

В деревне я не скучала ни дня. Помогала ухаживать за животными, готовить и раздавать корм, чистила хлев и конюшни.

Сдружилась я и с тремя собаками. Джина — красивая, белая-пребелая, только уши и кончик морды черные. Тйпсис, наоборот, весь рябой, как цветная фасолинка. Дядя Юрис сказал, что он — помесь финской лайки с таксой.

Очень смешной песик. И какой ревнивый! Он никому не разрешал прикоснуться к дядиным ботинками. Дяде же не позволялось трогать вещи тети Марии. Типсис добровольно взялся оберегать и мое добро. Удивительно, с какой точностью он определял, кому что принадлежит.

Но самые сердечные отношения у меня установились с пастушьей собакой Амой. Когда коров выгоняли в поле, мы обе с ней ложились в высокую траву, и я начинала объяснять ей, что в селе у собак жизнь куда привольнее, чем в городе, где их водят в наморднике и на поводке. Конечно, я знала, что Ама не вполне меня понимает. Но мне нравилось смотреть, как она слушает. Вглядывается пристально своими карими печальными глазами, голову склонит набок. А то вдруг тихо взвизгнет, словно удивляясь. Или хвостом замашет, как будто обрадовалась чему-то.

Но тут заболела Джина. Ветеринар сказал, у нее чумка. У Джины обвисли уши, стали слезиться глаза. Она ничего не ела, только спала. Дядя Юрис уже решил, что конец, пропала собака. Но я ухаживала за ней, лечила. И вот тут почувствовала впервые, что значит помогать в беде животному, которое даже не может сказать, где и что у него болит. Какими благодарными глазами смотрела на меня Джина, когда ей стало полегче! И тут я поняла, что лечить животных — это почетное дело, не менее важное, чем лечить людей. И я нашла свое призвание...»

Мы хвостом ходили за Сармитой, то ржали по-лошадному, то хрюкали, то блеяли, словно овцы. Особенно нас веселили «розовенькие подушечки». Сармита разозлилась не на шутку. Но мы не унимались:

— Хрюшечки-свинушечки! Поросятики-цыплятики, все вы мои братики! — сочинял на ходу поэт Эгил. — Кролики-несушки, уточки-индюшки! Доктор лошадиный, термометр длинный...

Здорово у него получалось! Сармита что-то кричала, возмущалась, а мы — ноль внимания.

Чего только не напридумывали! Мадис даже песню сочинил:

Да здравствуют лошадь и воробей!
Тра-ля-ля-ля-ля, тра-ля-ля-ля-ля...
И дворник лопату хватает скорей!
Тра-ля-ля-ля-ля-ля, тра-ля-ля-ля-ля!

И что-то там еще про лошадиные яблоки...

После перемены, на втором уроке латышского языка (у нас они обычно сдвоенные), только вошла учительница, как Сармита подняла руку:

— Можно сказать?.. Пожалуйста! Я очень прошу!

Получив разрешение, она вышла к учительскому столу, повернулась к классу и начала запальчиво:

— Толькочто на перемене меня высмеивали, называли лошадиным доктором и всякое такое. Издевались над свиньями, коровами, лошадьми. А я их люблю, так и знайте! Тут некоторые мечтают стать летчиками, космонавтами, актерами, а кое-кто уже чувствует себя готовым капитаном дальнего плавания. А на самом деле кто вы такие? Избалованные маменькины сынки — вот кто! Молочко-то пить вы умеете, это необходимо для вашего здоровья. А в хлев зайти боитесь—как бы башмачки не замарать. Шницели и лангеты вам подавай, а над скотницей посмеиваетесь. А вот для меня поросенок приятнее и милее, чем патлатый дуралей!

Вот ты, Эгил, стишки сатирические пишешь для стенгазеты. На перемене и про меня быстренько насочинял: «Хрюшечки-свинушечки, кошечки-собачки...» А помнишь, как было с твоим бедным Мйкой? Почему ему приходилось шастать по помойкам — это всем известно. Почему у него такая жалкая участь? Потому что тебе, маленькому, потребовался котенок для игр. А теперь у тебя совсем другие интересы. Теперь Мика тебе уже стал не нужен.

А Мадис? Песенку на перемене спел: «Да здравствуют лошадь и воробей», с какими-то там намеками на лошадиный навоз. Ну, а как насчет лестницы в нашем доме, которую ты всю усеял огрызками яблок? А про лифт не забыл? Ты же все его стенки изрезал ножом, как дикарь пещеру... И ты еще что-то поешь про лошадей!

Вот вы какие на самом деле. Герои!

Пожалуй, хватит,— Сармита повернулась к учительнице.—Я сказала все, что хотела.

- Пошла на свое место и села. Щеки пылают. В глазах огонь.

Наша классная руководительница, которая во время длинной речи Сармиты не произнесла ни единого слова, сказала после паузы приглушенным голосом:

Сарунта

— Ты все правильно сказала, Сармита.

Мы чувствовали себя так, словно нас выпороли. Сидели, опустив глаза, и разглядывали так хорошо знакомые парты.

На следующей перемене я вернул Сармите тетрадь. Попытался наладить отношения. Не подлизываясь, не упрасивая, а так, как это принято между нами, мальчишками.

— Да уж ладно! Что было, то было, ага?

Сармита не сказала в ответ ни «ага», ни «да». Только как-то странно посмотрела на меня.

Но она не сказала и «нет».

А это тоже многое значило.

ПОТРЯСАЮЩЕ!

Вот Комарик придумала так придумала! Завела себе заместителей! Да, да, заместителей — как же иначе их назвать? Нашему отряду, например, обещан рабочий с завода, отличный пловец и к тому же еще гимнаст. В параллельный класс, где одни девчонки, придет практикантка из швейной фабрики, к шестиклашкам — учитель балльных танцев из Дворца пионеров. Все они — наши младшие пионерские вожатые. Хотя ни один из-них не моложе Комарика. Даже старше.

У пятых и четвертых классов тоже появились младшие пионерские вожатые — из десятиклассников нашей школы. Так что Комарик — ах, простите, старшая пионервожатая Кайя! — сама Кайя может теперь только ходить и командовать.

Но мы ведь не забыли, что она нам наобещала. Взяли и напомнили: а как насчет пьесы?

— Не все сразу, — ответила Комарик. — Сначала познакомьтесь с заводским товарищем.

— А когда он придет?

— Как только немного освободится.

Больше ничего старшая пионервожатая не сказала. Даже про то, откуда он, с какого завода. Об этом мы могли только гадать. С текстильной фабрики? С радиозавода ВЭФ? А может быть, с Рижского вагоностроительного?

Потолковали и решили, что, наверное, она сама толком не знает. Пообещала лишь бы отвязаться.

Но мы ошибались. Он появился в тот момент, когда его меньше всего ждали — на большой перемене. Вошел в класс вместе с Кайей. Невысокий, худощавый, светло-серые глаза на смуглом лице. Пришел — и первым делом улыбнулся. Улыбка была открытой и дружеской. Кажется, она говорила: «Вот он я! Прямо с завода — и к вам. Видите, какие натруженные руки. Чуть-чуть неловко мне тут, среди вас, с непривычки. Ну что, будем друзьями?»

— Павел Волков,— представила Кайя.— Работает на рижской судостроительной верфи.

Я заметил, что с тех пор как послышалось слово «верфь», Югита глаз не сводила с Павла Волкова. Корабли для Югиты — самое главное на свете. Еще в пятом классе на листке с вопросом «Кем я хочу стать?» она написала: «Капитаном дальнего плавания».

Мы доказывали ей, что это не женское дело. Где там! — Ну и пусть. А я все равно пойду во флот.

Два раза в неделю она занималась в судомодельном кружке на станции юных техников, и, говорят, получалось у нее лучше, чем у иных ребят. А вот Томинь туда не попал: двойки у него не редкие гости, не только по русскому языку, и классная руководительница не разрешила. Вечно он что-нибудь да не успевает выучить. Югита же управляется со всем. Она у нас и председатель совета отряда, и редактор стенной газеты, и руководитель октябрятской звездочки, и непреременный участник всяких внеклассных дел. А учится только на «четыре» и «пять», хотя к зубрилам ее и не причислишь. У Югиты светлая голова и мальчишеская хватка. Так же, как и Иголочка, она с самого раннего детства лазила по деревьям, строгала лодочки из сосновой коры, играла в войну с ребятами, в то время как другие девчонки пеленали куколок. Я узнал об этом от Игопочки, они живут в одном доме. Только вот в футбол Югита не играет, а в остальном она — свой парень. А с Томинем их вообще водой не разольешь, оба словно помещались на кораблях и море. Удивительно ли, что теперь они не спускали с судоремонтника глаз.

Для начала Павел Волков с каждым познакомился. Имена и фамилии записал в свою книжечку.

Мы сгорали от любопытства:

— Можно вопрос?.. Вы давно работаете на верфи?

— Второй год.

— А мы сможем туда, к вам, попасть?

— Почему бы и нет? Я вас проведу.

— Чем вы занимаетесь в свободное время?

— О, многим.

— Музыкой тоже?

— Тоже.

— А на каком инструменте играете?

— На аккордеоне, на гитаре.

— А петь вам нравится?

— Кому это, интересно, не нравится петь?

Казалось, нашим вопросам не будет конца. Вот встала Югита. На скуластом мальчишеском лице глаза светились, как два уголька.

Наверное, и Павел не смог не обратить внимания на ее горящий взгляд.

— Ты хочешь что-то сказать? — спросил он.

— Хочу.— Югита шагнула вперед.— А вы плавали на корабле?

— Вон оно что! Я служил матросом на Балтийском флоте.

— А почему ушли? — в голосе Томина явно слышался упрек.

— Хочу отремонтировать суда. И потом я учусь в институте.

«Сколько же ему лет?» — все гадал я, вглядываясь в лицо Павла Волкова, по возрасту он вполне мог бы быть моим старшим братом. И на груди так хорошо знакомый всем нам комсомольский значок.

А вопросы все продолжались.

— Что будет делать наш пионерский отряд?

— Об этом я уже подумал,— оживился ремонтник.— Видите ли, на верфи я работаю в бригаде. Ну, и вы тоже вроде как бригада. Мы делаем свое дело — и вы тоже. Что, если обеим нашим бригадам вступить в соревнование? Первое условие — работать без брака.

— А какая у нас работа? — сразу встревожился Томень.— Ни плана, ни деталей.

— Тихо! — дернул Дирт своего беспокойного соседа.—

Может, нас возьмут помогать туда, на судоремонтную верфь.

Но Павел Волков покачал головой:

— Ваш брак — двойки.

У Томина сразу вытянулось лицо:

— А я... А мне...

— Дальше! — продолжал Павел, сделав знак Томи-
ню, чтобы помолчал. — Ни одного пропущенного урока без уважительной причины! Никаких опозданий на занятия! Активно участвовать в общественной работе, бороться за дружный коллектив, за стопроцентный порядок и дисциплину. Идет?

— А вы? Нам, значит, и то, и другое, и третье. А вам?

— И нам тоже. Вы возьмете свои обязательства, мы свои.

•— И контролировать?

— И контролировать. Взаимно. Мы вас, вы нас. Идет?

— Так — идет!

•— Отлично, товарищ Волков!

— Зовите меня — Павел. Значит, я могу сообщить своей бригаде, что в принципе мы с вами договорились соревноваться?

Мы ответили единодушным «да».

Павел рассказал нам, что надо будет сделать. На следующей неделе наш отряд явится на верфь. Там на совместном собрании с членами ремонтной бригады подробно обсудим условия соревнования. После чего обе стороны в торжественной обстановке поставят свои подписи и под обязательствами.

— А нам разрешат посмотреть какое-нибудь судно? — Томи-
нь не мог усидеть спокойно.

— Осмотрим и судно. Все посмотрим. Можем даже организовать встречу с корабельными командами.

— Ур-ра!

Тут уж не только один Томи-
нь — все мы, сияя от восторга, дружно захлопали.

Это был великолепный денек. Многообещающий, интересный. Что ж, соревноваться так соревноваться! Все нужно хорошенько обдумать, спланировать. Что делать

с двойками Томина, с его вечно грязными руками? Как добиться, чтобы Яутрита не опаздывала на занятия, когда ее мама в командировке? Как расшевелить тех, кто не очень-то активен в общественной работе?

Ну что, Мадис? Что, Изольда, Гельмут, Индулис? Теперь вы уже не сможете сказать, что в нашем пионерском отряде нет ничего интересного.

— Я попрошу Павла, пусть обучит нас матросской пляске,— Томиль был в полном восторге.— Он же сам матрос. Потрясающе!

ВОДЯНАЯ ВОЙНА

Все началось с водяного пистолета — обыкновенной детской игрушки, которую Гельмут приволок с собой в школу и из-за которой мы, мальчишки, словно разума лишились. В тот день мы ничего другого не видели и не слышали. Томиль, когда его на уроке географии вызвали к доске, ничего не мог ответить. В итоге — двойка. Я заработал троечку по латышскому, хотя грамматика — моя сильная сторона. Отличник Вилнис со всеми своими математическими мозгами еле-еле удержался на четверке.

Вот так! И все из-за этого самого водяного пистолета, который незаметно переходил из рук в руки и заставлял нас забывать и про учителей, и про класс, и про то, что пришли мы сюда учиться, а не играть.

На переменах мы липли к Гельмуту, как металлические опилки к магниту.

— Где купил? Сколько стоит?

Гельмут важничал:

— Попробуй купи такой!.. Это импортный. Да, да! Из ГДР. Тетка подарила.

Ах, счастливчик Гельмут! Почему же ни у кого больше из нас нет такой расчудесной тетки?.. Чего Гельмут не мог достичь семь лет — за все эти годы он так и не приобрел себе друга в классе,— он добился теперь за один-единственный день. Все ребята вдруг стали его лучшими друзьями. Куда бы Гельмут ни направлялся, мы окружали его, как придворные короля.

Кто знает, сколько бы это продолжалось, если через день или два Мадис не ворвался бы в класс с новостью:

— Ребята! В универмаге полно водяных пистолетов из ГДР! Целый вагон! Такие же, как у Гельмута!

После уроков мы все как на крыльях понеслись в универмаг. Точно! Красивые, блестящие, словно лакированные, лежат водяные пистолеты на прилавке. И длинный хвост мальчишек! Больших, поменьше и совсем еще пацанов. Нетерпеливо переминаются с ноги на ногу, ждут не дождутся своей очереди.

— Что делать? Где взять деньги?

— Как же все-таки заполучить эти пистолетики?

Сбились в кучу и стали мудрить, морща лбы. Попросить у родителей? Дадут, держи карман шире!

У Зйгиса возникла идея:

— Придумал, ребята! Завтра ведь платить за школьные обеды. А что, если из этих денег?..

Мы обрадовались. Неделю вполне можно обойтись без обедов. Пистолет этого стоит.

Так и сделали. Классная руководительница очень удивилась, когда все мальчишки вдруг разом отказались от обедов.

— Почему, ребята? — озабоченно спросила она. — Неужели в школьной столовой стали хуже готовить?

Мы в ответ несли всякую чепуху. У кого-то разболелся живот, кто-то потерял деньги, кому-то мать стала давать с собой бутерброды. Неловко, конечно, выкручиваться и врать. Зато уже на следующий день водяной пистолет был у каждого.

С нетерпением ждали большой перемены, чтобы проверить пистолеты на деле. И когда наконец зазвенел звонок, мы, словно сговорившись, рванули к ручомойникам. Зарядили пистолеты водой — и грянул бой! Били струйками друг другу в глаза, в уши, в волосы. Забыв, что находимся в школе, скакали как ненормальные, орали, визжали, свистели, носились. Нам казалось, что мы в открытом море. Идет морское сражение. Бьет шрапнель, рвутся мины, падают с визгом авиабомбы.

В самый разгар битвы примчался Гельмут. Что-то он кричал, размахивал руками, но мы были слишком увлечены игрой. Однако Гельмут не унимался:

— Иде-ет!

Предупреждение дошло до нас с опозданием. За спиной Гельмута стоял дежурный учитель Аболтынь. Уж не знаю, как случилось, что и в него попала струя. Воинственные крики вмиг сменились мертвой тишиной. Только теперь мы заметили свой собственный жалкий вид, залитый водой пол.

И этот возмущенный взгляд учителя!..

Аболтынь известен всей школе своей строгостью. Сам бывший офицер, он преподает у нас физкультуру и всегда требует порядка и дисциплины.

Что теперь будет? Скорее всего, Аболтынь сообщит директору... Да, приятного мало!

Мы едва решались поднять глаза на учителя. Он же молча смотрел на нас. Вероятно, раздумывал, как с нами быть.

— Сдать оружие! — наконец приказал Аболтынь и шагнул вперед, повелительно протянув руку.

Один за другим отдавали мы ему пистолеты. Он разружил всех до последнего.

Мы тяжело вздыхали. Неужели нельзя было поосмотрительнее? Испытали бы свои пистолеты дома. Трудно, что ли, переждать два-три часа?

— А теперь за работу! — приказал учитель.— Взять тряпки, ведра — и через пять минут чтобы все у меня было в полном порядке.— И добавил, по-прежнему строго глядя на нас: — По крайней мере, уборщице польза от вашей водяной войны — не надо будет мыть пол.

Мы облегченно вздохнули. Кажется, пронесло... Взялись за дело. Вытирали, отжимали тряпки, как умели. Надраивали не только пол — подоконники, стекла, даже в коридоре убрали, туда тоже натекли лужицы. Кто нас хваливал, кто насмешничал. Мы молчали. А что говорить? Хорошо хоть, что так. Могло быть куда хуже.

О пистолетах никому и вспоминать больше не хотелось. Пусть теперь они там, в универмаге, хоть пушками водяными все прилавки завалят!

У БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

Не только для Югиты и Томина, но и для всех нас это оказалось крупнейшим событием во всей нашей школьной жизни. Представьте себе высоченный док, на котором, как на огромной тарелке, стоит морское судно. Оно видно все, с верху до самого низу. Мне, конечно, и раньше было известно, что подводная часть кораблей почти равна надводной. Но теперь, когда совсем рядом со мной горой высился настоящий корабль, я почувствовал, как у меня забились сердце.

— Вот бы научиться строить такие гиганты! — вырвалось у восхищенной Югиты.

Павел знал про корабли все. Югита почти столько же. Мы — поменьше. Ну а Яутрита — той даже якорь в диковинку:

— Ой, какой большой крючок? Это что — пропеллер?

Доков здесь много. На одном стоит французский корабль. А название у него очень даже знакомое: «Даугава».

— Во Франции что — тоже есть такая река?

— Нет, такой реки у них, конечно, нет, — посмеивался Павел. — Они потому дали своему кораблю имя нашей Даугавы, что мы свое советское судно назвали «Сеной». В знак дружбы, обоюдного уважения.

На другом доке — корабль из Англии.

— Смотрите, смотрите, английские моряки! — как обычно, Томины все заметил первым. Поднявшись на цыпочки, он энергично помахал рукой. Матросы отвечают на его приветствие и спустя несколько минут оказываются уже возле нас. Разговор вначале не клеится. Один из англичан пытается объясниться по-русски, но так коряво, что мы все смеемся, и даже Павел не может спрятать улыбку. Сармита спешит к моряку на помощь:

— Ви андестед инглиш вэри уэлл¹.

Матросы приятно удивлены. Начинается беседа. Томины прямо-таки прилип к одному англичанину, длинному такому, светловолосому, с большим орлиным носом. С виду совсем еще молодой, а в зубах трубка.

Вот когда Томины приходится пожалеть, что в школе он

¹ Мы довольно хорошо понимаем английский.

не слишком усердно налегает на английский! Все же кое-какие слова он припоминает. И сразу скороговоркой пускает их в ход:

— Зэ шип из бьютифул. О'кей! Вери уэлл! Олл раит!¹

Матросы хлопают Томина по плечу и гогочут. Мы тоже смеемся. Томинь, скривив лицо, пытается вспомнить еще:

— Аи лайк... трэвел бай шип!²

На этом знания Томинем английского языка закончились, и он сконфуженно умолк. Зато обе наши зубрилы — Сармита и Изольда — взахлеб, перебивая друг друга, рассказывают англичанам и про школу, и про класс, и про все на свете. Время от времени и Павел вставляет словечко, когда у девчонок сбой. Что же касается меня, то я больше помалкиваю.

Томиню, видно, надоело слушать девчоночью болтовню. Он подходит к долговязому симпатичному матросу, прикладывает палец к губам и начинает странно жестикулировать. Как будто что-то тянет изо рта, потом снова сует обратно.

Длинный с трубкой сразу сообразил. Усмехнулся понимающе, сунул руку в карман, вытащил оттуда зеленую гляцевую коробочку и протянул Томиню.

— Потрясающе! — Томинь восхищенно выставил большой палец. — Мятная!

А вот Югита, увидев у него в руке жевательную резинку, схватила за рукав и стала громко поносить:

— Вести себя не умеешь! Нищий ты, что ли?

— Для зубов полезно, — оправдывался Томинь. — Знаешь как чистит!

— Не попрошайничать же! У нас своя есть.

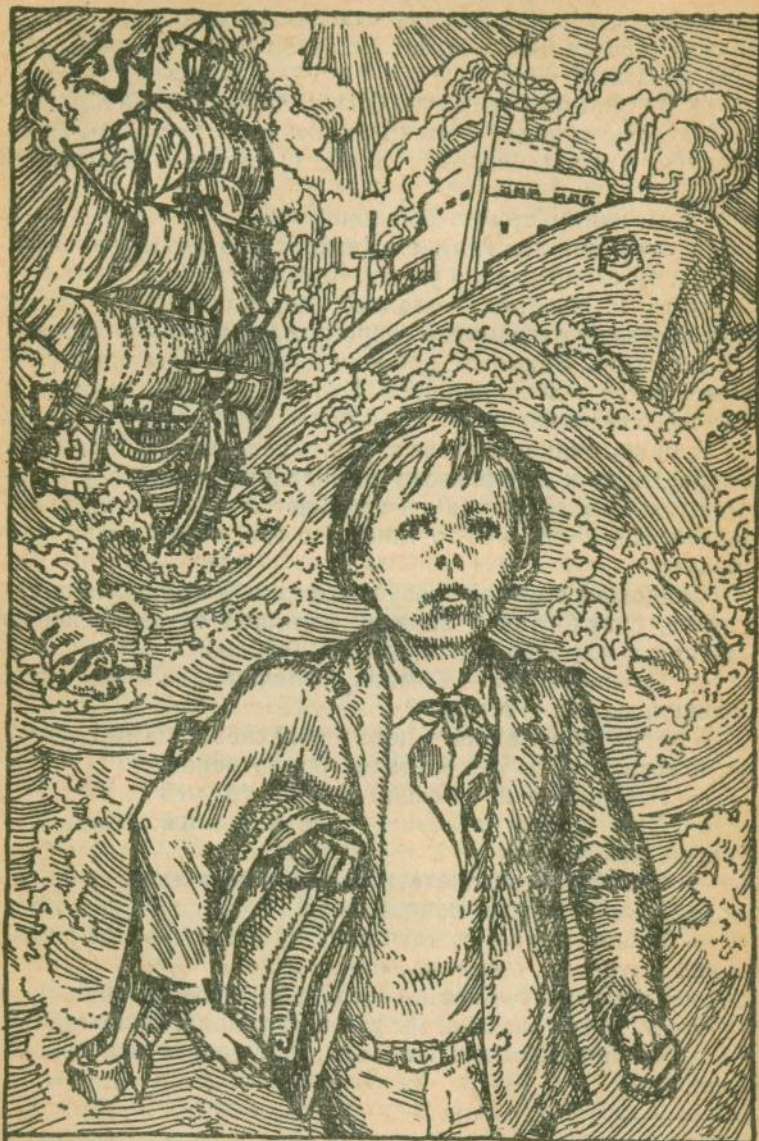
— Надо и чужую попробовать!

— Верни ему! — поддержал я Югиту. — Посмотри, Павел хмурится. Думаешь, он не видел?

— Еще чего! Не хва... — сердито начал Томинь.

Что он хотел сказать, мы так и не узнали. Неожиданно у всех на виду Томинь... пропал. Вот только что был — и нет его!

Красивый корабль. Прекрасно! Очень хорошо! Все в порядке!
Мне нравится... плавать на корабле.

Томинь

— Тонет! Тонет! — завизжали девчонки в ужасе.— Спасите!

Наш Павел, сбросив на ходу пиджак, тут же прыгнул в воду. Одновременно с ним — еще двое матросов.

Вскоре Томинь был снова на доке. Отряхиваясь и клацая зубами, он сообщил:

— Жвачка уплыла!

Если он ждал сочувствия, то ошибся. Все расхохотались. А Иголочка еще и уколола впридачу:

— Так что придется чистить зубы щеткой...

Один лишь Павел молчал, старательно выжимая мокрые брюки. И это, кажется, было Томиню больше всего не по душе. Почему Павел смотрит на него так, словно не видит?

И Томинь ежился и неловко переминался с ноги на ногу под этим странным взглядом.

А потом Павел накинул на него свой пиджак и повел за руку в цех.

Совместное торжественное собрание так и не состоялось. Обязательств тоже никаких не подписали. И все по вине этого Томиня!

ГАЗЕТЫ

Уж не знаю почему, но все взрослые убеждены, что по части проказ ребята далеко превосходят девчонок. Девочки всегда и во всем хорошие. А некоторые, такие, как Сармита, Изольда, Югита и Карина, просто даже образцовые. Смотри на них и бери пример!

Из всей этой четверки я лично признаю только одну Югиту. По крайней мере, она хоть не задается, как, скажем, Изольда. Но и у нее тоже есть свои недостатки. Например, Югита ужасно активна. Мало ей, что она без конца возится с октябрятами и своими кораблями. Еще добровольно взялась за подписку на газеты и журналы.

Подписаться на республиканскую пионерскую газету и детский журнал «Друг» Югита считает делом чести каждого школьника. Как раз из-за этого у нее вышли серьезные разногласия с Олафом. В пику Югите он громко заявил, что «Пионер» — газета для маленьких.

Поэтому он лично собирается подписаться только на молодежную газету и на журнал «НБИ» из ГДР.

Замечу, что немецкий язык Олаф знает хорошо. Не раз он хвастался перед нами, что дома читает немецкие книги. Ничего удивительного: его отец преподает в университете немецкий.

Югита разозлилась:

— Никто тебе не запрещает читать немецкие журналы — пожалуйста, сколько влезет! Но «Пионер» — это наша газета, понятно? Как ты еще узнаешь, что делается в других пионерских отрядах?

— Очень мне нужно знать! — не поддавался Олаф и демонстративно раскрыл какую-то книгу, мол, все, разговор на эту тему закончен.

Но Югита не отступала от своего.

— И все-таки! — она встала прямо перед ним.— Придется тебе подписаться!

— Нельзя силой заставлять подписываться,— вмешался Зигис.— Почему он не может выписать «Советскую молодежь» и «НБИ»? Его личное дело.

— Но Олаф — пионер? Пионер! — теперь уже и Иголочка выступила на стороне Югиты.— Пусть он подпишется и на свою газету.

Конфликт разрастался на глазах.

— Мне нечего там читать! — настаивал на своем Олаф, заткнув пальцами уши.

— Ах, читать тебе нечего! — обозлилась Югита.

Мигом она оказалась возле своей сумки, выхватила оттуда последний номер «Пионера».

— Вот, смотри! — Югита ткнула газету под нос Олафу.— Знаешь ли ты, к примеру, о том, что Боря Бархатов стал киноартистом? И убери, пожалуйста, руки с ушей, когда с тобой говорят. Ну? Знаешь?.. Говори, знаешь или нет?

Олаф пренебрежительно пожал плечами.

• — Хорошо, допустим — не знаю. А зачем мне нужно это знать?

— Ага! Не знаешь! Я так и думала! Конечно, не знаешь, потому что не читаешь «Пионер», а только взрослую газету и немецкие журналы. Очень похвально! А скажи, как называется газета немецких пионеров? Скажи, ну?

— Да что ты ко мне привязалась? — задергался Олаф.

— Не знаешь? Конечно, не знаешь! А в нашей пионерской газете про это было. «Ди Троммель»¹ — вот как она называется. Но зато про работу пионерской организации имени Эрнста Тельмана в ГДР ты уж наверняка сможешь нам рассказать. Про это ты читал? Читал? Скажи!

Олаф захлопнул книгу, вскочил на ноги и завопил прямо в лицо Югите:

— Что тебе от меня, в конце концов, надо? Что? Что?

— Только одно, — спокойно ответила Югита. — Ты должен понять значение газеты, из которой мы, пионеры, узнаем, что происходит в мире. Вот так. Подпишешься, да?

— Ладно, чтобы избавиться от тебя. — Олаф больше не сопротивлялся. — Слышишь, только для того, чтобы от тебя избавиться!..

Вот так стараниями Югиты мы все до единого подписались на «Пионер» и «Друг». Деньги она тоже собрала сама.

Подписка закончилась, мы стали регулярно получать свои газеты. Все как будто забылось.

Но вот в один прекрасный день перед уроками тот же самый Олаф вдруг объявил нам, что прошлым вечером заметил, как Югита сунула в их почтовый ящик пионерскую газету. Он увидел это через глазок во входной двери.

— А как ты узнал, что кто-то подошел к ящику? — не поверила Иголочка.

— У меня ведь Рекс. Он начинает лаять, как только войдут в подъезд. По шагам, понимаешь, определяет, кто свой, а кто чужой.

— И, ты говоришь, она сама опустила газету?

— Именно! Причем в спешке, оглядываясь по сторонам, словно боялась, что ее могут заметить.

Нам это казалось невероятным. Зачем Югите понадобилось работать за почтальона? Да еще тайком.

— А знаете, мне теперь тоже кажется, что Югита сама разносит газеты, — заметил Дидзис. — Позавчера должен был прийти «Пионер», а его с другими газетами не принесли. Перед ужином я снова спустился проверить ящик.

¹ «Ди Троммель» — «Барабан» (нем.).

На лестнице вдруг смотрю—Югита. Представляете, как я удивился? Спрашиваю: «Ты ко мне?» И знаете, что она ответила? «Нет... То есть, да. Понимаешь, я никак не решу задачу по геометрии. Может, объяснишь?»

— Фантастика! — воскликнул Лаймдот.— У тебя по геометрии трояк, а у нее... Кто в классе решает лучше Югиты?

— Вот и я подумал. Только потом. А вначале поверил. Позвал в квартиру, стал объяснять.

— Еще бы, такая честь! Отличница является к тебе за советом и помощью,— рассмеялся Мадис, запустив пятерню в свой чуб.

— И как же ты ей разъяснил? — Эгил хотел знать все подробно.— Она смогла хоть что-нибудь понять?

— Не цепляйся! — кинулась Изольда на выручку Дидзису. Всему классу известно, что он ей нравится больше других мальчишек; наверное, потому, что никогда не дразнится.

Дидзис почесал в затылке. Он уже как будто жалел, что начал рассказывать эту странную историю. Но теперь, нечего делать, пришлось собраться с духом и выложить все до конца.

— В общем, если говорить честно, я запутался. А Югита говорит: «Дай карандаш! Это делается вот как». И так здорово все объяснила. Было маленько неловко, но я все-таки спросил: «Чего ж ты тогда пришла ко мне, если сама знаешь?» А Югита говорит: «Мне казалось, я не понимаю. А теперь вдруг сообразила. Ну, будь!» И стрелой за дверь. А когда я потом заглянул в почтовый ящик — там «Пионер».

— Ясное дело: она кинула,— уверенно заявил Олаф.— Будет Югита ходить к тебе за геометрией!.. Ребята, это становится подозрительным!

Теперь и Гельмут кое-что припомнил.

— Мой папа вчера видел Югиту у газетного киоска. Она уносила целую кипу газет. Папа еще удивился, зачем ей столько.

Когда появилась Югита, весь класс уже знал ее тайну. Мы окружили «почтальоншу», принявшись наперебой говорить ей со всех сторон.

Она залилась краской, крепко сжала губы, но не про-

изнесла ни слова. Когда же мы стали настаивать, отрубил:

— Не ваше дело! Газеты получаете? Получаете. А это главное!

— Надо созвать классное собрание,— предложила Изольда.— Почему Югита водит всех за нос? Почему не говорит правду?

— А тебе какое дело? — Томинь зло насупил брови.— Если бы все были такими, как ты, жить стало бы невозможно. Вот лезет и лезет!..

— Мелочи жизни!— Робис безразлично отмахнулся.— Не все ли равно, кто кладет газеты в ящик?

— Конечно, если ей хочется самой разносить газеты — пусть носит,— сказала свое мнение Карина.— Но необходимо внести ясность.

Словом, она тоже была за собрание.

— Есть тут какой-то обман...

— Обман еще какой-то приплела! — все больше свирепел Томинь.— В чем она тебя обманула? В чем?

Я был в нерешительности. К кому же примкнуть? В конце концов высказался в пользу Югиты:

— Наверное, она хотела как лучше.

— Но почему? Почему? Есть ведь почтальоны. А?

Этого я не знал...

Собрание все же состоялось — и даже с участием классной руководительницы.

Все разъяснилось до смешного просто. Югита набрала столько всяких общественных поручений, что не успела своевременно сдать библиотекарю деньги за подписку. Вот и пришлось ей самой выполнять обязанности почтальона.

Двадцать пять учеников, двадцать пять адресов... Легко ли ей доставлять нам газеты? Но для чего врать? Не проще ли было сразу сказать, как обстоит дело?

Да, странная девчонка эта Югита! С одной стороны, энергичная, общительная, деловая. С другой — никакой смекалки. Ну неужели нельзя было приносить газеты в школу и здесь раздавать всем? Или ей стыдно было признаться, что она, такая общественница, вдруг могла что-то позабыть, что-то не довести до конца?

Скорее всего, тут и весь секрет!

Вот чудачка! Враги мы ей, что ли? Ну, посмеялись бы, пошутили над ней — и все!

Так и договорились: впредь газеты будем получать в школе.

ОБВИНЕНИЕ

Карина не дает нам ни минуты покоя. Вертится со своим блокнотом в руке и трезвонит на весь класс:

— Яутрите в четверти грозит двойка по истории. Дидзис тоже съехал вниз. Сильвия списала домашнее задание, и математичка ее поймала. А Робис вчера снова подрался...

В одной графе блокнота наши фамилии, в другой — все учебные предметы. Для отметок по поведению тоже отведено свое место. А еще в блокноте полный перечень наших грехов и заслуг.

Больше всех недоволен новшеством Томинь. Карина назначила ему в шефы Изольду, которую он просто не выносит.

— Когда же ты, наконец, привыкнешь к порядку? Нет у тебя ни капли сознательности! Покажи свои тетради!.. Сегодня после уроков займемся с тобой русским языком, — без конца донимает она Томина, следуя за ним неотступно, как тень.

Томинь терпел, потом огрызался, потом снова терпел. Наконец не выдержал и попросил классную руководительницу:

— Пусть мне назначат другого шефа!

— Старайся учиться так, чтобы обходиться без всяких шефов, — ответила она.

И все осталось без изменений.

Мы тоже ничем не могли помочь бедному Томиню. Если по-честному, никто из нас не смог бы так самоотверженно вытаскивать Томина, как Изольда. Она сама не знала покоя и Томиню не давала. А двойки нам сейчас были совсем ни к чему. Ведь договор с бригадой Павла мы все-таки заключили. Учиться без отстающих — шутка сказать!

И все-таки именно из-за этого шефства вскоре разыгрался неслыханный скандал.

Томиль сбежал со сбора отряда, где его должны были отчитать за плохую учебу.

На следующий день, едва Томиль показался в дверях класса, Изольда напустилась на него:

— Ты почему вчера удрал? Класс требует от тебя ответа! Почему?

Она так и сказала — «класс», хотя никто ее не уполномочивал говорить с ним от имени всех. Тем не менее мы промолчали — в конце концов, краснеть перед бригадой Павла придется не ей одной. Только вот напрасно она разговаривает с Томилем таким тоном. С ним нельзя повышенным голосом. Совсем наоборот: надо спокойно, терпеливо...

— Сейчас звонок будет.— Томиль, зажав сумку под мышкой, попытался прошмыгнуть на свое место.

— Ты это брось! — Изольда стала на его пути, раскинув руки.— Класс решил покончить с плохими отметками. А ты за одну только неделю заработал две двойки.

— Две-е?! — не своим голосом завопил Томиль.

— И удрал, вместо того чтобы объяснить классу причину. Как самый последний трус!

Но Томиль ее не слушал.

— Две? — голос его звучал как пронзительный рев sireны.— Как ты смеешь меня оскорблять? Мало того, что ты вмешиваешься во все мои личные дела, так теперь уже дошло до оскорблений? Вранье все это, понятно?

— Ах, вранье? — в свою очередь взвилась Изольда.— Вранье, что ты не успеваешь?

— Вранье — что у меня две двойки! Одна у меня, одна!

Все примолкли, в классе только и звучали их яростные голоса. Вот Томиль пригнулся, подался вперед. Чего доброго, еще полезет драться!

— Две двойки или одна — это все равно! Главное, ты тянешь класс назад!

— Ах, две или одна — тебе все равно? — Томиль тут же ухватился за ее слова.— Одна рука или две — все равно? Одна нога или две — все равно? Один глаз или два...

— Хватит, хватит! — вмешалась Югита в их дуэль.— Завелись! Карина, проверь, какие у него отметки.

Карина полезла в свой блокнот.

— Все-таки прав Томинь,— признала нехотя.— Наверное, Изольда ошиблась. На этой неделе у него одна двойка.

— Ага! Слышали? — торжествующий Томинь повернулся к Изольде.— Я требую, чтобы ты извинилась передо мной в присутствии всего класса.

— А мы требуем, чтобы ты исправил свою двойку!

То «класс» требует, то «мы требуем». Опять она за свое! Тут уж и я не смог усидеть спокойно.

— Прежде всего извинись перед ним. Точно не знаешь, не вылезай с обвинениями.

— Но Томинь все равно двоечник.— Как всегда, Сармита немедленно вылезла на защиту девчонки.— Пусть даже одна двойка.

Не знаю, когда успел прозвенеть звонок. Мы его не слышали. Опомнились, лишь увидев классную руководительницу с журналом в руке.

— Что тут у вас происходит? — строго спросила она.— Почему такой шум? И почему не на своих местах?

Изольда рысью побежала к себе, Томинь камнем упал на скамью. Начал копаться в сумке. Вытащил учебник, второй, третий... Нет, все не то, что нужно.

Наконец нашел, зашелестел страницами.

— Что задано? — шепотом спросил. Потом, скривив губы, бросил через плечо мне: — Скажи, а?.. Да что вы оба, оглохли? Что по грамматике, спрашиваю, задано?.. Обращение? Или прямая речь?

Пока выяснял, пока листал...

— Томинь! — послышался голос учительницы.

Надо же, как не повезло!

Вышел к доске. И без того красное лицо пошло багровыми пятнами. Волосы взъерошены. Видок!

Стоит у доски. Стоит и молчит. Молчит до тех пор, пока шариковая ручка учительницы не начинает вырисовывать в журнале отметку с красиво выгнутой шеей.

Тихий шелест проходит по классу:

— Вторая... Все-таки вторая!

Это слышат все. Югита сочувственно поглядывает на несчастного Томиня. Мне его тоже жаль: надо же, как не повезло! Да что я — кажется, даже Изольда прониклась

сочувствием к своему подшефному. Тяжело вздохнув, она восстанавливает в своей записной книжке зачеркнутую было двойку.

Снова брак... А ведь до конца четверти осталось совсем немного.

Что мы скажем Павлу?

КИНОРЕЖИССЕР ИЩЕТ ИСПОЛНИТЕЛЯ

Все случилось как-то неожиданно. Однажды в нашу школу явился невысокого роста мужчина, в джинсах, плотный, загорелый и глазастый.

По школе пронесся слух, что он кинорежиссер и ищет исполнителя главной роли для своей новой работы — мальчика лет тринадцати.

— А какое это будет кино? Про что? — донимали мы друг друга, но спросить у режиссера так и не решились. Удалось только выяснить у Комарика, что на киностудии, как и при поступлении на актерский факультет, когда отбирают кандидатов на роль, тоже проводят конкурсы...

И вот режиссер пришел к нам в класс, но мы все словно одеревенели. Он завел с нами разговор о том, о сем. Что нас интересует? Часто ли ходим в театр? Участвуем ли в драматическом кружке? Послушал нас внимательно и ушел. А на перемене" стоял в коридоре и молча наблюдал за нами, за ребятами из других классов.

— Жаль, что девчонки ему не нужны,— вздыхала Яутрита.— Так хочется сняться в кино!

Хитрая! Этого хотели бы все девчонки. И не только девчонки...

Режиссер провел в школе чуть ли не целый день. Несколькими уроками он посидел в нашем классе, потом отшел в сторону Индулиса, потолковал с ним.

Внешне Индулис привлекательный парень. Статный, с упрямым ежиком и озорной улыбкой. А вот характер у него неровный, переменчивый, капризный. То серьезен сверх всякой меры, то вдруг серьезность сдувает, словно пену, и он начинает беситься. То ржет, как жеребенок, то недовольно бормочет себе под нос, если что не по нему.

Странный какой-то. Который год учимся вместе, но вот только теперь, когда Индулисом заинтересовался режиссер, мы вдруг поняли, как мало, по существу, знаем о нем.

Режиссер повел Индулиса в кабинет директора школы, то есть моей матери, и они долго оттуда не выходили.

Когда Индулис снова вернулся в класс, лицо его сияло. Естественно, мы тут же поинтересовались:

— Что тебе сказал режиссер?

— Завтра пойду на киностудию, сфотографируют, сделают кинопробы. Если все будет в порядке, увидите меня в фильме «Старый бушлат». О моряках, разумеется.

Томинь подпрыгнул на своей скамье, точно его ткнули булавкой.

— Ты будешь играть моряка?! Юнгу?!

— Очень может быть.— Во взгляде Индулиса светилось торжество, но он с деланным безразличием пожал плечами. Затем все-таки не удержался, добавил: — Героя.— И подчеркнул:— Главного героя.

— Потрясающе! — воскликнул Томинь.

Как он, бедный, жалел в эту минуту, что пригласили на роль не его! Так ему хотелось быть вместе с моряками на корабле! Хотя бы в кино...

С того дня Индулис очень изменился. Он был часто занят на студии, по уважительным причинам пропускал уроки. Наконец сообщил нам, что утвержден на роль. Всем стало ясно, что с этого момента наш Индулис — киноартист.

— Тебя теперь, должно быть, освободят от занятий? — выспрашивал Томинь.— Сможешь совсем не приходить в школу?

— Нет, почему же...— Вытягивал Индулис нижнюю губу.

— А как тогда сниматься?

— Не каждый же день.

— А если уплывешь на судне?

— Плыть не придется. Будем снимать здесь, в порту.

— Что снимать? Какая у тебя роль?

— Мальчика, который попадает в банду спекулянтов.

Последовало разочарование:

Индус

— А-а...

— Кстати, у нас на студии еще продолжается конкурс. Для ребят помоложе.— Индулис говорил о студии, как о своем родном доме.— Есть там одна маленькая ролишка... Ребятишки каждый день отстаивают длинную очередь, чтобы записаться. Нужен один-единственный парнишка лет девяти-десяти, а приходят сотни...

Да, Индулис сразу стал заметной фигурой во всей нашей школе. Подумать только: киноактер!.. Теперь пионервожатая еще больше померкла в наших глазах. Он, Индулис, молодой талант, открытый известным кинорежиссером. Она — не состоявшаяся артистка. Да и по виду никакого сравнения. Кажется, жизнь сыграла тут одну из своих невеселых шуток. У Индулиса — внешность, у Индулиса — талант. А Кайя... К сожалению, она — Комарик. Просто Комарик — и все!

ТОМИНЬ ИСПЫТЫВАЕТ СЧАСТЬЕ

Мы ничего не подозревали. Никому из нас просто не могло прийти в голову такое. Но однажды... Томинь попросил классную руководительницу отпустить его с уроков. И только тогда мы узнали, что Томинь тоже собирается в артисты. Ему нужно идти на кинопробы.

—"Жогда успел? Как сумел? — обрушился на него град вопросов.

— Очень просто! Взял и пошел на конкурс. Индулис не соврал, там и в самом деле собрались пацаны: третьеклашки и второклашки. Ну и я с ними. Захожу в комнату, там комиссия. Прочти, говорят, стихотворение. А я, как назло, не могу вспомнить ни одного. Одни названия в голове мелькают — и больше ничего. А тут еще режиссер, этот, ну, который Индулиса на роль взял, так и смотрит, так и смотрит. А глаза у него — во! — Томинь соединил в кольцо большой и указательный пальцы.— И черные вдобавок. У меня аж уши запылали. Сейчас, думаю, как заорет: «Пошел вон!» Но он только подтолкнул локтем соседа и что-то ему прошептал. Тот сразу захохотал. И другие тоже.

— Представляю! — кивнул я.

Лицо у Томина ничего, приятное. Но когда он волнуется, оно преображается. То вытянется, то сомнется, как у резиновой игрушки, то перекосится, то соберется в складки. И уши при этом беспрерывно шевелятся, как у зайца. Неудивительно, что комиссия развеселилась.

А Томинь продолжал:

— И тут режиссер говорит мне: «Спустись на этаж ниже, разыщи лабораторию!..» Так и дошло дело до кинопроб. Сегодня должно решиться: я или кто другой.

— А какая роль?

— Сын морского капитана.— Томинь сглотнул слюну.— Мать у него умерла, а у бабушки оставаться не хочет, йнгмар его звать. Сторожа в порту знают его, пропускают к кораблям. Вот он, улучив момент, и проникает на судно, прячется в грузовом трюме и вместе с отцом попадает в море.

— И тебе в самом деле придется плыть на корабле?

— Не знаю, может быть.— Томинь печально вздохнул — или мне только показалось? — А, еще вилами по воде писано! Вот если пробы у меня получатся лучше, чем у других... К вечеру будет ясно.

Весь класс с нетерпением ждал результата: да или нет?

Томиню повезло!.. А так как к тому времени он стал учиться гораздо лучше, то классной руководительнице пришлось дать ему разрешение сниматься в кино.

— С двойками — ни за что бы не позволила!

Попробуйте теперь скажите, что Изольда тут ни при чем!

Вот так получилось, что в классе у нас стало ДЕЗ киноартиста. Ведут они себя по-разному. Индулис задирает нос. А Томинь радуется, как маленький, что сможет плавать на корабле вместе с актерами и настоящими моряками.

«ХВАТИТ, КОМАРИК!»

Выбор пьесы для постановки неожиданно вызвал в нашем пионерском отряде горячие споры. Было много всяких предложений, однако ни на чем остановиться не могли. Эта пьеса нравится одним, но другие категорически

против. Вторая по душе всем, но слишком трудна для постановки в школе. Третья и интересная, и не чересчур сложная. Но вот беда: ее уже поставили в соседней школе. Что ж теперь, плестись у них в хвосте?

— Я вам помогу,— пообещала Комарик.— Поищу сама в библиотеке.

Конечно, мы теперь обращались к ней по имени, но между собой продолжали называть по-старому: Комарик.

Не прошло и двух недель, как наша пионервожатая сообщила, что нашла кое-что интересное. Как будто написано специально для нашего класса. Нет контрастного деления на черное и белое, яркие характеры, важные проблемы, увлекательный сюжет. Так что скоро мы сможет начать работать.

И вот однажды Комарик явилась на пионерский сбор с рукописью в руке.

— Вот пьеса,— сказала она.— Действующих лиц много, ролей хватит для всех. Но взяться надо по-серьезному, засучив рукава. Один только Томинь освобождается от репетиций, так как будет занят на студии. Остальные участвуют все, в том числе и Индулис — у него съемки фильма будут происходить здесь же, в Риге, к тому же начнутся они только после Нового года. Так что времени предостаточно.

Кайя подробно пересказала нам пьесу. Интересно! Конфликты между самими школьниками, всевозможные острые ситуации с участием подростков и взрослых. Потом она сказала:

— А теперь распределение ролей!

С девочками все решилось быстро. Иголочке выпала роль бойкой девчонки, умеющей постоять за себя и за других. Сармите предстояло играть отличницу, добрую, всегда готовую прийти на помощь. А вот вторую отличницу, которая злорадствует, когда других постигает неудача, сыграет Сильвия. Прямо смех: Сильвия — и отличница!

Третью девочку, вялую, ленивую, балласт для всего класса, взялась играть Югита. Опять полное несоответствие! Но Югита радовалась, что у нее такая интересная роль.

А вот с Яутритой точное попадание. Ее Лолита всегда симулирует всякие болезни, когда вызывают к доске. Очень похоже! К тому же Лолите нравится модно одеваться — ну совсем как самой Яутрите!

Изольду Комарик определила на роль учительницы — это ей вполне по душе. Карина тоже получила подходящую роль: пионервожатая. Она стремится работать как можно лучше, но у нее все валится из рук.

Мне выпало изображать горячего любителя музыки, паренька, который забывает обо всем на свете, когда слушает хорошую музыку, и сам хочет стать композитором.

Забавная роль досталась Гельмуту. Его Эльмар трусливый и хитрый. Разбивает дома дорогую хрустальную вазу и сваливает всю вину на младшего братишку — роль пацана играет наш подшефный октябренок. Роль несложная, малышу на сцене почти нечего делать — он только плачет.

Точно таких историй, как в пьесе, с вазой, за Гельмутом не числится, но все-таки по характеру он трусоват и изворотлив.

Робис, здоровый и плечистый, станет у нас папочкой. Валдис согласился сыграть роль деда. Словом, с «мужчинами» вроде обошлось благополучно. А вот с женскими ролями похуже. Кто будет играть классную руководительницу, мать, бабушку?

Так как девочек в нашем классе всего только семь — не зря ведь параллельный класс считается девчоночьим, а наш мальчишечьим, — свободные роли предстояло распределить между ребятами. Но ни один из них не пожелал влезать в женские юбки. Какой же выход?

— Бросим жребий, — предложила Комарик.

Оставшиеся пока без ролей шестеро наших мужчин — Зигурд, Ояр, Дирт, Дидзис, Вилнис и Индулис стали тянуть бумажки. Зигурду досталась роль классной руководительницы. А что — он сможет! Голос у него негрубый, волосы густые и светлые, кудрявые к тому же, рост тоже подходящий.

Ояр, представьте себе, будет мамочкой. Незаметно, чтобы он обрадовался. А между прочим, Ояр и в жизни походит больше на девчонку, чем на мальчишку: у него тонкое

лицо с густыми ресницами. Когда мы еще учились в младших классах, тетеньки на улицах всегда умилялись: ой, что за прелестная девочка в штанишках!

Зато характер у него истинно мужской. И сдачи даст, когда следует, и за словом в карман не полезет. Причем никогда не жалуется.

И вот на сцене он будет матерью. Мама! Мамочка! Нам всем стало очень весело.

Но еще больше развеселились, когда Индулис развернул свою бумажку и с ужасом воскликнул:

— Бабушка!

Мы сразу же представили себе, как длинноногий Индулис будет выглядеть в старомодной юбке до пят и с платочком на голове. А платочек придется надеть обязательно: волосы у Индулиса острижены ежиком. Ну, может, и не платочек, а уж без седого парика ему не обойтись — точно! А парик — это будет еще смешнее.

И тут Индулис вдруг взял да швырнул на стол свою бумажку:

— Все! Нашли дурака! Мне ваш театр ни к чему.

— Как ты можешь? — Комарик с укором посмотрела на Индулиса. — Понимаешь, для артиста особенно важно умение перевоплощаться. Как тебе это объяснить?.. Сегодня, например, он играет старика, завтра — подростка. Словом, нужны разнообразные роли. Тогда артист может творчески расти.

— Сейчас разбежусь! — грубо отрезал Индулис. — Далеко ты сама ушла со своим разнообразием. С треском провалилась на экзаменах! И вообще... Указывает тут мне еще, артистка погорелого театра!

— Индулис! — У Комарика был такой несчастный вид, что у меня екнуло сердце. — И это говоришь ты, которому доверили роль в художественном фильме!

— Да я! — Индулис пристукнул каблуками. — А что, не нравится?

Никто из нас нисколько не боялся Комарика, и все вели себя с ней как равный с равным. Но чтобы так грубо!..

— Ты не имеешь права сорвать нам постановку пьесы. — Комарик, несмотря ни на что, продолжала уговаривать Индулиса. — Ведь сами договорились тянуть жре-

бий. И еще раз повторяю, артисту совсем не вредно перевоплотиться на сцене ну, скажем, в женщину. Именно так и приобретается мастерство.

— Хватит, Комарик! — Индулис склонил голову, словно собирался бодаться.— Берись сама за роль этой старушенции. Из тебя безо всякого перевоплощения получится отличная бабка.

Комарик покраснела. Стиснула губы, посмотрела на Индулиса то ли со злостью, то ли умоляюще. Схватила рукопись пьесы и вышла из класса, не проронив больше ни единого слова.

— Как тебе не стыдно! — сразу же подскочила Иголочка к Индулису.— Гляньте, какой важный! Мыльный пузырь! Смотри не лопни!

Это было только началом. На Индулиса дружно надели Югита, Сармита, Изольда, Карина, даже медлительная Сильвия. Ребята тоже чувствовали, что в разговоре с Комариком он перешел все границы. Однако не могу сказать, чтобы нас особенно волновала судьба постановки, затеянной Комариком. Не получится — и ладно, плакать не будем.

Куда больше нас занимали судоверфь и прочие дела, затеянные Павлом. Ну, например, на следующий сбор отряда он обещал захватить с собой красочные диапозитивы с изображением разных морских кораблей и подробно рассказать о них.

Разве не интересно?

РЫДАНИЯ ЗА СТЕНОЙ

Мы уже совсем было смирились с тем, что никакой пьесы играть не будем и театр наш приказал долго жить. Но тут неожиданно пришел Павел и первым долгом внес предложение:

— Я тут узнал, что ваш класс репетирует пьесу, и сразу подумал: а если нам взять да показать спектакль в клубе судоверфи, так сказать, в порядке шефства? Не сомневаюсь, это будет здорово. Уж если сама вожатая написала пьесу о школьной жизни... И ребята посмотрят с

удовольствием, и взрослые. Так что поздравляю с добрым начинанием и желаю успеха.

Мы сидели как пришибленные. Ни у кого не хватило духу признаться, что с постановкой ничего не вышло. Лишь слегка оживились, когда Павел спросил про дела в учебе.

— Брака нет! — возвестил Томинь.

— У Сильвии была двойка по английскому, но как раз сегодня она исправила,— уточнила Карина.

Изольда не выдержала все-таки:

— Если не считать, что Томиню сделали замечание за болтовню на уроке.

Томинь из-под парты показал ей кулак.

— Вообще, уровень знаний повысился, и поведение тоже...— тут Карина прикусила язык, и мы все сразу подумали об одном и том же.

— Очень хорошо! — к счастью, Павел ничего не заметил.— И у нас работа идет полным ходом. Досрочно отремонтировали француза...

Павел ушел, и все сразу кинулись к Индулису.

— Видишь, что ты наделал? Комарик ему обязательно расскажет. Как нам теперь выпутаться?

— Гениальный артист! Взял и все напортил!

— Плевать ему на пионерский театр! Он ведь в фильме снимается.

— Слышал, что Павел сказал? Оказывается, Комарик сама написала пьесу.

— Словом, отправишься к Комарику, попросишь прощения.

— И обещай ей, что будешь играть,— потребовала Иголочка.

— Ее сегодня нет в школе,— сообщила Карина.— У пионервожатых методический день.

— Ах да, четверг!

— Все равно! — не унималась Иголочка.— Иди к ней домой. Попроси прощения и возьми пьесу. Сразу же начнем переписывать роли.

Мы требовали, уговаривали, угрожали. Но Индулис наотрез отказался: никуда он не пойдет!

Иголочка разозлилась:

— Раньше я еще думала, что это так, случайно полу-

чилось. Но теперь вижу: неслыханное упрямство и зазнайство.

— Ладно, черт с ним! Пусть не участвует,— принял решение Дирт.— Я берусь, без всяких жребиев. Правда, я пониже его. Но разве бабушки обязательно должны быть такими, как отцы? Моя собственная бабушка, например, меньше меня.

— Тогда все в порядке,— обрадовалась Карина.— Но все-таки кому-то придется сходить к пионервожатой. Извиниться за Индулиса, сказать, нам очень жаль, мы все продумали и вместо Индулиса бабушку сыграет Дирт. Ну и пьесу взять.

— Думаешь, пьеса у нее дома? — засомневалась Яутрита.— Может, в школе оставила?

— Неважно,— твердо сказала Карина, у нее без всяких спектаклей повадки опытной учительницы.— Главное не в этом. Важно, чтобы сегодня вечером кто-нибудь к ней непременно явился с извинениями. И попросил заодно, чтобы разрешила переписать роли.

— Пусть идет Гунар,— предложила Югита.

С чего это вдруг? Почему именно я?.. Но и другие были того же мнения.

— Ты умеешь говорить,— пояснила Иголочка.

Честно говоря, я даже почувствовал себя польщенным.

— Что ж, если поручаете ведение мирных переговоров, постараюсь быть на высоте.

Но сделать оказалось намного труднее, чем пообещать.

Дверь мне открыла не сама Комарик, а какая-то угрюмая старушка, ни за что не желавшая пускать меня в дом.

— Только что вернулась с семинара, едва успела поесть. Все время в бегах. Передохнуть не дадут!

Я стал убеждать, что долго не задержусь. Скажу Кайе два-три слова, кое-что у нее возьму — и все.

— Ладно уж! — старушка неохотно пропустила меня в прихожую.— Подожди здесь.

И пошаркала на кухню.

Я стал ждать, когда появится Комарик. Но она все не шла. Пять минут, десять... Странно!

И тут я услышал неясные отрывистые звуки. Насторожился. Похоже на всхлипывания. Ну да, кто-то плачет!

Сначала негромко, пытаюсь сдерживаться. Но чем дальше, тем громче и неудержимее становится плач. Вот он уже переходит в настоящие рыдания. Могу спорить: это голос Комарика. Что с ней случилось? Где она?

Я весь превратился вслух. Кажется, плачут в коридоре. Подошел к двери, заглянул осторожно. Нет никого! И тут я снова услышал громкий всхлип, за которым последовали слова, прерываемые плачем:

— Не могу!.. Не могу больше!.. О, несчастная!.. Не хочу их больше видеть! Никого! Никогда!..

Слова стали неясными, голос дрожал. Рыдания, стоны, тяжелый хрип, словно там, за стеной, сжимали рукой горло...

Не хочет нас видеть! Никого! Никогда... Сейчас Кайя подойдет к двери, откроет ее и увидит меня. Одного из тех...

И хотя я вовсе не чувствовал себя таким уж виноватым перед Комариком, мне было легче провалиться сквозь землю, чем посмотреть ей теперь в глаза.

Я рванул дверь и, очутившись на улице, понесся во весь дух. Скорей! Скорей!

ПРАВДА ЖИЗНИ

До полуночи я названивал своим одноклассникам, у которых есть телефон.

А утром в школе убедился, что о случившемся уже знают все. Настроение в классе было мрачным и подавленным,

— Что теперь будет? — в голосе Сильвии слышались слезы.— Комарика наверняка увезут в больницу*

— Скажи уж прямо: в сумасшедший дом! — Агрис любил точность.

— Кто дал тебе право называть Комарика сумасшедшей? — накинулась на него Карина.— Она, просто переутомилась с нами. вспомните, что сказал Павел: сама написала пьесу! Думаете, это легко и просто? Наверное, работала по ночам, недосыпала... Ребята, что теперь делать?

— Говоришь, в квартире была одна только ста-

рушка? — Вилнис пронизывал меня пытливым взглядом следователя.

— Да, больше никого.

— И глуховатая притом?

— Похоже.

— Наверное, она даже толком и не знает, что происходит с Комариком,— встревожилась Иголочка.— Нет, тут без врача никак не обойтись.

— Считаешь, надо вызвать «скорую помощь»?

— Я этого не говорила.

— А если пойти к классной руководительнице? — предложила Сармита.— Она обязательно что-нибудь придумает.

Томинь, глядя на меня, предложил:

— Может, к твоей матери?

— Нет, лучше уж пойти к нашей классной руководительнице.

Так считало большинство.

Классная руководительница — ее фамилия Лауране — выслушала нас спокойно. Потом сказала:

— Ничего не надо предпринимать. И никакой «скорой помощи». Кайя живет у бабушкиной сестры, я очень хорошо знаю эту старушку. Умный, рассудительный человек. Если возникнет необходимость, она сама будет знать, куда обратиться.

— А родителей у Комарика нет? — спросила Яутрита и стала расспрашивать: — Эта самая сестра бабушки — единственная родственница Комарика, да?

— Это что еще опять за Комарик? — Учительница Лауране словно обдала нас ушатом холодной воды.— Сколько раз я вам говорила, что старшую пионервожатую не полагается так называть.

— Трудно мгновенно переориентироваться.— Вилнису очень нравится вставлять в речь иностранные слова, когда к месту, а когда без всякой надобности.— Всю жизнь так ее называли, а теперь...

— Мы без злого умысла,— добавил я.— Срывается иногда.

— У Кайи и отец есть, и мать, и брат,— сказала классная руководительница.— Только живут они в селе. И бабушка ее тоже с ними.

Кайя

• — А почему Кайя все эти годы живет в Риге? Там, у них, что — школы нет?

— Есть, конечно.

— Ну вот! А она почему-то училась здесь, у нас.

— А не кажется ли вам, что вы чересчур любопытны?

— Нет, не кажется, — возразил я. — Просто мы хотим получше узнать пионервожатую.

— Ну ладно, — сдалась она. — Дело в том, что у сестры ее бабушки несколько лет назад умерла единственная дочь. А муж у нее погиб на войне. Так что осталась старушка одна-одинешенька. Вот почему Кайя переехала жить к ней. К тому же девочка хотела после школы поступить на театральный факультет.

— И провалилась, — уточнил Индулис, впрочем, теперь это вовсе не для того, чтобы лишний раз подкусить.

— В жизни всякое случается, — сказала наша клас- сная руководительница. — Надежды сменяются сомнения- ми. Радость — горем. Успех — провалом. И наоборот. Такова правда жизни, ребята.

— Что же нам все-таки предпринять? — Карине не терпелось действовать.

— Пока ничего. Исправляйтесь...

Мы никак не могли успокоиться — что ни говори, а происшествие небывалое. Сильвия твердила без конца:

— Я вам говорю — у Комарика нервное истощение. О, я хорошо знаю, что это такое! У моей тети было. Четыре месяца пролежала в больнице. А сколько всяких ле- карств выпила — ужас!

— Комарик была нам, видите ли, плоха! — каялся Дидзис. — Теперь — пожалуйста! Назначат новую жо- ватую — какая еще попадетя. К тому же Павел — ее друг. Узнает и бросит все. Охота ему будет с нами возиться после всего! Словом, не видать нам больше судоверфи как своих ушей.

Он был прав. Положение — не позавидуешь! На уроках мы никак не могли сосредоточиться, шептались, перебра- сывались записками. Учителя то и дело одергивали нас, записывали в дневники замечания.

На большой перемене за обедом — все о том же: что будет с Комариком?

— Ах, хоть бы она выздоровела! Тогда пошло бы по-другому.

— Индулис, а ты бы теперь согласился сыграть бабушку? — Иголочка снова принялась за нашего киноартиста.

— Ну, если так уж необходимо...

Индулис явно сдавался. Почувствовав это, Иголочка приналегла:

— А извиниться перед ней?

— Как только появится в школе.

— Появится ли? — я с сомнением покачал головой.

— В том-то и дело! — тотчас же подхватила Сильвия.— Я же говорила: четыре месяца пролежала тетя в больнице. А потом еще два месяца отдыхала в санатории. Вот так, дорогой Индулис!

У Индулиса был сокрушенный вид. Он сам не ожидал, что все так плохо кончится.

— Я сделаю все, что захотите. Надо — сыграю бабушку. Надо — прабабушку! Черта сыграю — только оставьте меня, пожалуйста, в покое!

В дверях столовой появилась дежурная учительница.

— Почему ваш класс сегодня такой шумный?

Рядом с ней стояла... Наш Комарик!

Мы глазам не верили. В один миг окружили ее.

— Ты что — в школе? Тебе уже лучше стало?

Комарик смотрела то на одного, то на другого. Глаза у нее смеялись.

— Вероятно! С каких это пор вас стало заботить мое здоровье? И почему мне должно стать лучше? Все и так хорошо.

— Индулис согласен играть роль бабушки,— радостно сообщила Изольда.— Взялся наконец за ум.

— Правда? — Комарик, словно не веря такой новости, повернулась к Индулису.— А как же кино? Неужели пождет?

Индулиса передернуло, но все же отказаться от своего слова он не посмел:

— Если нужно...

— Разумеется! — подхватил Дирт.— В конце концов, ты ведь по жребию вытянул эту роль.

— Если, конечно, по времени не совпадает со съемками фильма,— опять заважничал Индулис.

— А, так и быть — пойду к тебе дублером,— самоотверженно вызвался Дирт.— На всякий пожарный случай. Мы сразу повеселели.

НА РОДИНЕ КОМАРИКА

В четверг вечером после репетиции пионервожатая сообщила, что завтра утром поедет в деревню и потому не сможет прийти к нам на сбор отряда.

— В деревню? Сейчас? — удивился Эгил.— Бабушка говорит, в такую погоду хороший хозяин даже собаку из дому не выгонит.

— Ничего не поделаешь,— придется ехать,— сказала Комарик.— Там картошку залили дожди.

У нее это прозвучало просто и понятно, как нечто само собой разумеющееся: залило картошку — надо помочь. Видно, поэтому и мы не смогли остаться безучастными.

— Возьми нас с собой!

— Мы тоже поможем!

— Пожалуйста, Комарик!.. Ой, прости — Кайя!

Иногда у нас еще проскакивал этот «Комарик». Но все не из желания обидеть — чисто по-свойски.

Кайя не соглашалась. Но и мы не унимались:

— Ну поговори же с классной руководительницей!

— Или лучше с директором!

— Если с заводов люди едут на уборку, то почему же пионерам нельзя?

— Ладно, я попробую,— пообещала наконец Комарик.

Мы обрадовались. Очень уж захотелось в деревню.

— Потрясающе! Контроша по матеше — тю-тю! — ликовал Томинь.— Лучше нарыть кучу картошки, чем ломать голову над этими заумными задачками.

— Учеба тоже работа!— как всегда рассудительно заметила Изольда.— А у тебя только одно на уме.

— Не скажу, что я в восторге от такой поездки,— вдруг пошел на попятную Гельмут.— Нас никто к этому не обязывает. А, между прочим, кто не привык работать

дождливой осенью в поле, запросто может заболеть ангиной.

— А, между прочим, жареную картошечку ты любишь! — съехидничала Иголочка. — Что же касается ангины, то ты скорее подхватишь ее, обедаясь мороженым, чем на картофельном поле.

Ни классная руководительница, ни моя мать возражать против поездки в деревню не стали. Последнее время наш класс стал учиться заметно лучше, по некоторым предметам мы даже опережали программу, и нас на целых три дня — пятницу, субботу и воскресенье — отпустили с пионервожатой помогать сельчанам. Кто же не хотел ехать, мог остаться в Риге и ходить на уроки в параллельный класс. Но таких не нашлось.

В пятницу рано утром, ровно в шесть ноль-ноль, встретились на вокзале. Все в длинных плащах, на ногах высокие резиновые сапоги, как и полагается на уборке картофеля.

Ехали в теплом вагоне, весело болтали всю дорогу. В окна хлестали струи дождя, но нас это не пугало. Мы уже видели себя почти героями, которые, не взирая на препятствия, идут на трудовой подвиг. Словом, настроение просто великолепное!

На станции нас никто не встречал. Мадис открыто выразил недовольство:

— Не могли автобус прислать!

— И духовой оркестр! — тут же съязвила Иголочка. Уж она случая не упустит.

Побрели к колхозу по раскисшей полевой дороге. Через полчаса Кайя остановилась у двухэтажного дома с бурыми стенами.

— Это школа. Заходите, раздевайтесь — и к председателю, — сказала Кайя.

— Председатель? Здесь, в школе? — поразился Ояр.

В просторной комнате нас встретил белобрысый парень лет четырнадцати.

— Знакомьтесь: это председатель, — представила Кайя.

Что-что? Он — председатель колхоза?.. Кайя, очевидно, напутала. Или просто оговорилась.

— Гвидо,— назвался белобрысый, подавая руку всем п© очереди.— Председатель школхоза «Колос».

— Школхоза?! — поразились мы. .

— Да, школьного хозяйства. Школхоз — наподобие колхоза. Что тут удивительного?

— Помощники к тебе из Риги,— сказала Кайя.— Брат писал, что школхозу нужны рабочие руки. Вот мы и заявились к вам.

— Да, все залило! — Гвидо, словно взрослый, озабоченно свел брови.— Бьемся уже чуть ли не месяц. А картошка удалась на диво.

— Ну, тогда показывай, куда нам...

— Сначала подкрепиться,— улыбнулся Гвидо.

Через несколько минут мы уже сидели за большим столом в школьной столовой.

— Какой же это школхоз? — никак не мог успокоиться Томиль.— Обычная сельская школа.

— Ничего не обычная,— возразила Комарик.— Первая школа в районе со своим собственным хозяйством.

Пока ели, с удивлением узнали, что уроки тут начинаются очень рано. К этому времени школьные занятия уже кончаются, и ребята выходят на работу в поле.

После завтрака отправились туда и мы.

Перед нами было картофельное поле, грязное и вязкое.

Приступили к работе. Предстояло собирать в бурты клубни, нарытые картофелекопалкой. Дождь лил как из ведра. Комарик двигалась впереди всех. Волосы у нее рассыпались под полиэтиленовой пленкой, по которой стекали быстрые непрерывные струйки. Ноги тонули в вязкой жиже.

Я посмотрел на себя. Тоже видок! В земле по шиколотку, плащ весь заляпан. Такой каши мне еще никогда не приходилось хлебать!

У Иголочки резиновые сапоги оказались чересчур большими. Они то и дело сваливались с ног, их приходилось силой выдирать из липкой грязи.

Вскоре мы растянулись по всему полю. Комарик так и шла впереди, за ней Югита и Олаф. Остальные крепко отстали.

Еще и часа не прошло, а мне уже казалось, что хуже этой работы нет ничего на свете. Больше всего донимали

меня брызги и комья, которые щедро расшвыривала картофелекопалка. Ветер дул как раз со стороны этой машины — так уж мне повезло! Все, кто оказались справа от нее, были почти полностью заляпаны грязью.

— Живее! Живее! — понукала Иголочка.— Мальчишки вообще ползут, как улитки!

— Ушла вперед на два шага и уже командует,— злился Робис.

А мне было не по себе. Девчонка все-таки, а вот смогла. А я, мужчина, тащусь в хвосте. Ну-ка, побыстрей!

Томинь тоже прибавил в темпе. Зато Гельмут взвился на дыбы. Растирая грязь по лицу перчаткой, он вдруг заявил:

— У меня эти грязевые ванны уже вот где! — И провёл рукой по шее.

— Эх ты, маменькин сынок! — Конечно же, снова Иголочка.— Надо было оставаться в Риге и держать ноги в электроваленках.

— А тебе надо приложить к голове лед, чтобы хоть немного остудить мозги,— не остался в долгу Гельмут и с досады стал кидать клубни в корзину с таким рвением, что грязь от него полетела во все стороны, не хуже, чем от картофелекопалки.

— Эй, эй! Размахался! В корзину тоже швыряешь или только в нас?

Даже здесь, на картофельном поле, Мадис не мог удержаться от зубоскальства.

Иголочка снова наполнила свою корзину раньше других. Схватила ее, потрясла, потащила к куче. Да, теперь каждый мог воочию убедиться, что она не только умела наравне с ребятами гонять в футбол...

Постепенно настолько втянулись в работу, что перестали ощущать холод и дождь. Подтрунивали друг над другом, шутили. Мы совсем забыли, что промокли насквозь, что с ног до головы облеплены грязью. А под конец рабочего дня очень удивились, увидев, как много мы собрали. Это было здорово!

Когда стемнело, мы собрались в столовой школьного интерната и вместе с хозяевами «Колоса» основательно подкрепились. Особых церемоний для знакомства не потребовалось. Нас сблизила работа на картофельном поле.

Экономист школхоза Ивета подсчитала собранные за день центнеры, сравнила с результатом предыдущих дней и сообщила, что благодаря помощи рижан урожай картофеля будет собран вовремя.

Со мной рядом за столом сидел председатель школхоза Гвидо, с другой стороны — Ивета. Но вот в дверях появился плечистый, рослый мужчина.

— Комарик! Комарик! — шепнул мне Гвидо.

Я посмотрел на нашу пионервожатую: она мирно сидела у края стола и ела, как все. Чего это вдруг Гвидо так забеспокоился?

— Здравствуйте, ребята! — заговорил мужчина. — Рады вас видеть. Рады вам, как дорогим гостям и к тому же еще помощникам.

— Кто это? — спросил я шепотом.

— Комарик! — так же тихо ответил Гвидо.

Я уставился на него.

— Какой Комарик?

— Ну как же! Председатель нашего колхоза.

— Отец Комарика? — я смутился.

— Какого Комарика? — в свою очередь удивился Гвидо.

— Ты, наверное, имеешь в виду Кайю? — догадалась Ивета.

— Ну да...

— Здесь, в деревне, никто ее так не зовет. Просто — Кайя. Знаешь, она раньше руководила художественной самодеятельностью нашего «Колоса». И сама тоже играла в театральном кружке.

— Как же она могла играть у вас в театральном кружке, если жила в Риге? — не мог понять я.

— Не забывай, что до этого она восемь лет училась в нашей школе, — пояснил Гвидо. — Все очень жалели, когда она уехала в Ригу. Но ее брат из седьмого, Удис звать, так вот ее брат говорит, что Кайя непременно вернется в колхоз и будет работать в новом клубе, когда его закончат строить. Кайя снова сможет руководить нашей самодеятельностью. А то, говорят, в Риге у нее не очень-то клеится.

— Откуда ты знаешь? — не удержался я.

— Неужели Комарик сама разрезвонила? — Ояр, си-

девший напротив нас, внимательно прислушивался к разговору.— Вот болтушка!

— Ничего не болтушка! — Гвидо явно обиделся за Кайю.— У нас учится ее брат, я вам говорил. Он тоже большой любитель театра. По выходным Удис ездит в Ригу к сестре, и они вместе смотрят спектакли. Вот он и рассказал, что Кайе с вами здорово не повезло, никто ее там слушать не желает...

— Она ведь у нас первый год,— стал я оправдываться.— И, главное, сама со школьной скамьи. Только что была ученицей — и, на тебе, сразу в пионервожатые! К такому повороту еще привыкнуть надо.

— Мне бы, наоборот, понравилось,— сказала Ивета.— Свой человек!

— А мы вот уже три года без нее. Тяжеловато...

А Гвидо посмотрел в сторону Кайи, которая на другом конце стола разговаривала с отцом.

— Когда она приезжает к нам, это же чистый праздник. Если бы Кайя сейчас жила здесь, тогда был бы у нас в школе театр так театр! Давно завоевали бы звание народного — это точно! Как валмиерцы — слышали про их школьный театр «Мальчик с пальчик»?... Кайя здорово умеет увлечь!

— Да, наверное... Вот и на картофельном поле. Она работала, словно играя. Дождь лил, не переставая, до самого вечера. А глядя на нее, можно было подумать, что ярко сияет солнце.

После ужина мы разделились. Девочкам отвели место наверху, нам, ребятам, на нижнем этаже.

Гвидо остался ночевать с нами. Хоть и устали порядком, но разговоры затянулись допоздна. Мы узнали от него много интересного. Про отца Кайи — оказывается, он один из лучших председателей колхоза в республике. Про Нбрмуйжскую церковь, которая стоит прямо против интерната, у автобусной остановки. Ее построили еще в шестнадцатом веке, и в ней хранятся деревянные скульптуры того времени. А главное, в склепе до сих пор стоят гробы с останками немецких баронов, бывших хозяев здешних мест. Легенда рассказывает, что из церкви ведет подземный ход в Нормуйжский замок, где сейчас туристская база. Ход начинается в склепе, и где-то там запрята-

ны корона короля Швеции и старинная карета, вся из золота...

Мы слушали затаив дыхание.

— Неужели все вы тут так и продремали, рядом с этим бесценным кладом? — удивился Томинь.

— Нет, конечно! — ответил Гвидо. — Искали — и не раз. Да вот...

Так я и уснул, недослушав. Глаза закрылись сами собой. Последнее, что осталось в моем сознании, были слова Томина:

— Вот бы забраться туда...

Необычный выдался денек. Нароботались, насмотрелись и наслушались всего. Но мы еще не знали, какие неожиданности и приключения нас ждут впереди!

БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

Никогда не забуду ту самую ночь с субботы на воскресенье, когда мы лежали в своей временной спальне и никак, ну никак не могли заснуть, рассуждая о предстоящем карнавале, или, как его здесь называли, «овощном бале», в сельской школе.

Маски у нас уже были готовы. Закончив работу в поле, трудились над ними весь вечер. Необходимый материал помогли раздобыть наши новые друзья. Теперь у каждого была маска. Свет уже давно выключили, но это не мешало нам веселиться.

Внезапно Мадису пришла в голову озорная мысль: надо срочно устроить генеральную репетицию и проверить, как мы будем выглядеть все вместе: Робис — капуста, Индулис — сахарная свекла, Дидзис — ржаной колос, Олаф — петрушка, Зигурд — груша, я — картошка...

И еще мы решили, что нужно в таком виде обязательно показаться девчонкам.

Вместе с нами стал переодеваться и Гвидо. Он надел свой карнавальный костюм — длинный дождевик, весь увешанный гроздьями рябины. Это, по его замыслу, должно было означать осень с ее яркими красками. Теперь, когда мы познакомились с Гвидо поближе, то уже знали, что серьезный председатель школхоза тоже не прочь пошутить

и порезвиться. Он был в восторге от предстоящей ночной репетиции.

Мы быстро переоделись. Глядя друг на друга, чуть не лопались от смеха.

Забавнее всех выглядел Дирт в трусах с заглаженными складками, в пиджачке из оранжевой гофрированной бумаги с пышными оборками. Очень было похоже на луковицу, а от нее вверх — зеленые перья, Дирт смастерил их из аира. Я мог поклясться, что он получит премию. Вот только ходить ему было трудно. Как известно, у луковицы шире всего средняя часть. Поэтому желтые оборочки над самыми коленками пришлось связать. Вот Дирт и семенял по комнате мелкими шажками, как толстушка на тонких ножках. Где тут удержаться от хохота.

Меньше всех потрудился Томинь. На нем был зеленый тренировочный костюм. Томинь не снимал его даже ночью, чтобы теплее было спать. Залезал в нем под одеяло, накрывался с головой и мигал оттуда карманным фонариком, который привез с собой. Сейчас он обмотал голову синим шарфом с бахромой и заявил, что это — василек.

Гельмут тоже не мог похвастаться богатством фантазии. Взял да напялил на голову выдолбленную тыкву, в которой был очень похож на турецкого султана.

Гуськом мы проследовали по коридору интерната и стали подниматься по ступенькам. Вот развеселятся наши девчонки! Но тут прямо на лестнице напоролись на... школьную уборщицу, которая жила в интернате.

— Это еще что такое! — пронзительно выкрикнула она. — Я сейчас же разбужу заведующего!

— Горностаиха! — прошептал Гвидо, и в голосе его зазвучал приглушенный страх.

Мы стремглав кинулись вниз.

Горностаиха была похожа на льва — честное слово! Длинные волосы, которые она днем собирала в гладкий пучок, гривой рассыпались по плечам, заспанное лицо с маленькими колкими глазками казалось безжалостным и свирепым.

Единым рывком миновали нижний этаж, ввалились в спальню и, как были, во всех своих карнавальных доспехах, кинулись к кроватям. Скорей, скорей под одеяло!

А на лестнице уже гремели мужские шаги, наверное, заведующего интернатом, и слышался голос Горностаихи:

— Оргии здесь устраивают — подумать только!

— Еще хорошо, что мы успели вернуться к себе!

Но нас ожидал сюрприз. Кровати неожиданно оказались занятыми. Да, на них уже спали! На всех до единой!

В спешке мы попали не в свою комнату, а к младшим школьникам. Как потом выяснилось, один лишь Гвидо, поскольку он ориентировался лучше нас, добежал до нужной двери.

А мы? Что нам теперь делать? В коридор возвращаться было уже поздно. А разбуженные малыши напугались и стали кричать.

— Тихо! Не орите! Это мы, рижане! — успокоил ребятшек Робис и, недолго думая, полез в первую попавшуюся постель. Остальные тоже — кто в кровать, а кто под кровать.

Когда заведующий интернатом открыл дверь, в комнате стояла тишина. К тому же было темно. А зажигать свет он не стал.

Не скоро мы осмелились проскользнуть к себе в спальню. Там нас ожидал обеспокоенный Гвидо.

— Куда вы запропастились? Тренер поймал?

— Тренер? — мы хлопали глазами. — Не было там никаких тренеров.

— Ну, заведующий интернатом. Он же и тренер...

Наконец улеглись, однако еще долго шептались о том, какие неприятности ждут нас завтра. Среди ночи поднять на ноги весь интернат — это так с рук не сойдет.

Но главные события той памятной ночи были еще впереди.

— Ребята, а где же Томинь? — вдруг спросил Ояр, ощупывая пустую кровать по соседству.

— И Эгила тоже нет! — сообщил Агрис.

Включить свет мы боялись. Пошарили руками. В самом деле — пусто!

— Наверное, заплутались в этом лабиринте, — сказал Зигурд. — Неудивительно в такой кутерьме.

— Уж не попались ли ему в руки? — снова забеспокоился Гвидо. — Уложит еще в изолятор.

— Да, хорошего мало! — кусал губы Ояр.

Гвидо стал нас успокаивать.

— Ничего страшного! Подержат ночь, а утром прочитают нотацию и выпустят.

— А мне все-таки не верится, что их сцапали,— засомневался Робис.— Томинь так просто в руки не дастся. Бегун экстра-класса. Самый шустрый во всей школе. Настоящий циркач: на голове стоит, сальто делает. Нет, исключено!

— Да и Эгил не птенчик,— добавил Мадис.— Куда же они все-таки могли запропасться? Нет, как хотите, а я пошел в разведку.

Он потихоньку отворил дверь и, как кошка, неслышно проскользнул в коридор.

Вскоре Мадис вернулся с шарфом в руке. Даже в темноте мы тут же опознали «василек» Томина. Стали спрашивать:

•— Где нашел?

— На шкафу.

— На каком шкафу?

— Ну там, кажется, где белье.

— А не забрался ли Томинь в шкаф?

— Не в шкаф, а на шкаф. Иначе как бы его шарф оказался наверху?

— Тогда почему же его самого там нет?

Судили-рядили, но ничего толкового придумать так и не смогли. Если Томинь, удирая от заведующего, забрался на шкаф, то куда же он делся потом? А Эгил где? Вряд ли они сидели там, на шкафу, вдвоем.

Гвидо встревожился не на шутку:

— Вдруг они все-таки нарвались на тренера? Разумнее всего пойти и спросить.

— А если он ничего не знает? Заварим, тогда хорошенькую кашу,— возразил я.

— Самим надо разобраться,— произнес свое веское слово Валдис. Он у нас молчун, перед тем как что-то сказать, долго думает.— Помните, что говорил Томинь, когда Гвидо рассказывал, о склепе? «Вот бы туда попасть!» Как бы они с Эгилом не задумали пробраться в церквушку.

— Как? Сейчас? — воскликнул Гельмут.— Среди ночи! В такую темень! Что они там увидят?

— А карманный фонарик забыл?
— Верно! У него настоящий прожектор.
— Ояр, проверь! Фонарь должен лежать там, под подушкой,— • попросил Сигурд.— Ну, есть?

— Пусто!
— Вам еще не ясно? — спросил Валдис.— Томишь взял фонарик с собой.

— Придется идти искать,— оживился Мадис.— Не обязательно всем. Трех-четырех вполне хватит.

— А как отсюда выбраться? Двери закрыты, ключи у Горностаихи. Попробуй добудь!

— Окна тебе мало? Значит, так, ребята,— стал командовать Мадис,— открывать осторожно, чтобы ни звука. Гвидо, полезешь первым и покажешь дорогу. А то темнотища такая, шею свернуть недолго.

— Глупости! — высокомерно заявил Гельмут.— Игра в шерлок-холмсов. Самое настоящее детство.

— Сгинь! — прикрикнул на него Робис.— Мы просто обязаны найти наших товарищей.

Просто невероятно! Робис — и вдруг такие переживания за друзей!

Первыми в окно полезли Гвидо и Робис. Затем выбрались Мадис с Валдисом, за ними я и мой друг Ояр.

Осенняя темь как будто сгустилась еще больше. По-прежнему лил дождь. Не видно ни зги! На ощупь перебрались через грязную дорогу.

— Ну и кисель! — ворчал Мадис.

— Счастье, что церквушка совсем рядом,— успокоил нас Гвидо.

Я заметил под мышкой у Мадиса какой-то сверток.

— Что это там у тебя?

— Надо быть готовым ко всему.

Я удивился:

— К чему, например?

— Например, к оказанию первой помощи. В случае, если с ними несчастье. Могут даже носилки понадобиться.

Я не успел понять, шутит он или говорит серьезно, как вдруг раздалось приглушенное восклицание Ояра:

— Видели? Видели? Свет!

В самом деле, недалеко мелькало узенькое яркое пятнышко.

- Вот опять! Фонарик Томина, точно!
- Там оконце склепа,— сказал Гвидо.
- Что я говорил? — обрадовался Валдис.

Робис почувствовал себя уязвленным.

— А я что — возражал? Если хочешь, я первый сказал, что Томинь не из тех, кто дается в руки.

Мы продолжали ощупью пробираться через церковное кладбище к слабому, дрожащему лучику света. Он то исчезал, то появлялся вновь.

Но, подойдя вплотную к церковке, мы обнаружили, что оконце почти полностью закрыто большим камнем, который, вероятно, вывалился из кладки незадолго до нашего прихода: в церковной стене над оконцем зияла большая дыра, а сам камень был весь обрызган свежей грязью.

Значит, Томинь и Эгил находятся в подвале, в погребальном склепе, и не могут оттуда выбраться. Какой ужас!

С трудом мы отвалили камень и один за другим протиснулись в оконце.

В подвале было сыро и мрачно. Почти ничего не видно. Лишь Томинь и Эгил вырисовывались в глубине шевелящимися тенями.

— Ой, ой, ребята, как хорошо, что вы пришли! — Томинь весь дрожал.— Мы бы тут умерли с голоду.

— Скажи спасибо своему карманному фонарику,— сказал Валдис.— Это он тебя спас.

Томинь словно сделался еще меньше ростом. Сгорбившись в три погибели, он молча потирал озябшие руки.

Внезапно в углу склепа выросла фигура в белом. Плавно взмахивая руками, словно аист крыльями, странное существо медленно направилось в нашу сторону. Оно как будто парило в воздухе, не касаясь пола.

— Привидение! — вскрикнул Томинь. Карманный фонарик в тот же миг выпал у него из рук и звучно ударился о каменный пол.

В склепе стало совсем темно.

Мы больше не видели ни привидения, ни друг друга. Не знали, в какую сторону податься, куда поставить ногу. Даже шевелиться не решались.

Первым пришел в себя Гвидо.

— Что же это такое было? Никаких привидений нет и быть не может.

— Значит, все-таки может,— голос Эгила дрожал.— Сейчас еще что-нибудь произойдет, вот увидите.

— Чепуха! — оборвал его Робис.— У тебя богатое воображение. Но меня глаза никогда еще не обманывали. Белая простыня есть белая простыня. Обычный трюк, когда хотят сделаться привидением. Придумал бы что-нибудь пооригинальнее, Мадис!

Только теперь я сообразил, что было у Мадиса под мышкой.

Стали думать, как выбраться из склепа. Ничего пугного на ум не приходило. Надо подойти к оконцу, а как в темноте определить, куда шагнуть? Того гляди, угодишь ногой невесть во что — бр-р!

Так и стояли, не двигаясь с места и осыпая упреками друг друга. Больше всего доставалось Мадису за его дурацкую выходку. Но Томиню и Эгилу тоже влетело. С чего это им взбрело в голову среди ночи, в дождь и холод забираться в склеп?

— Если уж так не терпелось взглянуть на все это, можно было днем.

— Днем убирали картошку,— оправдывался Томинь.

— А завтра утром какие-то соревнования придумали,— поддержал его другой виновник происшествия — Эгил.— А там и домой. Когда же еще выбраться?

— Хватит вам спорить! Словами делу не поможешь.

Валдис у нас такой практичный и рассудительный. Но на этот раз и он ничего подходящего предложить не мог. Оставалось только блуждать в темноте. Или стоять неподвижно и ждать. Чего ждать? Утра? Или чуда?

На чудо, во всяком случае, надежд никаких не было.

И все-таки оно произошло.

Мы услышали, как у остановки, которая находилась неподалеку от церквушки, притормозил поздний автобус. Кажется, кто-то сошел. Потом мотор взревел снова, и опять установилась тишина.

— Слышите? Шаги! — Гвидо обрадовался.— Вот уже возле самой церкви. А ну, давайте! Кто умеет, тот свистит. Остальным кричать: «Помогите!» Ну!

Повторять не пришлось. Мы подняли такой шум, что у самих чуть не заложило уши. Хотя Томинь был первоклассный свистун, он орал громче и жалобнее всех:

— Помогите! Спасите! Мы тут, в склепе-е-е! На помощь! Мы в склепе-е-е!

Невозможно было нас не услышать. Но ни одна живая душа не отозвалась. Никто не подошел к оконцу, никто не протянул нам спичек, не зажег фонарика.

И вот мы снова томимся в темноте. Идут долгие минуты. Или часы — мы не знали. Помню только, что было очень мучительно ждать. Выдержим ли мы? Сумеем ли простоять на сыром полу до утра, когда дневной свет наконец появится в подвальном оконце?

И вдруг мы услышали снаружи голоса. Комарик! Иголочка! Еще какой-то мужской голос!

— На помощь! Мы в склепе-е-е! — снова завопил Томинь.

Но, видимо, наши спасители уже и без того знали, где нас искать.

Через минуту-другую в оконце скользнул яркий луч света, и тот самый незнакомый мужской голос скомандовал:

— А ну-ка, вылезайте! И побыстрее!

— Тренер! — констатировал Гвидо и первым поспешил к люку. За ним Томинь, Мадис, я и все остальные, Последним из склепа выкарабкался Робис — он подсаживал тех, кто поменьше ростом.

Всю обратную дорогу наши спасители выясняли, как вдруг такая орава оказалась среди ночи в церковном склепе.

Тренер никак не мог понять, почему Томинь и Эгил вздумали знакомиться со склепом в ночной темноте, да к тому же еще на свой страх и риск забираться туда через оконце. Ведь экскурсовод водит в склеп всех желающих и рассказывает им подробности о строительстве церкви, стиле алтаря и церковной кафедры, о статуях святых, всяких резных украшениях. И про баронов, которые угнетали латышских крестьян. Все можно узнать и увидеть. Причем школьникам даже билетов покупать не надо.

Заведующий интернатом не стал нас ругать. Заметил только сухо, что подобные проказы могут плохо кончиться: тот самый злосчастный камень из стены мог свалиться на голову, можно было споткнуться в темноте и сломать ногу — да мало ли что! Ладно, хорошо все то, что хорошо

кончается. А подрожали немного в сыром подвале — ничего, впредь будет наука.

А вот Иголочку, к удивлению, занимало совсем другое:

— Никак не могу понять: если эти бароны при жизни приценили столько зла, зачем же теперь все это беречь?

— Экспонаты,— поспешил разъяснить Эгил, искоса поглядывая на тренера.

— Экспонаты,— пробормотал Томинь.— Если бы я раньше знал, не полез бы вообще.

Комарик спросила:

— А что ты надеялся там увидеть?

— Да все этот Гвидо! Натрепал всякого. Королевская корона, золотая карета!

— Я же не утверждал, что это правда,— защищался Гвидо.— Легенда — мало ли что!

Я не участвовал в споре. Все кончилось благополучно. Чего еще спорить?

Горностаиха угостила нас горячим чаем.

— Согрейтесь, согрейтесь, ребятки!

Теперь она несколько не походила на разъяренного льва. Скорее, на заботливую бабулю.

— Долго ли простыть? Как тогда обратно в Ригу доберетесь? — Она озабоченно ерошила мокрые волосы Томи-
ня.— Такой маленький, и — гляди-ка! — вслед за большими подался. Кто ж тебя, бедного, погнал на село в такую непогодь?

— Никакой я не маленький, а такой же, как все,— отстаивал Томинь свое мужское достоинство.— И никто меня не гнал — сам поехал!

Напившись горячего чая, мы почувствовали страшную усталость и сразу отправились на боковую.

До самого утра спали как убитые.

НЕОБЫЧНЫЙ КОНКУРС И ОВОЩНОЙ КАРНАВАЛ

Воскресенье началось с лихорадочной подготовки к празднику урожая. Ребята без конца носились от хозяйственных построек к кухне с ведрами, полными овощами;

девочки, надев белые фартуки, колдовали у плит. Там варились, парилось, жарилось.

Нам, рижанам, поручили украсить зал. Делали мы это с небывалым чувством ответственности. Каждому хотелось доказать, что горожан тоже, как говорится, голыми руками не возьмешь.

Кайя раздобыла все необходимые материалы и инструменты — ножницы, клей, бумагу, краски, даже осколки разбитого зеркала. Странно, но только теперь перед нами по-настоящему проявился талант Гельмута. Он разрисовал оконные стекла разноцветными мелками. Одни за другими появлялись то забавные мартышки, то клоуны, то герои сказок: Кот в сапогах, Буратино, старик Хоттабыч, Чиполлино. Особенно здорово получились у Гельмута живые овощи: улыбающиеся кочаны капусты, бордатые морковки, пузатые тыквы и, конечно же, яркие цветы. Непонятно, как мы до сих пор, за семь лет, не разглядели его таланта.

Совместными усилиями сделали из осколков зеркала вертящийся сверкающий шар и подвесили его к потолку.

На овощной карнавал обещала прийти молодежь большого колхоза со своей дискотеккой.

Работа спорилась, и, к моему удивлению, никто ни с кем не переругался, как нередко случалось в школе. Я думаю, что все дело в необычной обстановке. Мы, может быть, впервые стали по-настоящему осознавать, что такое коллектив. Ведь каждый из нас представлял здесь не самого себя, а являлся частицей всего класса.

Праздник начался сбором пионерской дружины на тему: «Труд делает человека великим». Председатель совета дружины объявил результаты операции «Урожай». Мы слушали разинув рты.

Общее число выработанных школьхозом «Колос» трудодней составило три тысячи сто двенадцать — звучит, верно? Ребята сами вырастили свеклу на четырех гектарах, очистили луга от камней, собрали многие тонны металлолома. А картофель и кормовые убрали с общей площади в шесть гектаров.

К тому же в школьхозе ребята получили производственные навыки по разным специальностям: механизатор широкого профиля, зоотехник, строитель, экономист-бухгал-

тер. Девочки постарше подменяли взрослых доярок на ферме во время их отпусков.

Потом слово взял председатель колхоза. Он поблагодарил школьников за помощь и вручил им награды.

— Потрясающе! — ерзал Томинь на скамье, глядя, как Гвидо принимает из рук председателя хоккейную клюшку, а Удис спиннинг.

После торжественной части выступила пионерская агитбригада. Мы многое узнали про историю колхоза, о знатных людях. Подумать только: в колхозе два Героя Социалистического Труда, и один из них — отец Кайи!

Затем начались соревнования в трудовой сноровке. Нас тоже пригласили участвовать. Кто лучше отберет семенной картофель? Кто быстрее почистит картошку, свяжет веник, починит беззубые грабли, пришьет пуговицу, накроет стол?..

Я взялся сортировать картофель на семена. Что тут мудреного? Отбирай самые большие клубни! Нет, оказывается, не так-то просто. Большие — еще не лучшие. Тут много всяких секретов. И, надо честно сказать, я их не знал.

Сильвия быстрее всех пришила пуговицу. В этом деле она оказалась попроворнее сельских девчат.

Гельмут первым связал веник, однако небрежно, тут же стали вываливаться ветки. Томинь по времени стал вторым среди ребят, чистивших картошку. К нашему огорчению, его результат жюри не засчитало: Томинь дочистил свои картофелены до размеров вишни.

Участников необычного конкурса тоже ждали призы. Из нас, рижан, первой вызвали Сильвию, и она гордо прошагала к столику жюри, где получила симпатичную корзиночку для рукоделия!

И нашу Кайю наградили. Как сказал председатель жюри, он же тренер, он же заведующий интернатом, — за высокую общественную активность и привлечение к работе рижских пионеров. Комарик едва удержала в руках толстенную «Историю театра» и огромный букет цветов. А каждому из нас вручили по целлофановому мешку, полному румяных яблок.

Потом все мы уселись за длиннющий обеденный стол.

Сколько всего можно приготовить из овощей? Повари-хи из школхоза устали стол рассыпчатой вареной картошкой, картошкой в мундире, запеченной в горячей золе, зажаренной со свиными шкварками, салат из картошки, мелко нарезанной вместе с кусочками лука. А какие отличные получились оладьи из картошки с морковью!.. Словом, каждый мог выбрать блюдо на свой вкус.

А доярки школхоза приготовили собственное блюдо: взбитый творог, перемешанный с изюмом. Дундагский крем — так они называли это чудо кулинарии. Честное слово, никакого сравнения даже с мороженым!

Мы быстренько съедали и протягивали тарелки за добавкой. Вряд ли наши девчонки могли приготовить что-либо подобное.

Затем началась самая веселая часть праздника — карнавал. Пока мы переодевались, комсомольцы из колхоза установили на сцене электромузыкальную аппаратуру дискотеки.

Не помню, чтобы когда-либо мы так веселились, как на этом карнавале. Томинь прыгал по залу — ну прямо козел! От резких движений у него то и дело сползал с головы васильковый шарф и падал в ноги танцующим.

Удис отплясывал с Иголочкой. У нее на голове красовался венок из полевых цветов. Сам Удис изображал старичка-сеновичка. С плеч, со спины, с локтей, даже с ушей у него свисали пучки сена.

Гвидо в своем дождевике, увешанном рябиной, не уходил от нашей Сармиты. Она была вся в цветах. Цветы в распущенных волосах, на платье.

Но всех наших девчонок, по-моему, затмила Сильвия. На голове у нее красовалась яркая шляпка-мухомор.

А Ивета из морковных долек сделала королевскую корону и оранжевый пояс. Жакет она покрыла ботвой, на ногах — зеленые туфельки... Я собрался с духом и пригласил ее на танец, хотя мой наряд явно проигрывал рядом с ней: на спине у меня болтался картонный щит с нарисованной на нем картофелиной.

Но всех победил, как я и предполагал, Дирт со своей луковицей. И награда досталась ему соответственная: кузовок, доверху наполненный... головками лука.

На следующее утро автобус повез нас в Ригу.

Dupin

Прямо не верилось, что прошло каких-нибудь три дня. Сколько всего произошло за это время!

Поработали как следует, помогли школьнику, приобрели новых друзей. И, главное, совершенно неожиданно нашли общий язык с Комариком.

Дорогой мы горячо обсуждали наиболее выдающиеся происшествия этих дней. И вдруг вспомнили: как же все-таки случилось, что Кайя, Иголочка, заведующий интернатом среди ночи явились к склепу? Откуда они узнали, что мы там? Неужели наши крики были слышны даже в интернате? Или они сами сообразили?

— Ну да — сами! — наша пионервожатая широко улыбалась. — Конечно, откуда вам знать, что своими воплями вы до смерти напугали одну бедную старушку. Она как раз сошла с автобуса и слышала голоса из-под земли. Прибежала к нам, тяжело дыша, попросила сердечных капель. Вот мы и отправились к церкви.

Мы расхохотались. Теперь уже ночное происшествие казалось не страшным, а смешным. Но Кайя почему-то не смеялась. Она задумчиво смотрела в окно.

Мы тоже притихли. Что это с ней? С чего вдруг?

— Что случилось, Кайя? Ты сердисься?

Она посмотрела в нашу сторону невидящими глазами, ничего не ответила.

— Не можешь простить, что мы забрались в склеп? — виновато спросил Мадис. — Но надо же было выручать Томина с Эгилом. А они тоже без особого умысла.

— Нам самим теперь неловко, — присоединился к нему Эгил. — Вот честное слово!

— Разнылись! — глаза Кайи насмешливо блеснули. — Да я уж про это и забыла. Видите, что делается кругом. Все поля залил дождь, такая трудная уборка. Теперь вам тоже, наверное, понятнее стало, как добывается картошка, молоко, мясо...

Непогода... У сельчан работы невпроворот. А мы, городские ребята, в непогоду иной раз не знаем, куда деть время.

ШЛЕМ ТОМИНЯ

Легко себе представить, с какой гордостью мы передали в школьную столовую мешки с заработанной картошкой, которую привезли с собой в автобусе.

В тот же день нашему классу предстояло дежурить в столовой. Обычно назначались четверо дежурных. Мы с Томиным вызвались добровольцами. Он заявил, что будет чистить картошку, так как теперь здорово освоил это дело.

Еще пошли Иголочка и Сармита.

Приподнятое настроение не покидало нас с самого утра. Еще бы: повара принялись подробно расспрашивать, как нам работалось в деревне и вообще, как там идет уборка в эту мокрынь.

Мы рассказывали подробно и обстоятельно, словно большие знатоки сельского хозяйства. Не стали скрывать и своих приключений, о которых, быть может, и следовало промолчать. Обе женщины хохотали от души, когда Томинь изобразил, как уронил карманный фонарик.

— Да нет, я нисколько не испугался, не подумайте! — оправдывался Томинь.— Просто у меня чуть дрогнула рука и...

Как раз в этот день завхоз передал для столовой новые тарелки и несколько небольших котелков.

— Для чего такие? — удивился Томинь.— На кухне полно больших котлов. Да и что сварить в таких маленьких?

— А в них и не варят,— пояснила Сармита.— В них хранят. Желатин, всякие приправы...

— А стеклянные банки на что? — возразил Томинь.

— Стеклянные могут разбиться.

Томинь вертел в руках котелок. Вдруг, ни с того ни с сего, Томинь пришла мысль напаялить его себе на голову. Надел, прихлопнул по дну ладонью.

— Ну как, смотрится?

Получилось и в самом деле неплохо. Томинь напоминал средневекового рыцаря в шлеме. Но Иголочке почему-то показалось, что кухня не слишком подходящее место для подобных шуток.

— Пришли работать, значит, работайте, а не балуйтесь!

Ее тут же поддержала Сармита:

— Что будет, если все мальчишки начнут надевать на себя котелки? Элементарные нормы гигиены...

В это время никого из поваров на кухне не было, они отправились в кладовую за продуктами. Вообще-то повара наши добродушные и терпеливые, но мне тоже показалось, что на сей раз Томинь зашел слишком далеко. Все-таки здесь готовятся обеды.

— Ну-ка, снимай сейчас же! — потребовал я.

Он послушался. Но вот несчастье: котелок словно прирос к голове. Напялить-то его Томинь каким-то образом напялил, а обратно — никак!

— Неужели голова могла раздаться вширь? — недоумевал Томинь.

Мы все трое стали ему помогать. Представьте себе, ничего не получалось!

Вернулись повара.

— Что там у вас? С ума посходили, что ли? Зачем насадили котелок ему на голову?

— Не мы! — мигом отозвались девчонки.— Он сам!

Фигура Томина вся скривилась от усилий:

— Ч-черт!.. Никак не снимается!

Повара заволновались. Такой глупый случай!

— Когда пробка застревает в горлышке, бутылку нагревают,— вспомнила Иголочка.

Сармита встревожилась:

— Ты предлагаешь нагреть котелок? Прямо на его голове?

— А как же еще снять?

— Надо позвать учителя труда,— предложила одна из женщин.— Он-то уж, наверное, знает способ.

— Распилит котелок,— зловеще предсказала Иголочка.

Сармита совсем перепугалась:

— А если заденет кость?

Томинь запаниковал. Чем сильнее он тянул котелок, тем плотнее тот насаживался на голову.

Ничего не поделаешь, пришлось звать Мурцелиса, учителя физики.

Слух о «шлеме» Томина быстро разнесся по всей школе:

ведь к кабинету физики пришлось идти по длинному коридору. Чего только не слышался бедный Томиль:

— Ого, в пожарники поступил!

— Мотокроссист!..

— Один парнишка в соседней квартире напялил на голову ночной горшок,— рассказывал какой-то десятиклассник.— Мать повезла его в травматологическую больницу. Об этом даже в газете было. **Как** бы и о тебе не написали, слышишь, Томиль...

В кабинете физики Томиль провел почти час. Всех других болельщиков Мурцелис выставил за дверь.

— Лучше будет, если мы с ним займемся сами,— сказал он.

Томиль потом рассказывал, что голову нагревать не пришлось. А вот в теплую воду совать — совал. Он явился в класс весь мокрый, с влажными липкими прядями, и был очень похож на цыпленка, только что вылупившегося из яйца.

Такой уж человек! Вечно с ним случаются самые невероятные вещи!

ИНАЧЕ НЕЛЬЗЯ-

Жизнь снова вернулась в свою привычную колею. С успехом прошел вечер, на котором Павел показывал цветные диапозитивы о кораблях. Мы с увлечением репетировали пьесу, хотели к Новому году показать премьеру.

Словом, все шло хорошо. И вдруг... Вдруг произошло такое, о чем даже вспоминать не хочется.

Нынешняя осень выдалась на редкость дождливой. Школьная уборщица жаловалась, что в коридор без конца наносят с улицы грязь, и она не успевает ее убирать.

Незадолго до праздника Великого Октября решили провести генеральную уборку школы. Помыть окна, привести в порядок классы и учебные кабинеты, прибрать во дворе.

Утром того злосчастного дня в дверях школы учеников встречал завхоз Екаб Бёрзинь:

— Не забудьте: после уроков на генеральную убор-

ку.— Тут он заметил меня и остановил жестом.— А ты, парень, почему не вытер ноги? Ну-ка, вернись!

Я остановился в растерянности. Остановились и другие ученики, выжидая с любопытством, что будет дальше. Впорхнула в вестибюль стайка девчонок. Я почувствовал, что краснею, и обозлился. Вот ведь какой, выставил меня на посмешище.

— Ну, Гунар? — завхоз ждал выполнения своего приказа.

Я гордо поднял голову и прошел мимо завхоза. Кто-то схватил меня за локоть и потащил за собой, потом повернулся к Берзиню и бросил через плечо, да так громко, что слышали все:

— Трезор!..

Это был мой одноклассник Робис. Он с давних пор враждовал с завхозом. Дотошный старик не раз и не два ловил его на всяческих проделках.

— Только подумать! — подталкивая меня к дверям класса, жужжал над ухом Робис.— Указывать он еще будет! Будто твоя мать и вовсе не директор...

Я с досадой поводил плечами. «Трезор»... Теперь завхоз наверняка пожалуется классной руководительнице. Узнает мать...

После уроков наш класс направили убирать листья и выравнивать дорожки в школьном саду. Я нехотя взял лопату. Не было ни малейшего желания снова встречаться с Берзиным.

Дробно постукивали лопаты, прибывая гравий. Ребята весело переговаривались. И тут во дворе появился завхоз. Я нахмурился. Опять во мне поднялись обида и злость. Ишь, чего надумал! Чтобы я, как первоклашка, у всех на глазах ему в угоду послушно драил башмаки! Нет, правильно я сделал, что не поддался.

Завхоз шел прямо на меня. Сейчас подойдет, опять что-то заставит делать. Нет уж! Я воткнул лопату в землю и не спеша двинулся к спортплощадке. Потом свернул на дорожку, которая вела к школе. Пока Берзинь будет околачиваться во дворе, мне там делать нечего.

В школьном коридоре было необычно тихо. По пути в свой класс я остановился у доски объявлений. На ней висело извещение о сегодняшней уборке, подписанное завхо-

зом. Его размашистая подпись казалась мне похожей на ползучую гусеницу. Я презрительно усмехнулся. Карандаш будто сам собой очутился у меня в руке и с невероятной быстротой вывел рядом с подписью шесть букв: «Трезор». Взгляд скользнул по другому объявлению, рядом, о предстоящей встрече с ветеранами войны.

Я снова вышел во двор. Первое, что услышал, был довольный голос завхоза:

— Видите, ребятки, как много могут сделать ваши маленькие руки, если дружно взяться за дело.

Он всю нахваливал малышей из первых классов. А те и рады стараться! Из кожи лезут вон, чтобы побыстрее убрать опавшие листья.

Схватив лопату, я со злостью вонзил ее в гравий. Не нужны мне ни его похвалы, ни поучения, ни замечания!

— Товарищ Берзинь! Подойдите сюда! — В дверях школы с тревожным лицом стояла уборщица. — Прямо не верится! — Она покачала седой головой.

Берзиню тоже не поверится, когда он под своей подписью прочитает слово «Трезор»!

Вскоре завхоз опять появился в школьном саду. Взгляд хмурый, глаза прищурены. Постоял, наблюдая, как мы работаем.

— Тёнисон! Это ведь ты, кажется, утром обозвал меня недобрым словом, так?

Робис молча опустил голову.

Так и не дождавшись ответа, Берзинь продолжал:

— И этого тебе показалось мало, так? Ты еще счел нужным написать его на объявлении, под моей подписью.

Робис захлопал глазами.

— Под какой подписью?

— Вот! — завхоз протянул ему снятый с доски листок. — Твоя работа?

— Нет, это не я.

Лицо Берзиня стало еще темнее.

— Я все-таки считал, у тебя хватит духу повиниться. Никогда не поздно признать свою ошибку и поправить дело. Вот я и прождал весь день, думал, явишься с извинениями. А вместо извинений... пожалуйста! — Он потряс листком. — • Словом, мне теперь придется рассказать о твоём поступке.

— Пожалуйста! — разозлился Робис — Я не писал.
— Как знаешь!

Тяжелой походкой старик двинулся со двора.

Странно! На меня не пало ни тени подозрения. И утром он мне ничего не сказал. Подумал, что я не расслышал его приказа вернуться назад вытереть ноги? Вряд ли. Скорее всего, старик не захотел придирааться ко мне. Как ни говори, сын директора.

Посмотрим, посмотрим, что будет дальше.

Обещание свое Берзинь сдержал. Уже на следующий день у нас в классе состоялся пионерский сбор. Кайя сообщила о происшедшем. Робис, весь потный, оскорбленный, негодующий, стоял перед нами.

— Я не писал! Вот честное пионерское — не я! — отпирался он. — Что вы все ко мне привязались!

— А ты думал, что сможешь безнаказанно марать честь всего класса? — воскликнула председатель отряда Югита. — Это просто неслыханно!

— А я говорю: зря вы на меня навалились!

— Но завхоза оскорбил именно ты! — напомнила Иголочка. — Я сама слышала. Это что, по-твоему, допустимо? В любом случае — ты виноват!

Робис молча опустил на свое место. По лицу струился пот. Со всех сторон кричали:

— Боится признаться!

— • Трус! Самый настоящий трус!

Каково мне было слышать все это? Я потел, пожалуй, не меньше, чем Робис. Мелькнула мысль, что следует встать на защиту товарища. Но я тут же отогнал ее. Ведь если бы Робис тогда, у двери, не обозвал завхоза Трезором, мне самому бы такое слово и в голову не пришло. Значит, не очень уж я виноват.

В сборе участвовала и классная руководительница. В руке у нее было злосчастное объявление. Но она молчала.

Когда все высказались, Кайя спросила, не хочет ли учительница Лауране сказать что-нибудь. Классная руководительница расправила свернутый листок и спросила, глядя прямо на меня:

— А Гунар Стребейко так ничего и не скажет?

Я вздрогнул.

— А почему?.. Разве обязательно?

— Ты слышал, как Тенисон назвал товарища Берзиня оскорбительным словом?

— Слышал.

— И ты считаешь, он поступил правильно?

— Не-е...

— Тебя, я вижу, совершенно не трогает, что он поступил так возмутительно! А ведь Тенисон твой товарищ.

Я почувствовал, что краснею все больше.

— Ладно! Мы можем и иначе установить истину. По почерку, например. Не думаю, что виновного придется долго разыскивать.

Вскоре после сбора дежурный учитель позвал меня в кабинет директора. Мать не стала ходить вокруг да около:

— Знаешь ли ты, Гунар, кто написал это слово?

Я замялся. Было трудно соврать матери. Я знал, как она меня любит, знал, что я для нее единственный близкий человек — ведь мы так рано потеряли отца. «Ты должен вырасти настоящим человеком, таким, каким был твой отец». А вот сейчас я какой человек? Настоящий?

— Нет, не знаю,— услышал я свой собственный тихий голос.

Если Берзень ничего не сказал матери об утреннем происшествии, разумно ли будет признаваться? Ведь не я придумал слово «Трезор», не я бросил его в лицо Берзеню. Написал — да. Но разве написать — это хуже, чем открыто издеваться?

— Виновный обнаружен,— твердо сказала мать.— Он будет наказан. Строго наказан.

— Кто же это?

У меня перехватило дыхание. Я почувствовал в своем голосе страх.

— Скоро узнаешь...— Рука матери легла на мое плечо.— А теперь иди.

Я пошел к двери. Не дойдя до нее, остановился.

— Мам! — Я вернулся обратно.— А если тот ученик вовсе не виноват?

— Чего ты боишься? — мать испытующе посмотрела на меня.— Почему это тебя так заботит?

— Если накажут невиновного, то будет ужасно.

— Почему ты считаешь — невинного?

Молчать больше нельзя было.

— Я знаю, кто виноват. И могу тебе назвать его. Если только...

По лицу матери метнулась тень.

— Если только?..

— Если ты никому не скажешь,— выдохнул я и в тот же момент пожалел об этом.

— Вот чего ты ждешь от меня! — В ее голосе звучали горечь и отчуждение.

— Но мам!.. Ты ведь даже не знаешь кто! — воскликнул я.

— Помни — ты пионер! Я жду честного и откровенного разговора. Без всяких «если».

— Это ужасно! — Я, горбясь, оперся о кресло у письменного стола. На глаза навернулись слезы.— Нет! Ты даже не можешь себе представить!

— Я все могу представить. Говори смело!

— Мам!.. Это... я. Но не говори, не говори никому! — бормотал я, стискивая ее руку.

— Нет, сын. Ты признался — это хорошо. Но твою вину я не скрою. Иди!

Не было смысла спрашивать ее — свою мать я знал хорошо. Нехотя вышел из кабинета.

Может, она передумает? Я еще надеялся на это. Но в глубине души понимал: вряд ли, слово у матери твердое.

И все-таки •— а вдруг?..

Противоречивые чувства боролись во мне. Я то успокаивался, то мне опять становилось не по себе. То возникала надежда, то снова впадал в отчаяние.

Вечером, приготовив уроки, стал ждать возвращения матери. Хотелось поговорить с ней, пообещать, что больше никогда-никогда... Может быть, простит. Только этот раз! Самый-самый последний! Главное, чтобы никому не сказала. Стыд-то какой!

Мать пришла поздно — в школе долго заседал педагогический совет. Выглядела она бледной и уставшей. Молча сняла пальто, помыла руки, села за стол. Я, как обычно, когда она задерживалась, разогрел ужин, заварил чай. Ждал: вот сейчас мать заговорит со мной. Но она все молчала.

Сел за свой столик и стал перебирать тетради, учебники. Раскрыл книгу, начал читать, зажав ладонями голову. Но мысли были далеко от книги. Сказала ли мать обо мне на педагогическом совете? Что поставили по поведению? Пятерку, как всегда, или...

Но почему, почему же она все молчит?

Взгляд невольно задержался на фотокарточке отца, прислоненной к книгам на моем столике. На серьезном, мужественном лице словно читался немой упрек.

— Гунар! — убирая со стола, позвала мать.

— Да?

— На педагогическом совете постановили...

Я стремительно оттолкнул кресло и повернулся к матери. Неужели она решилась? Позор мне! Позор ей самой!

— ...постановили снизить тебе отметку по поведению. Иначе нельзя.

— Не может быть! — закричал я. — Ты меня предала! Предала, да!

— Гунар! Гунар!.. И ты считаешь это предательством?

До самой ночи я не разговаривал с матерью. И утром тоже. Лишь вечером следующего дня, перед сном, я подошел к полуоткрытой двери ее спальни. До этого пытался заснуть, но никак не получалось. Сниженная оценка по поведению в четверти не могла не повлиять на результаты соревнования с бригадой Павла. И это меня очень беспокоило. Как мне влетит от ребят!

Света в спальне не было. Казалось, мать уже спит. На цыпочках подобрался к постели и склонился над ней.

— Мамочка! — прошептал я. — Ты плачешь?!

Теплые руки обвилились вокруг моей шеи.

— Мальчик мой! Ты должен быть сильным! Очень сильным!! Мало признать свою ошибку, нужно уметь ее исправлять.

Я приник к матери и прислушался к сильным, частым ударам ее сердца. Все опять хорошо! Мать любит меня как прежде, когда я был еще совсем маленьким! Ничего не изменилось, ровным счетом ничего!

Поцеловал ее, пожелал спокойной ночи и вышел из спальни.

И вот последний день четверти. Я пришел в школу празднично одетый. В классе царило веселье. У нас не

оказалось ни одного отстающего — величайшее достижение! Мое настроение тоже стало быстро улучшаться. Скорее всего, мать только попугала меня. Иначе с чего бы ей так тщательно гладить мой костюм? С чего бы у моей кровати с утра появиться новой белой сорочке?

Звучит долгий громкий звонок, и все сходятся в школьном зале. Сквозь чистые стекла струятся лучи крупного осеннего солнца. В их свете ярче горят кумачовые лозунги на стенах, наши красные пионерские галстуки.

На трибуне — директор школы. Она говорит о результатах только что окончившейся четверти.

— На первом месте седьмой «А». Но в том же классе ученику Гунару Стребейко...

Чувствую, все взгляды обращены ко мне. Опустив глаза, стою среди своих товарищей.

— ...снижена отметка за недостойное поведение и попытку скрыть свою вину.

Голос матери тверд.

В зале тишина. Кажется, все слышат, как бешено стучит мое сердце, как у меня перехватывает дыхание.

^Значит, То, чего я так боялся, чему не хотел верить до последней минуты, все-таки произошло!

Все кончено! Она мне больше не мать. Уйду от нее! Не вернусь домой! Умру!.. И она обо мне никогда больше не узнает...

Я сглатываю слюну. Бедняжка! Как ей придется страдать!

— Снижена также оценка по поведению ученику Тенисону за грубость по отношению к работнику школы,— продолжает звучать уверенный директорский голос.

Чья-то рука прикоснулась к моему локтю. Робис! Хочет что-то сказать? Выразить сочувствие? Да нет вроде. Просто на его круглом бесшабашном лице появилось новое выражение. Необычная для него серьезность, что ли.

Я поднимаю взгляд и вижу другое лицо: сухое, морщинистое, печальное, с добродушными глазами под густыми кустиками седых бровей. Екаб Берзинь стоит, прислонившись спиной к стене, и смотрит на меня.

Я быстро отвернулся. Потом стал украдкой наблюдать за своими товарищами, за классной руководительницей,

другими учителями. Презирают меня? Злятся? Смеются надо мной?

Да им просто не было до меня никакого дела! Никому! Все, все до единого смотрели на мою мать, которая продолжила свое сообщение. И как смотрели! С уважением!

И тут неожиданно я встретился глазами с матерью.

«Мальчик мой! Ты должен быть сильным. Очень сильным!» — снова слышались мне ее слова, произнесенные в ночной тиши.

Все уже стали расходиться, а во мне все еще шла борьба. И так уж случилось, что неожиданно для самого себя я заступил дорогу завхозу. Что-то забормотал, извиняясь, не глядя на него, смешался, умолк, начал снова. И почувствовал вдруг его крепкое рукопожатие...

После торжественной части должна была состояться встреча с ветеранами войны. Мы ждали, когда появятся гости.

Октябрята с цветами стояли по краям сцены, словно оловянные солдатики. И вот появились ветераны. Трое, все седовласые. Идут неторопливо, торжественно. И один из них — уж не показалось ли мне? — Екаб Берзинь. На груди поблескивают ордена и медали.

Как?! Наш завхоз? Орденосец? Герой войны?

В полной растерянности я смотрел на Робиса, он на меня. Ну не подлецы ли мы! Как теперь искупить свою вину перед ним?

НЕБОЛЬШОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ТЕМЫ

Как обычно бывает? Учитель входит в класс, вызывает одного ученика, другого, ставит отметки. Кого похвалит, кого поругает, потом объясняет новый материал — и все!

Обычно — но только не с учителем Ургой! Он рассказывает — и вдруг умолкает на полуслове. словно что-то вспоминает, что-то мысленно взвешивает, в чем-то сомневается: то ли говорить, то ли нет?.. А когда мы потихоньку начинаем шуметь, не сердится, только скажет негромко:

— Спокойствие, друзья, спокойствие!.. Небольшое отступление от темы...

Таким отступлением чаще всего бывают воспоминания

о войне. Наверное, потому, что учитель Урга преподает нам историю, а в истории, как известно, полным-полно войн. Северная война, крестовые походы, первая мировая война... Но отступления учителя Урги не просто дополнение к предмету, который он преподает. Это его личные воспоминания, впечатления долгих дней Великой Отечественной войны.

Учитель Урга человек странный. Можно даже сказать, чудак. Прежде всего, учитель Урга холост. Прямо удивительно, что он не женился. Хоть ему далеко за пятьдесят, а до сих пор еще привлекательный. Высокий ростом. Волосы, правда, седые, но густые, и, честно говоря, мы даже представить себе не можем, как бы он выглядел, скажем, с каштановыми волосами. Именно такое серебро с голубоватым отливом, по-моему, ему больше всего к лицу. И глаза у него светло-серые, под стать волосам. Одни только брови смоляно-черные, будто углем нарисованы.

А еще учитель Урга иногда хромает. Но далеко не всегда. Особенно он возвысился в наших глазах с того момента, как мы узнали, что у него «блуждающий осколок» в ноге, временами причиняющий сильную боль — даже трудно ходить.

Вряд ли мы узнали бы об этом, если бы однажды Мадисе перед уроком истории не взбрело в голову передразнить учителя Ургу. Взбив волосы, старательно волоча левую ногу и довольно удачно подражая голосу учителя, он забормотал:

— Спокойствие, друзья, спокойствие!.. Небольшое отступление от темы...

Класс покатывался со смеху. У Мадиса получалось очень и очень похоже.

Мы не заметили, как к двери подошла наша классная руководительница. Увидели ее, когда было уже поздно. Мадис не успел даже добежать до своей парты.

Подойдя к учительскому столу, она приказала Мадису причесаться и сесть на место. Потом сообщила:

— Учителя Урги сегодня не будет.

ХС1КГ

— Почему?

— Что с ним случилось?

— Он плохо себя чувствует...

Вот тогда классная руководительница и рассказала нам о «блуждающем осколке», который мучит учителя истории уже много лет. Он был тяжело ранен на фронте, перенес несколько сложных операций. А этот осколок так и не смогли извлечь. Учитель Урга терпит и никогда не жалуется.

— Ничего не скажешь, Мадис, ты очень удачно посмеялся над человеком, которым мы все гордимся...

Мадис за своей партой весь съежился.

Теперь мы смотрели на учителя Ургу совсем другими глазами. Конечно, он говорил нам о своих боевых друзьях, о бесстрашных девушках-санинструкторах, самоотверженно помогавших раненым бойцам, о молодой женщине-офицере, которая в восемнадцать лет встала в ряды защитников Родины, дралась против фашистов с оружием в руках, прошла через невероятные испытания и была смертельно ранена в последние дни войны. Но о себе самом ни слова...

Узнали мы от классной руководительницы о наградах, их наш учитель истории получил за храбрость в боях. Он — инвалид, мог бы не работать, имел полное право отдыхать и лечиться в лучших санаториях. Но весь смысл своей жизни он видел единственно в работе.

Когда учитель Урга после болезни снова появился в школе, мы были, наверное, самыми примерными учениками на его уроках.

— Послушайте, а ведь наша классная руководительница тоже не замужем,— заметил как-то Робис.

— Ну и что?

— Вы разве не слышали, с каким восторгом она говорила об учителе Урге?

— Так он же герой! — Иголочка не находила в этом ничего примечательного.

Но Робис многозначительно усмехнулся:

— Думаешь, только поэтому?

•— А как по-твоему, учитель Урга интересный, видный из себя? — Он продолжал загадочно улыбаться.

Ах, Робис, Робис! Вечно у него какие-то взрослые разговоры, этим, кстати, он отличается от всех прочих наших мальчишек. Например, Робис во всех подробностях рассказывал нам, почему его мать третий раз замужем:

— Первый муж откинул копыта, потому что был много старше ее и к тому же сердечник. Второго — моего отца — она бросила, потому что не сошлись характерами. Зато нынешний, отчим, парень что надо! К тому же чемпион республики по легкой атлетике. Не пьет, не курит. Мама говорит: «Отец тот, кто воспитывает». Отчим считает, что из меня выйдет толк. И вообще мы с ним друзья.

— А твой настоящий отец? — поинтересовалась Сармита.

— А что ему? Женился снова, платит алименты.

Теперь у Робиса новая идея. Нашей классной руководительнице учитель истории наверняка безразличен. Неужели мы ничего не знаем о том, что происходит после уроков в кабинете литературы?

— А что? Что происходит? — мы все недоумевали.

— Пьют кофе.

— Ну и что? Что тут особенного?

— А кто именно, вы знаете? — следует контрвопрос. Это мы знаем точно:

— Конечно, учительница Лауране.

— Да, Лауране, верно. И еще... учитель Урга, к вашему сведению! Я сам слышал, как она его приглашала: «Товарищ Урга, не согласились бы вы...»

— А он?

— По-моему, сначала растерялся. Но все-таки не отказал.

— Здорово! — обрадовался Ояр. — Еще одна вполне приличная парочка!

— Как тебе не стыдно! — Изольда и здесь не сумела обойтись без поучений. — Нельзя так говорить об учителях!

— А что тут плохого, если он... если она... если они... Дальше Ояр не успел.

— Ты имеешь в виду, если они поженятся? — вмешалась Сармита. — Конечно, ничего плохого. Только не положено ученикам совать нос в личную жизнь учителей.

Робис стал рассуждать дальше:

— Итак, одно мы уже знаем твердо: классной руководительнице учитель Урга безразличен. А ему она нравится или не нравится? Это еще необходимо выяснить.

Тут уж взвилась Иголочка:

— Как это — не нравится! Она просто не может не нравиться! Такая красивая, такая умная, такая сердечная!

— Этого не всегда достаточно, чтобы завладеть сердцем мужчины.

— Ах ты, умник-разумник! — окончательно вышла из себя Иголочка. — А что еще нужно, по-твоему?

— Нечего ссориться, — стал их успокаивать Зигис. — Как говорят старики, поживем — увидим.

— Все-таки разница в годах слишком большая, — озабоченно высказался Мадис. — Он мог бы вполне быть ее отцом.

Тут неожиданно взорвался Робис:

— Ну да, отцом! Ерунда какая! Мужчина в самом расцвете сил. А вот ее смело можно зачислять в старые девы.

— Иди ты знаешь куда! — Иголочка даже занесла над ним кулак.

— Вот был бы праздник: свадьба классной руководительницы с учителем Ургой! — размечтался Агрис. — Интересно, нас бы пригласили?

Мы сами чувствовали, что заходим слишком далеко, но уже никак не могли остановиться — слишком заманчивыми рисовались предстоящие события.

— • Никакой свадьбы не будет. У учителя Урги есть другая я, — заявила молчавшая до сих пор Сильвия.

— С чего ты взяла? — заорал Робис. — Приснилось, что ли?

Но Сильвия от своего не отступала.

— Я знаю! По субботним вечерам мы едем с ним в одном автобусе. И у него в руках всегда цветы. Красные, между прочим.

Зигурд пояснил:

— Красные цветы означают любовь.

Это была сенсация!

— Ух ты! И зимой едет?

— И зимой.

• — И ты считаешь, он едет к ней? — стали мы спрашивать дальше.

— Наверняка.

— А к кому именно?

Сильвия пожала плечами и стала теревить косы:

— Вот этого я не могу сказать. Я выхожу на своей остановке, а он едет дальше.

Робис поставил задачу:

— Выяснить!

— Потрясающе! — бубнил Томиль. — Давайте я возьмусь!

— Ты? — рассмеялся Мадис. — Ну нет, у тебя слишком развитое воображение. А тут требуется человек с трезвым взглядом на жизнь.

Таким человеком была единогласно признана Карина. В первую же субботу она должна была сесть в автобус, которым, как утверждала Сильвия, едет учитель Урга.

Договорились созвониться с ней и узнать, что она выяснит. Но когда я поздно вечером позвонил Карине, она ответила, что это не телефонный разговор. Дело слишком серьезное.

Другим она сказала то же самое.

— Ну и Карина! — не очень разборчиво мычал Томиль в трубку телефона-автомата. — Не представляю, что произошло. Заварила, наверное, какую-нибудь кашу, а теперь не знает, как расхлебать. Согласен?..

Так мы гадали до понедельника. Карина сидела на уроках с непроницаемым лицом. Лишь после школы, на улице, она заявила:

— Хотите знать, езжайте со мной. Тогда все увидите сами.

Лицо ее при этом продолжало хранить какое-то особо торжественное выражение.

~— Скажи хотя бы, что она собой представляет? — попробовал выпытать Робис. — Старая или молодая? Красивая или уродина?

Где там!

— Я сказала: поедете вместе со мной после занятий — увидите сами.

И больше ни слова. Опять — в который уже раз! — наша староста показала характер.

О чем мы только не толковали, сидя в автобусе! Что подумает избранница учителя Урги, увидев нашу толпу? И вообще, что за дурацкая идея ехать к совершенно незнакомому человеку? Какой здесь смысл?

Мадус Родус Дар

Как же мы поразились, когда вышли на остановке вслед за Кариной и она повела нас... к воротам кладбища.

Все вдруг стало на свои места. Сильвия, пунцово-красная, опустила голову. Ей было стыдно. Нам тоже. Еще бы! Разве мало рассказывал учитель истории о своих соратниках, которых давно уже нет в живых. А мы взяли и поверили сплетнице Сильвии: у него кто-то есть!

— Ясно! — угрюмо произнес Робис. Он был разочарован и зол.— И это нельзя было рассказать нам в двух словах? Что нет никакой невесты. Что учитель Урга просто ехал на кладбище. Нет, обязательно потребовалось тащить за собой на другой конец света!

Мы тоже чувствовали себя обманутыми. Действия Карины казались непонятными и бессмысленными, но она молчала. Не оправдывалась, ничего не объясняла, лишь продолжала идти впереди всех. Серьезная, торжественная, не обращая внимания на град упреков, которыми мы ее осыпали.

Но вот Карина остановилась у небольшого памятника на тщательно ухоженной могилке:

•— Смотрите, те самые красные цветы!

Мы прочитали строчки, выбитые в граните:

За жизнь пошла Ты в смертный бой;
Теперь цветы у ног Твоих.
Погибла Ты, но образ Твой
Навеки жив в сердцах живых...

С того вечера никто больше не заводил речь о симпатии нашей классной руководительницы к учителю истории.

Все же после уроков из кабинета литературы по всей школе часто распространялся аппетитный запах кофе. И учитель Урга тоже заходил туда на чашечку.

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

Что за мужчина, который ни разу в жизни не курил!..

Это вовсе не хвастовство. Совсем наоборот, с курением у меня связаны пренеприятнейшие воспоминания. Но

иначе я бы никогда не познакомился с Мальчиком с пальчик.

Мысль «пустить дымок» принадлежала Ояру. Мне даже не верилось, что он притащил с собой в школу целую пачку сигарет.

— Покажи!.. В самом деле! Где взял?

— Купил, ясное дело! Получаю же я карманные деньги,— похвалился Ояр.— Папа говорит, надо с детства привыкать к самостоятельности. А мы с тобой далеко уже не дети. Читал Гайдара, да? Помнишь, как Тимур ночью гнал на моторе? А во время войны такие парни ходили уже в героях. А мы все еще цепляемся за маменькины юбки. Носим школьную форму, послушно делаем все, что велят. Стадо ягнят — и только! Будто нет своей головы на плечах!

В этом отношении Ояр был прав. Особой самостоятельностью нам хвалиться не приходилось. Но, с другой стороны, где проявишь храбрость и находчивость?

Вот так постепенно мне тоже стало казаться, что курение — один из верных признаков самостоятельного мужчины.

Во время большой перемены забрались с Ояром в отдаленный уголок школьного сада, в густой кустарник.

Ояр, как и полагается воспитанному человеку, вначале протянул пачку мне, потом сам взял сигарету и небрежно сунул в уголок рта.

— По совести говоря, у меня она уже не первая,— хвастливо заявил Ояр и вытащил из кармана коробок спичек.— Надо теперь обзавестись зажигалкой,— добавил он, словно оправдываясь.

Я стал осторожно посасывать сигарету.

— Да не так! Это же тебе не соска. Затягивай в легкие,— поучал Ояр на правах опытного курильщика.

Я послушался, затянулся дымом. И" тут же стал кашлять и давиться.

— Ну что? Хорош дымок?

У меня слезы так и катились из глаз, но я храбро ответил:

— Хорош! Только больно крепок.

Стыдно было признаться, что на самом деле мне несколько не понравилось. И кисло, и горько, словно полыни нажевался. Чего уж тут хорошего?

Да и Ояр, скорее всего, натрепал про свой богатый опыт. Затянулся поглубже — и на него тоже напал приступ кашля. Еще похлеще, чем у меня. Он прямо заходился.

Кое-как придя в себя, Ояр обругал сигарету:

— Дрянная марка! Не то что «Рига».

Я держался мужественно. Затянулся еще раз, опять закашлялся. Нет, хватит с меня! Бросил сигарету на землю, вдавил в песок каблуком.

— Глупости одни все это курение! — откровенно высказался я и тут вспомнил, что спортсмены вообще не курят.

Поторопился поделиться мыслью с другом.

— Вообще-то верно. Придется и мне бросать.

Сейчас Ояр очень был похож на хвастунишку Томина. Я уже собрался было поддеть своего приятеля, но не успел. За кустами раздался знакомый голос:

— Чего ты здесь стоишь, малыш? Ожидаешь кого?

— Учитель Мурцелис! — испугался Ояр.

— Там кто-нибудь спрятался? — продолжал расспрашивать учитель.

Ему ответил тонкий голосок:

— Двое мальчиков из седьмого класса. И один из них... Один... Ой, не ходите туда! Пожалуйста, не идите!

— Почему?

— Нельзя!

— Но почему нельзя? — допытывался учитель Мурцелис.

— Они... Они... — мялся малыш. — Ну... нельзя!

Ояр возмутился:

— Ты смотри! Выследила малявка!

Я тоже был вне себя.

— Кто бы мог подумать! Крался за нами!

Надо было как-то выходить из опасной ситуации. Мы выбрались с другой стороны кустов. Напустив на себя беспечный вид, зашагали по дорожке. Главное, успеть побыстрее до поворота.

Не успели. У Мурцелиса зоркий глаз.

— Погодите, ребята, — окликнул он нас. — Что вы там делали, в кустах?

>— Мы?.. Ничего. Гуляли.

— Да, гуляли, — подтвердил я.

А если правду? — Учитель строго смотрел на нас — Вы курили оба, вот что. Малыш видел.

'Да не верьте ему! — с ходу стал отрицать Ояр.
Врет он все,— вторил я.

Мальчишку аж передернуло. Лицо залила краска. Он поднял руку, словно на уроке.

Не вру я! Не вру!

Хорошо, возвращайся в свой класс,— сказал ему учитель.— Вот только как тебя звать?

— Юрис Мёлнацис,— ответил тот и добавил: Второй «Б» класс.

Теперь учитель повернулся к нам. Голос его звучал жестко и сердито:

— А вы пойдете со мной. Потолкуем с вашей классной руководительницей.

В учительской нас ожидали крупные неприятности. Там в это время находились не только классная руководительница и другие учителя, но и моя мать. Все уставились на нас с Ояром.

— Мы не курили! — стоял на своем Ояр.— Мало ли что всякие там второклассники наплетут!

— Да, не курили,— подтверждал я. В конце концов, разве мы сами несколько минут назад не решили твердо, что бросим курить? Какие же мы после этого курильщики?

— Ну ладно. А что у вас в карманах? — спросила классная руководительница.

Попались! Недокуренную-то сигарету Ояр выбросил, а целая пачка в кармане осталась.

— Что теперь скажете? Нафантазировал малыш?

Что можно было ответить? Только молчать.

У моей матери потемнело лицо.

— Скажите, а не ваш ли класс взял шефство над октябрятами второго «Б»?

— В прошлом году,— едва слышно проговорил Ояр.

— Неважно — в прошлом году или в нынешнем. Гораздо важнее, какой вы им показываете пример,— покачала головой классная руководительница.— Кто из них твой' подшефный, Гунар?

Я неловко передернул плечами:

— Н-не помню...

Все первоклашки казались мне тогда на одно лицо.

Да и, по правде сказать, все это шефство над октябрятами воспринималось как забавная шутка. Словно в тумане припоминается торжественное собрание в актовом зале, когда их принимали в октябрята. Кому-то я тоже прикреплял к груди звездочку. А вот кто он, как его звать — не помню, хоть убей!

— Сейчас уточним.— Классная руководительница полистала записную книжку.— Юрис Мелнацис его звать. Знаешь такого?

Мы с Ояром ошеломленно переглянулись.

— Поразительно! — воскликнул учитель Мурцелис.— Как раз тот самый паренек!

Прозвучал звонок.

— Идите в класс и подумайте хорошенько о своем поведении,— сказала учительница Лауране.— А после урока приходите сюда с дневниками.

Происшествие в школьном саду испортило мне настроение, и до самого конца занятий я просидел мрачный и злой. Ояр тоже. Он не заговаривал со мной, его взгляд тоскливо блуждал по сторонам.

В дневники нам вписали по замечанию.

Вот тебе и мужество! Вот тебе и героизм!

После пятого урока было занятие хора. Мне, как безголосому, можно было отправляться домой.

По улице ошалело носился ветер. Он срывал с деревьев последние листья.

В ближнем парке на повороте дорожки я заметил впереди себя, знакомую фигурку.

«Ага, Юрис Мелнацис! Ах ты, мелочь пузатая!» Меня душила злость. «Такие неприятности из-за тебя навалились! Ну, погоди! Я тебя сейчас проучу!» И прибавил шаг.

Заметив, что я догоняю его, малыш сначала остановился. На лице мелькнула улыбка. Губы раскрылись, словно он готовился что-то сказать. Но тут, заметив мои сжатые кулаки, почувал неладное и пустился наутек. Я бросился следом. На спине у него болталась школьная сумка, смешно перескакивая с одной стороны на другую, словно пыталась сорваться с плеч. Тонкие ножки часто семенили по песчаной дорожке. Он выглядел маленьким и жалким среди шумевших на ветру деревьев. Ну настоящий Мальчик с

пальчик! «Но Мальчик с пальчик одолел великана»,— вспомнилось мне из сказки.

«Нет уж, Мальчик с пальчик! — все еще злился я.— На сей раз будет наоборот!»

Я настиг его, ухватил за воротник, опрокинул на землю.

Сумка раскрылась, из нее высыпались книжки, тетради, пенал. Порыв ветра подхватил какие-то листки и метнул мне прямо в грудь. Один из них остался в руке. Я прочитал: «Моему шефу Гунару Стребейко».

И нарисовано яркое желтое солнышко с лучами.

Поднял еще два листка. То же самое. Только рисунки другие: голубые цветы, бабочки, самолеты...

Малыш стоял на коленях, собирал растрепанные книги. Время от времени он тер кулачком глаза.

Мне стало стыдно. Было такое ощущение, словно не книги, а я сам вывалился в осенней грязи.

У него из глаз капали крупные слезы.

— Мальчик с пальчик, послушай...— растерянно бормотал я, помогая ему очищать книги от налипшего мокрого песка и укладывая их в сумку.— Мальчик с пальчик...

— Я не Мальчик с пальчик. Я Мелнацис...— поправил он, утирая слезы.

Вот так шеф, ничего не скажешь! Я вспомнил, что и сам был когда-то таким малышом. И большие мальчишки так же обижали меня. И я так же горько плакал.

— Перестань реветь, слышишь? — стал я успокаивать его, как умел.— Не плачь, ну! Обернем все твои книжки. У меня такая бумага есть — будет лучше новых. И нарисуем что-нибудь на обложке. Хочешь, я тебя научу? Трактор, а? Или экскаватор? Хорошо?

— Я хотел тебе тогда, на перемене... эти рисунки... отдать.— Он все еще всхлипывал, но взгляд уже прояснялся.— А ты... А вы... А учитель...

Свое обещание я сдержал. Повел к себе домой, обернул все его учебники, тетради, научил рисовать машины. Но этим дело не ограничилось. Я стал следить за успеваемостью Юриса, иногда объяснял задачи. А позднее, к Новому году, подарил ему, как отличнику, сборник народных сказок.

Он и теперь часто прибегает ко мне за советом или просто так, в гости. Словом, я сам себя не узнаю: стал

настоящим заботливым шефом. Но своего маленького друга по-прежнему называю так: Мальчик с пальчик.

Юрис не обижается, привык. А вот Ояр иногда посмеивается надо мной:

— А кто же все-таки тот злой великан, которого он победил?

РУСАЛОЧЬИ ВОЛОСЫ

Яутрита хочет быть красивой. Самой красивой девочкой в нашем классе. Самой красивой во всей школе. Только вот это уж для нее невозможно. В других классах есть девочки красивее Яутриты. Например, Брйгита из восьмого. Майя из девятого. Дагния из шестого...

Неизвестно почему, но Яутрита решила, что вся красота женщины в ее волосах. Ни для кого не секрет, что каждый вечер она их накручивает на бигуди. Поэтому с утра у Яутриты вьющиеся волосы. К концу же уроков они обычно висят как солома.

А еще Яутрита считает, что ресницы обязательно должны быть длинными и черными. Такими, как у Кайи. Подозреваю, что Яутрита подкрашивает свои ресницы. Помнится мне, что до шестого класса они были белесыми. Чтобы ресницы росли подлиннее, Яутрита каждый день натирает их касторкой. Я сам слышал, как она рассказывала другим девочкам:

— Касторовое масло исключительно хорошо способствует росту. Вот, например, моя подруга Фёлицита отрастила себе ресницы, ну как у кинозвезды!

За своими ногтями Яутрита тоже тщательно следит. Конечно, хорошо, когда руки чистые — кто с этим спорит? Но вот по понедельникам на ее ногтях, если приглядеться, можно заметить розовые пятнышки. Понятно! По воскресеньям Яутрита разгуливает с крашеными ногтями. Но ведь в школу так не явишься — запрещено. Вот она и соскабливает лак.

— Ацетона у Яутриты нет,— поясняет ее соседка по парте Сильвия.— Ацетоном лак мигом смывается.

И вообще, Яутрита, наверное, прирожденная артистка. Конечно, не только потому, что ей нравится вся эта возня с волосами, ресницами и ногтями. Главное, Яутрита очень

любит изображать из себя такую модную даму. В разговоре с ней только и слышишь: «Это уже не носят», «А вот это последний крик моды!».

Но особенно прославилась она русалочьими волосами...

— Почему последнее время Яутрита ходит в платочке? — недоумевали мы. — Не снимает его никогда. Ни на улице, ни в школе.

Неужели платочек — крик моды? Увидела, вероятно, в каком-нибудь модном журнале, которыми ее снабжает Сильвия; та, в свою очередь, выпрашивает журналы у тетки.

Почему же все-таки?

Сама Яутрита уклонялась от ответа на наши вопросы. То делает вид, что не расслышала, то пожмет плечами, а то и отрубит:

— А вам-то какое дело!

Классной руководительнице она сказала, что это из-за ушей. Болят.

Сильвия посочувствовала подружке:

— Бедненькая! А что говорит врач?

— Ничего не говорит.

— Как так — ничего? Должен же он прописать лекарство.

— Глупости какие! — почему-то злилась Яутрита. — От ушей нет лекарств.

В их разговор вмешалась Иголочка:

— От каждой болезни есть лекарство.

— Точно! Камфарные капли, — вспомнила Сильвия.

— Уже пробовала, — ответила Яутрита. — Не помогает. Лучше всего — держать уши в тепле.

— И долго придется носить платок?

— Кто знает! Пока не пройдет.

Не все ладилось в ее торопливых ответах.

— А что говорит твоя мама? — поинтересовался я.

— А ничего! — отрезала Яутрита.

Врач — ничего, мать — ничего... Не странно ли?

Яутрита, по-видимому, сообразила, чтохватила через край. Снизойшла до разъяснения:

— Мамы нет дома. Она в командировке.

— Может, тебе лучше обратиться в поликлинику? —

озабоченная Сильвия все еще пыталась давать советы.

Югита поддержала ее:

— Даже обязательно! С ушами шутки плохи. Недолго и оглохнуть.

— Вот вернется мама из командировки, тогда посмотрим.

Яутрита явно спешила закончить неприятный для нее разговор.

В тот же день после уроков, дождавшись, когда уйдет Яутрита, Иголочка собрала всех нас.

— Погодите, не расходитесь! Надо подумать, как помочь Яутрите. Судите сами: у человека болят уши, может быть, воспаление среднего уха. Мать в отъезде, а больше никого у нее нет. Что делать?

И сама же ответила на свой вопрос — у Игопочки все продумано заранее:

— Мы должны поступить по-тимуровски. Где сказано, что помогать нужно только старым людям? Ни к кому не оставаться равнодушным — вот главное. Что бы делал каждый из нас на месте Яутриты? Думаете, смог бы сам справиться? Очень сомневаюсь! Одно это раннее вставание по утрам чего стоит. Сами знаете: спится так крепко, что никакой будильник не разбудит. Каждого приходится поднимать. А потом? Нам только помыться — и за стол. А там уже и завтрак готов и все прочее. А Яутрита? Ей же все, буквально все, приходится делать самой. Что поделаешь: раз уж у тебя мама журналистка и разъезжает по командировкам... Ну вот! А теперь у нее уши заболели. Это ведь не шуточки...

Иголочка говорила так убедительно, что мы без долгих разговоров решили помочь заболевшей однокласснице. Первый раз отправились к ней вчетвером: Иголочка, Сильвия, я и Зигурд. Девочки займутся ужином, приберут в квартире, помоют полы. Мы принесем дрова, растопим печку — Яутрита живет в старом доме, без центрального отопления. Сбегаем в магазин за продуктами, а если нужно, и в аптеку. Кто знает, может быть, ей прописан постельный режим?

В следующий раз пойдут другие. И так каждый день, пока не вернется из командировки ее мама.

Вечером мы, первая смена, в полном составе отправи-

лись к больной. По дороге Иголочке пришло в голову, что неплохо было бы помочь ей и в учебе. Вероятно, из-за этих самых ушей в последнее время школьные дела у Яутриты тоже разладились. Конечно, разве больному человеку угнаться за здоровыми?

У дверей квартиры Яутриты нам пришлось постоять. На стук никто не ответил.

— Надо было раньше прийти,— сказала Сильвия.— Ушла, наверное, к соседям. Или уже спать улеглась, беденькая.

Постучали снова, погромче — звонка у двери не было. И вот послышались легкие торопливые шаги. Яутрита! Дверь она открыла без обычного «Кто там?». Смелая! Словно заранее знала, что за дверью именно мы.

Секундой позже мы увидели перед собой странное существо со вздыбленными вокруг всей головы мелко-мелко завитыми волосами. Впрочем, лицо у этого существа было очень похоже на лицо нашей Яутриты. Но волосы!.. Мы никак не могли сообразить, что этот пышный шар — зачатки какой-то сложной прически.

— Вы? — Яутрита была поражена. Вот уж кого она наверняка не ждала!

В комнате царил такой же хаос, как и у нее на голове. Казалось, сколько есть тут, в доме, одежды, вся она на стульях, сколько есть посуды — вся на столе, сколько обуви — вся раскидана по полу.

— Как же твои уши? — Иголочка не скрывала своего возмущения.— Они ведь у тебя страшно болят!

Яутрита растерялась. Ясное дело: что тут скажешь?

— Видок у тебя! — Зигурд осторожно потрогал торчащие во все стороны волосы.— Пугало огородное!

— Думаете, мне самой нравится? — Яутрита обрела наконец дар речи.— Хотела одно, а получилось...

— Как у овцы,— подсказал я.

— А вот Фелицита — ну, та девочка, которую я жду,— она говорит: прима!.. Но ведь я и сама вижу...

Да, вид у Яутриты был жалкий!

— Вот что: эту завивочку надо непременно ликвидировать.— У Игопочки уже созрел план.— Пошли в парикмахерскую!

Как раз в это время вошла долгожданная Фелицита.

— Яутрите некогда! — без обиняков заявила ей Иголочка.

Незнакомая девочка удивилась. Ее губы были неестественно красными, на веках синели тени. Ресницы густо намазаны, а уголки глаз уродливо удлинены черными линиями. «Хороша подружка у нашей Яутриты!» — подумал я.

— Пожалуйста, не задерживайте нас.— Иголочка вошла в привычную для нее роль.

— Да, уж извини, Фелицита,— вяло пробормотала Яутрита.— Сегодня ничего не выйдет.

— И впредь тоже! — уточнила Иголочка.— Нечего вам здесь делать!

Фелицита бросила на нее злой взгляд и вышла, хлопнув дверью. Она не проронила за все время ни единого слова. Даже не поздоровалась, не попрощалась.

Иголочка продолжала распоряжаться:

— Всем оставаться здесь нет никакого смысла. Я провожу Яутриту в парикмахерскую — одна она там вряд ли справится. Ну а вы можете идти по домам.

— А если все-таки принести дрова и растопить печь?— предложил я.— Когда Яутрита вернется, будет уже поздно этим заниматься.

Иголочка призадумалась. Ни дать ни взять командир корабля на капитанском мостике перед принятием важного решения!

— Ладно! Оставайся здесь, пока мы не вернемся из парикмахерской.

Так и сделали. Все ушли, а я остался растапливать печь.

Ждать пришлось довольно долго. В парикмахерской, как потом выяснилось, был длинный хвост. Когда же подошла очередь Яутриты и Иголочка разъяснила, что следует сделать, мастер заартачилась:

— Ну уж нет! Такая хорошенькая головка — и теперь все портить? Это вам что, детские игрушки? Нет уж, сделано так сделано! Что за капризная клиентка: то завей, то развей!

Яутрита уже посматривала на дверь. Но не в привычках Иголочки так легко сдаваться.

— Никакая она не клиентка, а ученица седьмого

Алимпина

класса! Подросткам запрещено продавать сигареты и алкогольные напитки — это вы прекрасно знаете. А химически завивки делать им разрешается?

Услышав это, мастер очень обиделась и в свою очередь навалилась на Иголочку.

— Я не могу тут у каждой требовать свидетельство о рождении. И вообще, не мешайте мне работать! Видите, какая очередь?

Обо всем этом Иголочка рассказала мне, когда они вернулись из парикмахерской. На Яутриту было больно смотреть. Но Иголочка еще не потеряла надежду.

•— Есть у вас перекись водорода? — спросила она Яутриту.

— Есть. В аптечке.

— Прекрасно! Значит, все будет в порядке.

— Что будет в порядке? — не поняла Яутрита.

— С твоими волосами. Слышала, что говорили женщины в очереди? Перекись водорода — первый враг завивки. Попробуем! Попытка — не пытка.

Яутрита попробовала робко возразить, но где там!

— Не послушаешь меня, расскажу в школе, почему ты носишь платок, — пригрозила Иголочка.

Намочила ей волосы перекисью, приказала:

— А теперь завяжи платком и держи часа три. Перед сном прополощешь — и твоей завивки как не было.

На следующее утро мы с Иголочкой заявили в школу чуть ли не раньше всех. С нетерпением ждали Яутриту. Иголочка не сомневалась: с волосами теперь полный порядок.

Каково же было ее разочарование, когда наша подружка снова заявила с платочком на голове.

— Неужели еще вьются? — поразились мы.

Яутрита молча приподняла край платка. Что это? Иголочка отшатнулась, будто увидела привидение. Волосы были зелеными! Ярко-зелеными, как у русалки!

— Сначала они стали белыми, словно вата, — рассказывала Яутрита, чуть не плача. — Тогда я вспомнила, что мама красит волосы. Нашла в ящике под зеркалом пачку краски. А как мама это делает, я видела раньше. Растворила порошок в горячей воде и этой кашицей намазала

волосы... И вот... На пачке написано «каштановый цвет», а получился почему-то зеленый.

— Когда красят волосы, то басму смешивают с хной,— со знанием дела пояснила Сильвия.— От хны волосы становятся цвета меди.

Яутрита завязала платок поплотнее. Да, помогли, называется! Мы растерянно переглядывались.

— Придумала! — наконец воскликнула Иголочка. Она почувствовала себя виноватой.— Пошли к классной руководительнице. Я скажу, что испортила тебе волосы перекисью. Она обязательно что-нибудь посоветует.

— Ты считаешь? — сомневалась Яутрита, но противиться не стала.

Что девочкам сказала классная руководительница, так и осталось тайной.

Почти всю четверть Яутрита протаскала на голове платок. Когда же наконец она сняла его, то мы все увидели под ним короткую стрижку под мальчика. Значит, пришлось тогда все-таки волосы снять.

И ведь не скажешь, что новая прическа, ей не к лицу. Наоборот. Теперь, пожалуй, Яутрита стала красивее, чем прежде. И не надо ей никаких кудрей, никакой искусственной завивки (всеведущая в этих делах Сильвия обязательно применила бы звучное слово «перманент»).

Кажется, Яутрита это и сама теперь понимает. Во всяком случае, она больше не строит из себя взрослую даму.

СЫН КАПИТАНА

Томинь — сын капитана дальнего плавания! Наш Томинь! Тот самый, который мечтал об океанских кораблях, который будто своими глазами видел берега теплых морей, где никогда не бывал, который придумывал всяческие истории про отвагу и находчивость моряков,— этот самый Томинь теперь плавает на настоящем корабле и снимается в фильме где-то на Черном море! И хоть все это только кино, но море-то настоящее, и моряки тоже!

В первом письме, которое мы получили, Томинь писал, что на их корабле сейчас два капитана. Один, который командует кораблем, настоящий. Другой — актер.

Свои письма и красочные открытки Томильн шлет Югите, так они договорились. Но нам тоже разрешается их читать. Когда я увидел цветную открытку с огромными пальмами, то первым делом спросил с завистью:

— Неужели Томильн действительно попал на Кубу?

— Да нет же, — рассмеялась Югита. — В Крыму тоже растут пальмы. Для фильма вовсе не обязательно, чтобы была настоящая Куба. Вот Томильн сам тоже играет малыша, хотя ему уже тринадцать.

В некоторых письмах Томильн подробно пишет о своей роли. Отец его героя оставил сынишку на попечении друга. А у того тоже сын — Пёдро.

Женю, который играет роль Педро, режиссер отыскал в одной из московских школ. У него черные блестящие волосы и горящие, как угли, глаза. Он русский, но уже неплохо научился говорить по-испански и вполне сходит за южанина.

По сценарию фильма мальчики целыми днями играют во дворе небольшого особнячка, среди фруктовых деревьев. У каменной ограды растет огромный кактус в три человеческих роста.

В перерывах между съемками Томильн с Женей гуляют по берегу моря, качаются на качелях, подвешенных между бамбуковыми деревьями. А рядом стоит столик с фруктами. Апельсинов — ешь сколько влезет, бананов тоже.

Как тут не позавидовать!

В другом письме Томильн восторгается матросом, который присматривает за ним и Женей. Матрос этот из Риги и на судне уже восьмой год. Он живет в одной комнате с ребятами и вечерами, перед сном охотно рассказывает им о своих приключениях на суше и на море. «Морской волк! — пишет Томильн. — А сильный какой! В фильме есть место, где он нас обоих поднимает — одной рукой каждого. Ну, вы сами посмотрите, когда пойдет кино. У него это тоже первая роль в жизни. Первая — и, наверное, последняя, как он сам говорит. Такое прозябание на берегу никак не может устроить моряка».

А вот о своей учебе в Крыму Томильн пишет не с таким восторгом. Киностудия специально для ребят наняла учителя, и он, как в настоящей школе, разъясняет материал, опрашивает, ставит отметки. В конце четверти Томильн

получит свой табель, так же как все мы. Не должно быть ни единой двоечки — таково строжайшее требование режиссера-постановщика и директора фильма. Так что учиться приходится на совесть — ведь учитель спрашивает каждый день. В остальном же такая жизнь Томина вполне устраивает. У него даже есть свой собственный матросский костюм.

Да, Томины... Теперь он может дать волю своей буйной фантазии. Ведь играть-то ему приходится чуть ли не самого себя со своим воображаемым отцом-капитаном.

Может быть, со временем Томины сам станет моряком? Ну, не моряком, так артистом. Сказал ведь режиссер, что он — находка для фильма.

Находка... Но ведь Томина никто не находил. Он сам, по своей собственной воле, отправился на студию, попал на комиссию, испугался, расстроился, начал гримасничать с перепугу. Вот тогда режиссер и заметил в нем ту особенность, ту изюминку, которая и сделала Томина «находкой».

А Индулис в своем фильме играет подростка. Не южанина, не моряка — самого обычного рижского паренька. Шлялся-шлялся здесь по гавани, пока не связался со спекулянтами и в итоге угодил в колонию для несовершеннолетних.

Ни на какие корабли Индулису не попасть, никуда не надо ехать — фильм снимается здесь же, на студии; От своего участия в съемках он — наш киноартист — не в восторге. «Дубль за дублем. Сплошные мучения!» — вздыхает он.

КТО Я ТАКОЙ?

Ну и придумала же наша классная руководительница! Дала такую тему для сочинения!.. «Кто я такой?» Нет, это что-то небывалое:

Учительница написала на доске план:

1. Успехи в учебе.
2. Мое поведение.
3. Отношение к коллективу.

4. Что я думаю о девочках (девочкам, разумеется, надо было писать, что они думают о нас, мальчишках).

5. Мое место в обществе сейчас и в будущем.

Кто бы ожидал от учительницы Лаурани такого подвоха? Думай теперь! Мудри! Характеризуй сам себя! Причем сразу же, тут, сидя в классе, без всякой подготовки. Ни с кем заранее не поговорить, не посоветоваться. И все это за два часа, точнее, за полтора, ведь урок длится всего лишь сорок пять минут.

Итак...

Успехи в учебе.

Этот пункт, кажется, самый легкий. Учусь неплохо. Не отличник, но троек тоже нет. Бывают иногда четверки, в основном же пятерки. Словом, классу за меня краснеть не приходится. Вероятно, я мог бы учиться лучше. Вероятно... Но почему-то я не люблю охотников за пятерками. (Позднее я узнал от Зигурда, что он тоже написал нечто подобное о своей нелюбви к зубрилам.)

Написав это предложение, я задумался. В самом деле, неужели только зубрежкой можно заработать пятерку? Вот, например, по истории и географии, то есть по предметам, которые мне особенно нравятся, пятерки приходят как бы сами собой. Значит, если мне что-то по душе, то зубрежка тут отпадает, и я все учу с удовольствием. Почему же тогда по английскому языку и латышскому письменному у меня не всегда пятерки? Потому что мне неохота заставлять себя. Я делаю только то, что мне интересно. Значит, я неохотно иду на преодоление трудностей, делаю только то, что дается легко. Пасую перед трудностями? А ведь это своего рода трусость...

Перечитал все написанное. Взять бы да перечеркнуть! Но не хватит времени начинать сызнова. Поэтому берусь за следующий пункт.

Мое поведение.

Раньше по поведению у меня были только пятерки. Обычно я не дерусь, не лгу, не обижаю маленьких. Но в прошлой четверти мне снизили отметку по поведению за грубость по отношению к завхозу и попытку скрыть свою вину. Почему это произошло? Кажется, я стал высоко задирать нос. Не смог заставить себя на виду у своих товарищей выполнить распоряжение работника школы,

обозлился на него. Плохая черта, что и говорить! Понял я это в тот момент, когда Екаб Берзинь дружески пожал мою руку. Мне стало стыдно за себя!

В остальном же мое поведение как будто не должно вызывать особых нареканий. В автобусах, трамваях я всегда уступаю место старшим людям, женщинам с детьми и даже без детей. С учителями не пререкаюсь. Дома стараюсь маме помогать... И все же я собой недоволен. Понимаю, сколько боли доставил матери в конце первой четверти. Моя отметка по поведению была самым большим браком в классе и сказала на соревновании с бригадой Павла. Мне кажется, я больше всего походил на автомашину, которая развила приличную скорость, а тормоза не в порядке. Таким образом, если быть честным до конца, я должен признать, что мое поведение меня не очень устраивает.

Отношение к коллективу.

На этот вопрос могу смело ответить одним словом: хорошее. У меня нет врагов. Интересы коллектива для меня важнее моих собственных интересов, и это качество, верно, следует оценить положительно.

Что я думаю о девочках?

Сложный вопрос, сразу не ответишь. Но разобраться все-таки надо.

Почему мне нравятся Иголочка и Югита? Только потому, что характер у них похож на мальчишеский? Или еще что-то? И почему такие девчонки, как Карина, Изольда, Сармита и Сильвия, мне не нравятся? Что я о них думаю? Что они зубрилки? А если это вовсе не так? Если, скажем, той же Сармите все предметы даются одинаково легко? Так же, как мне география, история, черчение? И если Сармита к тому же аккуратная, чуткая, всегда готова помочь другим, то, может, я неправ? То же самое и с Изольдой... Не она ли больше всех помогла Тომину, добровольно взяв над ним такое трудное шефство? Мы, ребята, часто называем Изольду сплетницей. Но справедливо ли это? Она просто горячо, иногда даже слишком горячо, вступается за правду и терпеть не может лжи. Так при чем тут — сплетница? И Сармита тоже. Если хорошенько подумать, то такие девчонки заслуживают уважения.

Или вот Яутрита. Что я про нее думаю? Раньше считал:

она очень легкомысленная. Теперь же мне кажется, что это не совсем так. Может быть, она просто-напросто нуждается в хороших друзьях. Как она была благодарна мне, когда я принес дрова, растопил печь и посочувствовал ей из-за той неудачи с волосами!

Возможно, о Карине и Сильвии я тоже изменил бы мнение, если бы узнал их поближе. И все-таки ни одна мне не будет нравиться больше, чем Иголочка — в этом я убежден. По-моему, в наше время девочкам нужно быть такими, чтобы они нигде и ни в чем не уступали ребятам, даже, если хотите, в футболе.

Мое место в обществе сейчас и в будущем.

Сейчас я ученик седьмого класса, пионер. Еще недавно мне казалось особенно важно то, что я сын директора школы. Теперь это для меня больше не играет никакой роли — вот какой прогресс! Если я даже был бы сыном знаменитого писателя или министра, мой собственный вес от этого не прибавился бы ни на грамм.

Я член коллектива своего класса, один из двадцати пяти учащихся, которые хотят получить среднее образование и выйти в жизнь, стать полезными людьми. Но вот такой вопрос: необходим ли я своему коллективу? Стал бы класс беднее, изменилось бы в нем что-нибудь, если бы меня вдруг не стало, уехал бы, например?

Откровенно говоря, скорее всего, в классе осталось бы все по-прежнему. А вот ушла бы Иголочка, жизнь класса стала бы беднее. Или Томинь. Сколько времени уже прошло, как он уехал в Крым, а мы ведь до сих пор, можно сказать, тоскуем о нем.

Печально! Наверное, надо мне хорошенько задуматься над тем, как стать более нужным ребятам, своему классу.

А в будущем... По-моему, рано об этом говорить. Скажу только, что решил стать врачом. Понимаю, что уже сейчас нужно начать воспитывать в себе качества, необходимые для данной профессии. Пока еще, скажу прямо, гордиться нечем. Может быть, придется мне учиться у той же Сармиты, Югиты или Изольды — чувствуют ведь они себя лично ответственными за каждое начинание в школе! И у Иголочки тоже. Все ее касается, во все она активно вмешивается, во всем принимает деятельное участие.

Вот таким образом наша классная руководительница получила двадцать пять «Самохарактеристик».

— Когда вы их нам вернете? — поинтересовались мы.

— На сей раз не верну вовсе, — ответила учительница. — Скажу только отметки: одну за содержание, другую за правописание. — Учительница Лауране обвела взглядом класс и снова посмотрела на пачку исписанных листков. — Не забудьте, что в будущем году вы закончите восьмой класс и мне надо будет писать про вас. Вот тут-то эти ваши сочинения сослужат хорошую службу...

— Эх, надо было написать про себя получше! — воскликнул Ояр.

— А нельзя ли их переписать? — тут же предложил Эгил. — Мы еще дома подумаем.

Учительница улыбнулась — она никогда громко не смеялась.

— Что, попались? — пошутила она. — Ничего, у вас впереди еще целый год — и для размышлений, и для добрых дел. — Она опять стала серьезной. — Не забывайте, друзья, откровенность, особенно когда речь идет о своих собственных недостатках, — та же смелость. А такое качество, как смелость, всегда оценивалось очень высоко.

Наверное, не один я откровенно написал все, что думал о себе, так как после этих слов учительницы класс немного успокоился. Вообще-то верно! Гораздо непригляднее хвастаться качествами, которых у тебя нет и в помине.

Интересно, расхвалил ли кто-нибудь в сочинении сам себя? Но об этом мы никогда не узнаем. Учительница Лауране умеет хранить тайны.

ИГРАЕМ СЕБЯ

Раз в неделю мы собираемся на репетицию. Кайя придумала для нашей пьесы оригинальное название: «Играем себя».

Первое время нам казалось, что такое название несколько не отражает содержание пьесы. Она ведь не только о школе и школьниках. В пьесе много взрослых. Места действия самые разные: магазин, рынок, автобус, улица... Веселые эпизоды сменяются серьезными, серьез-

ные — грустными. Но чем глубже мы вживаемся в роли, тем оправданнее становится в наших глазах необычное название. Ведь разыгрываем мы конфликты в семье, которые возникают из-за капризных детей, избалованных, упрямых подростков, подчас изворотливых и хитрых, нередко доставляющих огорчения взрослым. Положа руку на сердце, приходится признать: да, во многом мы действительно играем самих себя.

Репетиции проходят очень интересно. Кайя великолепный режиссер. Ничего не приказывает делать, не командует. Только скажет иногда:

— Погоди! Подумай, как бы ты поступил на ее месте. Ну разве это не похоже на декламацию? В жизни ты так никогда не говорил бы, верно? А разве на сцене должно быть иначе? Нет, на сцене тоже должно быть так, как в жизни.

Мы думаем, мы вникаем. Мы стараемся не играть, а говорить и действовать, как в жизни. И Кайя хвалит нас:

— Молодцы! Именно так: не играть, а жить!

Вот я и «живу» в качестве будущего композитора, Сильвия становится отличницей, пока только на сцене, Гельмут — избалованным маменькиным сыночком. Карина превратилась в пионервожатую, Валдис — в старичка...

Робису труднее вжиться в роль. Хоть и голос у него басовитый, и рост подходящий, а отец семейства не получается у него никак. Непонятно почему, но, произнося слова из роли отца, даже самые простые, Робис говорит только торжественно-приподнятым тоном. Так и кажется, что он взобрался на возвышение и высокомерно взирает оттуда на всех окружающих его девочек и мальчиков. Неужели его собственный отец тоже такой? Или отчим? Откуда у него это странное представление об отце?

— Отец такой же человек, как и все, — в который раз терпеливо втолковывает ему Кайя. — Бывают у него и неудачи, и неприятности на работе. Дети обычно тоже знают об этом, отец просто не в состоянии скрыть все свои неприятности от семьи. А раз так, то он для них не только олицетворение мудрости, старший товарищ, друг, советчик с богатым жизненным опытом, который охотно делится всем, что знает, с детьми... Значит, в голосе отца должны быть сердечность, теплота. В семье он черпает силы,

семья — его опора. И это сказывается во всем. Одно дело, когда ты произносишь «Дети!» в железном приказном тоне. Другое — словно приглашаешь себя выслушать. Важна интонация, понимаешь? Как бы сказал твой отец: «Роб!», «Роб?». Или: «Роб...» Это же большая разница!

Робис в который раз начинает произносить текст роли. Ему представляется, что отец чаще всего говорит: «Роб!» — с восклицательным знаком, в приказном тоне. А не: «Роб?» — то есть вроде вы спрашивает: «Ну, а как ты считаешь, сынок?»

— Хорошо,— говорит Кайя.— В таком случае, попытайся изобразить такого отца, который все свои отношения с детьми строит на одних приказах. Но ведь и при этом условии он не будет действовать как командир полка. Отец имеет дело не с подчиненными ему солдатами, а с самыми своими близкими людьми. Ну подумай: ведь ты не можешь не сочувствовать Лолите, своей дочери. У тебя болит за нее сердце, ты переживаешь за ее плохие отметки в школе, за ее нежелание учиться. Ты приказываешь — хорошо, допустим! Ты отдаешь распоряжение — допустим! Но в душе ты желаешь ей только добра, ты веришь, что она может измениться, ты видишь в ней х о р о ш е е...

Робис внимательно слушает Кайю. Наверное, она права: каждый видит в своем ребенке хорошее. Даже тогда, когда ругает его.

Голос Робиса начинает звучать мягче. В нем появляется теплота.

Очень может быть, что Кайя, сама, вероятно, того не ведая, помогла ему лучше понять отчима.

— Хорошо! Пошли дальше!..

Индулис-бабушка входит в комнату и, услышав строгие слова отца, тигром бросается на защиту своей внучки.

— Индулис, не переигрывай! — Кайя смеется.— Твоя единственная забота, чтобы Лолита была сыта, хорошо одета и чтобы в школе ее никто не обижал. Старушка убеждена, что учителя ни с того ни с сего взьелись на ее внуку. Не хватало теперь еще, чтобы дома родной отец повышал голос и заставлял нервничать и без того нервного ребенка.

Индулису долго объяснять не надо. Раскинув руки, он

заслоняет собой Лолиту, плачущим голосом упрекает отца за его «неверное» отношение к дочке.

У длинноногого Индулиса получается так здорово, что мы все переглядываемся, улыбаемся. Точно! Всем бабушкам их внучки дороже золота.

Кайя энергично хлопает в ладоши:

— Очень хорошо, Индулис! Идем дальше!

. Появляется дедушка, то есть Валдис. Сгорбившись, он шаркает по сцене, едва волооча ноги.

Нам опять становится весело.

— Смешно, ничего не скажешь! — Кайя тоже улыбается.— Беда только в том, что в наше время дедушки вовсе не такие уж дряхлые. Многие работают или ходят в клубы пенсионеров, поют в хорах ветеранов труда... Мне кажется, Валдис, ты перестарался. Сколько лет твоему дедушке?

— Шестьдесят пять.

— И что он делает?

— Работает. В типографии.

— Вот видишь! А у тебя получается немощный старец...

Ояру пришлось много думать о том, каким должен быть образ матери.

— Моя мама врач, заведующая хирургическим отделением. В больнице она проводит больше времени, чем дома,— сказал он, когда Кайя предложила ему не переигрывать и сравнить свою собственную мать с той, роль которой он играет в пьесе.

— Значит, очень занятый человек.— Наш режиссер задумалась ненадолго. И тут же последовал вывод: — Такой же ты можешь играть мать на сцене. Идет серьезный разговор с дочерью, а в голове у матери самые разные мысли. Как успеть все сделать по дому — сегодня ведь дежурство в больнице. Как не опоздать на родительское собрание? И как там после операции больной?... Впору хоть разорваться! А дочери кажется, что мать всегда и все может.

Вскоре Ояр сообразил, что от него требуется.

Смешнее всего получалась у Зигурда роль учительницы.

— Какую из наших учительниц должен он себе представить? — стал ехидничать Мадис после первых же робких слов, произнесенных Зигурдом по тексту.— То ли...

— Будет тебе насмешничать! — оборвала его Кайя.

— Пусть лучше я буду не учительница, а учитель,— жалобно попросил Зигурд.— Какая разница? В пьесе от этого ничего не изменится.

— Серьезно? Ты в самом деле так считаешь? — спросила Кайя.— Ну вот, скажем, на месте вашей классной руководительницы был бы учитель Мурцелис или Аболтынь?.. Нет, ребята, преподаватель-женщина очень отличается от преподавателя-мужчины. Ну, скажем, как в семье отец от матери.

— Ага! Значит, она, как мать,— ухватился за эту мысль Зигурд.— В таком случае, мне надо играть так, как Ояру.

— И да, и нет. Между учительницей и матерью большая разница. У матери ты один, а у классной руководительницы вон вас сколько. Она должна думать обо всех, никого не выделять.

— Как же это изобразить на сцене? — недоумевал Зигурд.

Нам тоже было непонятно, чего добивается Кайя. Как показать, что учительница заботится обо всех, а не об одном? Ерунда какая-то!

— Давайте тогда изменим текст,— предложил Эгил.— Вставим слова об этой всеобщей заботе — и тогда полный порядок.

Кайя покачала головой.

— Почему обязательно текст? А взгляд? Знаете, как можно много сказать одними только глазами? Вот какие, например, глаза у вашей классной руководительницы?

— Серо-зеленые.

— Спокойные.

— И...

— И? — допытывалась Кайя.

Трудно было тут обойтись одним словом.

— Ну... Она вроде видит всех...

— Говорит с одним, а обращается как будто к каждому в отдельности...

Вот так в ходе репетиций все постепенно становилось на место — слова, движения, взгляды. Каждая следующая репетиция проходила лучше предыдущей, нам самим становилось все интереснее. Теперь рядом с обычной

школьной жизнью для нас существовала еще одна — на сцене. Наверное, это и была та самая правда жизни, о которой так настойчиво втолковывала нам Кайя — жизнь в образах.

Самое, пожалуй, удивительное, что за время разучивания ролей мы сами в чем-то изменились. Даже Гельмута нельзя было узнать. Казалось, он в жизни стремился четко отделить себя от Эльмара, которого играл, — трусливого, избалованного, ленивого, готового при удобном случае взвалить на других свою собственную вину. Гельмут стал взрослее, что ли. Так как характер Эльмара в чем-то совпадал с его собственным. Гельмут смог вдруг увидеть себя в роде бы со стороны...

К Новому году спектакль был готов. Премьера состоялась на школьной сцене. В зале сидели наши отцы и матери, дедушки и бабушки. И ребята, разумеется, тоже. Странно, но такое количество зрителей нас вовсе не смутило. Даже наоборот, мы почувствовали себя смелее, увереннее.

Премьера стала настоящим событием, одним из самых крупных во всей нашей школьной жизни. Уже после первого действия за кулисы пришел Павел и воскликнул, совсем как Томиль:

— Потрясающе!

Кайе он пожал руку:

— Да это же сама жизнь!

Павел тут же предложил в День Советской Армии показать наш спектакль на сцене клуба судоверфи.

— После торжественной части, — сказал он. — Отличный подарок рабочим. Будет над чем задуматься и взрослым, и детям... А от вас я просто в восторге, Кайя! От вас и всех ваших актеров.

— Спасибо, — только и смогла вымолвить наша Кайя, густо покраснев.

Предложение Павла нас очень обрадовало. Играть на клубной сцене — это уж что-то вроде гастролей!

Второе действие мы сыграли еще лучше и заработали бурю аплодисментов — школьный зал такого еще не слышал. Вызвали на сцену Кайю. И вот тут только мы сообразили, что надо же поднести ей цветы. Эх, головы дубовые!

Но, оказывается, о цветах позаботились — моя мама! Она долго держала руку Кайи.

— Я просто поражена, Кайя! Какое богатое воображение! И нам, педагогам, тоже было чему поучиться.

Не преувеличивает ли мать заслуг Кайи? Наверное, нет. Обычно она не склонна к похвалам.

Это было нашим первым большим успехом в так называемой внеклассной пионерской работе. Мы чувствовали себя на седьмом небе.

Во время зимних каникул у Индулиса начались съемки. Поэтому роль бабушки во время спектакля в клубе судоверфи исполнял Дирт.

На первых репетициях, у него получалось куда хуже, чем у Индулиса. Но постепенно и он вошел в роль. Дирт, в отличие от Индулиса, небольшого роста, и когда он преображался в суетливую старуху, которая во все вмешивалась, со всеми ругалась из-за своей любимой внучечки, готова была из-за нее сразиться хоть с самим змеем семиглавым, выходило очень смешно.

ШЕФЫ ШЕФОВ

Вот мы и стали шефами своих-собственных шефов! В клубе судоверфи почти не было мероприятий без нашего участия. Мы и пели, и плясали, и даже взяли на себя шефство над детским садиком предприятия.

Я даже не представлял себе, что мы можем доставить столько радости малышам-карандашам.

Выступали с песенками на их утренниках, делали для них всякие игрушки — одна Югита смастерила больше десятка яхточек! Водили ребятшек на прогулку, сооружали снежные крепости, лепили снеговиков, рассказывали им о школе, об октябрятах и пионерах, проводили линейки.

Удивительно, но нам понравилось с ними возиться. Малыши засыпали нас бесконечными вопросами, и каждый ответ тут же вызывал у них очередное «почему?». Настоящие почемучки! И ответить на их вопросы не так-то просто. Пришлось признаваться самим себе, что мы еще

многого не знаем, хотя до этого казалось: нашей мудрости нет предела.

После спектакля, который прошел с большим успехом, рабочие подарили нам красивый занавес для сцены; тот, который висел в школьном зале, потерялся и выцвел. И хотя подарок этот предназначался для всей школы, мы ходили страшно довольные.

И еще нас ждало приятное событие во время летних каникул. Бригада Павла обещала взять весь наш класс в испытательное плавание на отремонтированном судне.

Вся школа нам завидовала. Но тут уж ничего нельзя было поделаться. Сама судьба распорядилась, чтобы именно седьмому «А» классу достался в шефы Павел. Другого на его месте мы уже не могли себе представить. Вначале даже казалось, что и сама Кайя будет только мешать. Но очень скоро выяснилось: наоборот, она нам необходима. Если Кайя о чем-то просила Павла, то отказа не было.

В клубе судоверфи нам разрешили остаться на танцы. Мы ведь не какие-то там грудняшки, которые могут лишь смотреть, разинув рты. В самом деле, кто из ребят и девчонок в наши дни не умеет танцевать? Разве что Сильвия — но она исключение.

Я приглашал на танец Иголочку, Зигурд — Сармиту, Мадис — Яутриту. Одну Изольду не приглашал никто. Но вот к ней подошел сам Павел и поклонился — ух ты! Гордая Изольда изволила милостливо улыбнуться. А ведь она единственная из наших девчонок, которой Павел оказал такую честь! До этого он танцевал с одной только Кайей.

Пока они отплясывали, Кайя потянула меня за рукав:

— Позаботься, пожалуйста, Гунар, чтобы никто из наших девочек не стоял бы у стены во время танца.

— Верно! — поддержала ее Иголочка. — Вы, мальчишки, совершенно не умеете себя вести.

И это говорит Иголочка, которую я приглашал на все танцы! Обидно!

Я стал подбирать слова, чтобы возразить ей. Мол, она меня оскорбляет своим замечанием.

Но пока я собирался с мыслями, танец кончился.

— Так что давай приглашай Изольду! — и Иголочка исчезла в толпе.

Нечего делать! Когда снова грянула музыка, я направилась прямо к Изольде.

Вот так получилось, что в тот вечер все мы, мальчишки, поочередно приглашали на танец нашу великую зубрилку. И Сильвию тоже вниманием не обошли — она, оказывается, вполне «в курсе». Пример всем нам опять показал Павел. Честно сказать, и Изольда, и Сильвия — девчонки как девчонки, есть чувство ритма, танцуют легко.

Сам Павел всю оставшуюся часть вечера танцевал с одной только Кайей.

Неспроста это! Не знаю, как у других, а у меня такое чувство, что наша старшая пионервожатая Павлу далеко не безразлична.

ЦВЕТАСТЫЕ ФАРТУКИ

С приближением Восьмого марта, как обычно, начинается пора мучительных головоломок. Не так-то просто придумать, что подарить нашим дорогим мамам. Вот и получается, что главная роль принадлежит девчонкам. К тому же — это еще и их праздник. Ребятам ничего другого не остается, как подчиниться.

Так произошло и на этот раз.

— Давайте сошьем нашим мамам нарядные фартуки, — предложила Сармита. — И красиво, и практично.

— Да, да, правильно! — сразу пришли в телячий восторг все девчонки.

У ребят же, в том числе и у меня, придумка Сармиты особой радости не вызвала.

— Уж лучше купить в магазине, — внес я дельную поправку. — Наверняка будет красивее.

Но девочки и слушать не хотели.

— Будет мамам радость от магазинного, как же! Будто они сами купить не могут!

— Не пойму, где тут логика? — недоумевал Ояр. — Какая разница: самодельный или купленный.

Никто из нас не испытывал желания шить.

— Это девчачья работа. Вот если выпилить что-нибудь!

— Кошечку или хаврошечку? — прыснула Иголочка.

— Почему именно кошечку? Почему именно кошечку? — завелся Мадис, и волосы у него вздыбились, как иголки у ежа.— Конечно, если ничего другого не уметь... А мы, слава богу, можем и вешалку для полотенца, и рамку для картины, и коробочку для ниток. Да еще орнамент выжжем!

— Что вы, ребята, все артачитесь! — взялась за нас Иголочка.— Вечно одни и те же разговоры: мужская работа, женская работа. Уж поверьте: в таких случаях мы лучше знаем, что делать. Ну, шить вы не умеете, верно. Велика беда! Что-нибудь придумаем, поможем, на крайний случай. И будет такой передник для мамы намного ценнее какой-то там фанерной коробочки, пусть даже с орнаментом.

— Почему — какой-то там? — опять взвился Мадис. Но Иголочка лишь отмахнулась.

— Не лезь в бутылку! Лучше сам подумай: нитки и иголки у нас всегда под рукой. А где взять фанеру? Пилки? Да еще рубанки, напильники, прибор для выжигания — намучаешься со всем этим. Или у вас у каждого дома по рубанку?

Как всегда, Иголочка говорила разумно и убедительно. Пришлось согласиться с ней.

Классной руководительнице тоже понравилась мысль самим сшить фартуки.

Прежде всего, нужен был материал. Денег мы собрали немало, поэтому решили купить покрасивее.

— Шелк! — предложил Вилис.— Шелк — это вещь!

— Хи-хи-хи! Шелк! — захихикала Иголочка.— Где ты видел шелковые фартуки?

— Тогда сатин. Тоже неплохо блестит,— поспешил Вилис исправить свою оплошность.

Но девочки все завопили, словно сговорившись:

— Не годится! Не годится!

— Я предлагаю пойти в магазин и решить на месте,— внес Ояр вполне разумное предложение.

Отправились за покупкой чуть ли не всем классом. Но ничего хорошего из этого не вышло. Известно ведь: сколько голов, столько и умов. Одному нравится льняная ткань в полоску, другому ситец с цветочками, третьему креп с точечками, четвертому тоже креп, но в клеточку... Не

можем никак решить! А продавцы то смеются, то ругаются: с такими «купцами» лишь время тратить.

Так ничего и не купили. Зато при'шли к выводу, что покупку надо доверить специалисту. Таким специалистом оказалась тетя Сильвии. Из рассказов самой Сильвии мы знали, что она работает в большой швейной артели, должна разбираться в тканях.

Дня через два-три ткань была уже у нас. И какая! Светло-зеленая, с мелкими красными цветочками. «Очень весенний вид,— решили мы,— вполне подходит».

Теперь можно было приступить к работе. Каждый день после уроков весь класс оставался в школе готовить свой сюрприз. Наши мамы и не подозревали, на какие муки мы обрекли себя ради них.

Повизгивали ножницы, падали на пол наперстки, путались нитки, иглы втыкались в пальцы. И все это называлось *ш и т ь е!*

Ребята вздыхали, охали и ругались. Ах, зачем только мы послушались девчонок!

Девчонки — совсем другое дело. Просто чудо, как быстро и сноровисто они управлялись. Посмотришь на них, и кажется — иголки снуют сами по себе. А сами они лишь следят за тем, чтобы не кончилась нитка.

Особенно ловко получалось у Сильвии. Кто бы мог подумать, что она, из которой на уроке приходится чуть ли не клещами вытягивать ответ, которая сонно движется даже под звуки польки, тут чувствует себя как рыба в воде. Чуть выпятив губу и прищулив глаза, она стремительно поворачивается то к одному, то к другому, раздавая дельные советы направо и налево. Косички прыгают на спине, как две коричневые белочки. А какие она знает слова: шлицы, штрипки, рюши, оборки!..

Я попробовал было сказать, что и слов-то таких нет. Сильвия обиделась:

— Много ты знаешь! Все швеи так говорят.

Хуже всех получалось у Гельмута. Особенно он мучился со швами. То большим пальцем прижмет подгиб, то локтем, то даже коленом. Никак ровно не выходит. В одном месте слишком широко, в другом чересчур узко, а то ткань морщится, и никак ее не выровнять. Ни за что не хочет поддаться передник неудачливому портному...

Когда же с помощью булавок Гельмут наконец кое-как справился со швами, то оказалось, что все его старания были напрасными. Первой это заметила та же Сильвия:

— Послушай, у тебя же швы на лицевой стороне!

— Как?!

Гельмута всего перекосило. Сообразив, в чем дело, он в отчаянии запустил пятерню в волосы.

— Что же тш'раньше не сказала?

— Откуда мн\знать, что ты не можешь даже отличить лицевую сторону от изнанки?

Нечего делать! Пришлось бедному Гельмуту все распарывать и начинать мучения сызнова.

У меня тоже шло не лучше. Хотя я и отличал лицевую сторону от изнаночной, зато, наметывая шов, умудрился пришить передник к собственным брюкам. Значит, опять пороть, опять шить.

Ояр не той стороной приделал карман. Зигурд слишком коротко обрезал лямки. Валдис, Вилис, Мадис... Все, хоть по разу, да переделывали.

Так мы шили, распарывали, снова шили. Но время шло, и работа близилась к завершению. Теперь оставалось только выстирать и поутюжить — и через несколько дней, утром Восьмого марта, передники вручать счастливым мамам.

Девочки во главе с Сильвией еще раз придирчиво проверили нашу работу.

• — Ай-яй-яй! Как же так! — разглядывая фартук Гельмута, горестно воскликнула Сильвия.—Куда ты пришел лямки?

— Как куда? — удивился Гельмут.— К фартуку, куда же еще?

— Да, но к какому месту? Видел ли ты когда-нибудь лямки внизу фартука? Или ты считаешь, их надевают на колени?

Мы окружили Гельмута и с веселым интересом рассматривали его творение. Всякое случалось и у нас, но тут действительно трудно было удержаться от смеха.

— Слушай, Гельмут, а ведь это новаторство. Внеси рацпредложение.— Насмешник Эгил сел на своего любимого конька.— Еще и премию дадут.

— Не смей издеваться! Не позволю! — завопил Гель-

Тельнум

мут. Он очень вспыльчив, ничего не стоит вывести его из себя.

— Нет, Гельмут, ты его не слушай! У меня другое предложение.— Мадис тоже не мог упустить удобного случая позубоскалить.— Подари фартук, но только с запиской: «Дорогая мамочка! Перед употреблением, пожалуйста, перешей то, что вы называете лямками».

Гельмут не выдержал. Швырнул свое рукоделие прямо в лицо Мадису:

— На, подавись! И вы! Вы все!..

Схватил свой портфель и выскочил из класса.

— Зачем так? — Сармита укоризненно покачала головой.— Обязательно нужно поиздеваться над человеком!

— Тоже мне защитничек нашелся! — вдруг рассвирепел Агрис.— Не знаешь, что ли, какой он белоручка? Мы убираем класс, а он чистит себе ногти. Мы дежуриим, а он тащит записку от врача. И кругом поблажки! От нас требуют, чтобы мы стригли волосы, а он как ни в чем не бывало холит свои шикарные кудри!

— Разве Гельмут виноват, что его балуют? — не сдавалась Сармита.— Это еще не причина, чтобы над ним издеваться. К тому же он заметно исправился в последнее время, сами знаете.

— Пошли по домам! — скомандовал Ояр.— Надоели ваши фартуки хуже горькой редьки!

— Пошли! Пошли! — с готовностью отозвались мы.— Хоть свежего воздуха хлебнуть!..

На следующий день класс забурлил с самого утра. Гельмут пожаловался классной руководительнице, что у него пропала вещь. Он, видите ли, оставил вчера в классе фартук, а теперь никак не найдет. Намек на то, что мы стасили.

Все разозлились: надо же придумать такое!

— Нужен очень твой уродец!

— Им только полы мыть!

Но Гельмут заартачился: вот взял кто-то и взял!

Перед самым звонком явилась Сармита. Вытащила из сумки сверточек, подала Гельмуту:

— На, бери!

— Ах, значит ты взяла! — воскликнул Гельмут.— Видали, какая...

И прикусил язык. Его ли это фартук! Все швы исправлены аккуратно. Выстиран, проглажен.

Мы тоже в растерянности переглядывались. Опять Сармита преподнесла нам сюрприз! И все-таки в самом глупом положении оказался Гельмут. Что ему теперь сказать? Что сделать? Стоял перед ней, неловко переминаясь с ноги на ногу, и обескураженно молчал. Наконец собрался с духом и выговорил быстро, словно выдохнул:

— Спасибо.

Да, уж эти передники... Намаеялись с ними! Но если у всех мальчишек матери приняли их с такой благодарностью, как моя... У нее слезы навернулись на глаза.

Значит, не напрасно!

Значит, стоило!

ИНДУЛИС И ТОМИНЬ ПОПАДАЮТ В ГАЗЕТУ

Мы привыкли, что газеты обычно пишут о событиях в стране, о знаменитых людях, представителях разных профессий, о передовиках труда, о всяких важных вещах. Какое же было мое изумление, когда я вдруг увидел в газете «Литература и искусство» фотографии Индулиса и Томина!

Я был убежден, что первым из класса увидел снимки: моя мать выписывает множество всяких газет и журналов. Но оказалось, что о них знают все.

Иголочка не удержалась от колкости:

— Думаешь, ты один только читаешь «Литературу и искусство»? А остальные — темнота, да?

В тот день почти каждый принес с собой газету:

— Видели? Видели?..

Там были не только снимки — еще и длинная статья про новые фильмы. Наши Индулис и Томинь упоминались наряду с известными киноартистами. Ребята снимаются впервые, говорилось в статье, но проявили немалые способности и волю. Особенно хвалили Томина. Ему пришлось играть роль сына капитана не только в павильоне, но и на море, да еще во время настоящей бури. Автор очерка рассказал такой случай. Томиню — сыну капитана — предстояло выбраться во время сильного шторма из каюты

на корабельную палубу. Так вот, волны чуть было не снесли нашего Томина за борт. Но он не струсил, не сорвал съемку, довел ее до конца.

«Откуда у ученика такое чувство ответственности и дисциплины? — восхищался корреспондент.— Не сомневаюсь — это, прежде всего, результат воспитания дома и, конечно же, школы, класса... Мальчик не играет, он неподдельно искренне ж и в е т е каждой сцене на море. Вряд ли кого-либо из будущих зрителей оставит равнодушным эмоциональная игра юного актера».

Про Индулиса тоже были сказаны одобрительные слова:

«Во время съемок этот семиклассник не доставил режиссеру особых хлопот, хотя сначала Индулис с трудом вживался в роль мальчика, ищущего приключений. Пожалуй, наиболее убедителен юный актер в эпизоде разоблачения банды, когда ему приходится горько сожалеть о содеянном под влиянием плохих друзей».

Мы прочитывали эти места вновь и вновь. Ничего удивительного: нам еще никогда не доводилось читать такие похвалы нашим одноклассникам.

Кайя тоже была в восторге:

— Видите, как у них здорово получилось!..

Она радовалась за ребят от всего сердца. Счастливый характер у нашей Кайи. Далеко не у каждого такой. Например, Гельмут процедил сквозь зубы:

— Что тут особенного — сыграть пацана? Это смог бы каждый.

— И ты смог бы? — язвительно спросила Иголочка.

— Почему бы и нет? — Гельмут усмехнулся.— И, между прочим, я уже играл.

Его сразу засыпали вопросами:

— Где?

— Когда?

Это утверждение Гельмута явно попахивало выдумкой.

— Мой отец — член клуба кинолюбителей. У него уже несколько фильмов про меня.

— Про тебя? — Иголочка и не пыталась скрыть своего возмущения.— Ах, про тебя!.. А этот фильм не про Томина, не про Индулиса! Этот фильм о мужестве моряков и о ребятах, которые любят море. Чувствуешь разницу?

— Индулис играет хулигана,— не сдавался Гельмут.— Всего-навсего хулигана!

Теперь и Югита взялась за него:

— Между прочим, у него главная роль!

Но Гельмута не так-то легко одолеть. Он лишь слегка повернул разговор:

— Индулис еще до съемок задавался — дальше некуда. Представляю, сколько в нем теперь спеси.

— Ничего еще неизвестно,— вмешалась в перепалку рассудительная Карина.— Это только твое предположение.

Изольда тоже стала отчитывать Гельмута:

— Нечего зря распускать язык!

— Да, нечего! — эхом вторила Сильвия.— Нечего!

Но каким бы Индулис ни вернулся, с задранном носом или опущенным, мы с нетерпением ждали, когда они с Томином снова появятся в школе.

ВСЕ ПРОЯСНЯЕТСЯ

Последняя четверть принесла немало неожиданностей. И прежде всего, Томинь наотрез отказался от своего шефа — Изольды.

Контролер мне больше не требуется! — заявил он, едва появившись в классе.— Сам справлюсь. А нужно будет, найду, к кому обратиться за помощью.

Изольда оскорбилась:

— Имей в виду, если только из-за тебя в последней четверти...

Но он и слушать ее не стал:

— Я уже сказал: сам найду, кого попросить.

Как это понять? То ли участие в фильме сделало Томиню заносчивым, то ли он, наоборот, стал сознательнее, прилежнее?

Трудно сказать. Одно ясно: его познания в русском и английском удивили нас всех.

— Если Томинь будет продолжать в том же духе, то перейдет на круглые пятерки, вот увидите,— заявила Югита.

Успехи Томина ее очень радовали.

Но самый большой сюрприз приподнесла нам Кайя. Вот как это случилось.

Накануне Первой классная руководительница отпустила нас домой пораньше. Учитель Мурцелис заболел, последний урок отменили. В конце четверти у преподавателя физики все чаще стало сдавать сердце. Мы решили сходить к нему домой, поздравить с праздником.

Все ушли, в классе остались я и Иголочка: нам поручили позаботиться о цветах для учителя Мурцелиса.

Тут неожиданно в класс вернулась Изольда и взволнованно сообщила:

— Что происходит в пионерской комнате, ребята! Если бы вы только слышали!

— Что там может происходить?

— По плану сегодня ничего не предусмотрено.

— Вот именно поэтому!.. Пошли послушайте сами! — позвала нас Изольда. — Скорее, ну! И тихо!

Мы последовали за ней на цыпочках.

Пионерская комната находится напротив нашего класса. Пересекая коридор, Изольда нашептывала нам в уши:

— Индулис тоже домой не пошел! Тс-с! — Она приложила палец к губам. — Они думают, что никого нет...

В пионерской комнате было тихо. Из-за чего Изольда так встревожилась? Разыгрывает нас или нет?

И вдруг мы услышали голос Кайи:

— Я всегда верила, что нужна вам, что могу вам помочь и что вы наконец-то поймете меня... Боже мой, как я ошибалась! Оказывается, вам все равно!

— Хватит, Комарик! В наших глазах ты была и остаешься лишь неудавшейся горе-артисткой!

И этот голос был нам знаком. Он принадлежал Индулису.

— Не смей издеваться надо мной! Разве я не доказала, что хочу и могу работать?

— Свои доказательства можешь оставить при себе!

Иголочка сжала кулаки:

— Да как он смеет так говорить с Кайей?

— Тс-с!.. — Изольда предостерегающе подняла палец.

— Глупости! — не выдержал я. — Почему мы должны молчать? Кто дал Индулису право говорить за всех?

— Верно! Пусть он сам заткнется! — поддержала меня

Иголочка, и спустя мгновение мы все трое уже находились в пионерской комнате.

Кайя повернулась к нам. Вид у нее был сконфуженный. Индулиса нигде не было видно.

— Где он? — Иголочка огляделась, глаза ее метали молнии.

— Позор какой! — разгневанная Изольда перешла на крик. — Выходи! Он еще прячется, негодяй!

Кайя сказала спокойно:

— Кроме меня, тут никого нет.

— Ты же только что говорила с Индулисом, — захлопала глазами Иголочка. — Как это вдруг — нет?

Один я молчал. На щеках Кайи отчетливо виднелись следы слез. Я вспомнил пережитое в доме нашей пионервожатой в ее методический день. Неужели все повторилось снова?

Неожиданно на Кайю напал смех. Громкий, неудержимый. Момент, скажем прямо, не самый подходящий. Что-то с Кайей неладно, теперь совершенно ясно!

Как поступить? Может, нужно лекарство? Какие-нибудь капли?..

— Шерлоки-холмсы! — продолжала хохотать Кайя. — Эх вы!

— Послушай... Кайя... — Я первый пришел в себя. — Скажи, это... у тебя часто бывает?

— Что именно?

— Ну... такое... Говоришь вслух... Плачешь... Потом хохочешь?..

— Последнее время довольно часто, — призналась Кайя.

Ее неожиданная откровенность озадачила нас еще больше.

— Неужели ты до сих пор думаешь, что мы тебя не любим? — спросил я.

— Может быть, тебе нужно в санаторий? Отдохнешь там, подлечишься, — предложила Иголочка.

— Но почему? — Кайя опять рассмеялась. — Я здорова как чемпион по самбо.

— Ты на нас не сердись, пожалуйста! — Иголочка обняла ее. — Мы давно уже не считаем тебя неудавшейся актрисой. К тому же ты замечательная пионервожатая.

— И режиссер! — добавил я.

— Приятно слышать, — ответила Кайя. — Только вы, мои дорогие, напрасно встревожились. Наверное, услышали, как я говорю разными голосами, да? А я была убеждена, что все ушли домой, и поэтому решила поработать немного. Понимаете, я ведь не успокоюсь, пока не поступлю на театральный факультет. В прошлом году я провалилась на этюдах. Нынешним летом хочу попробовать снова.

Кому бы пришло в голову такое!..

Мы ушли из школы вместе с Кайей. В цветочном магазине выбрали букет для учителя Мурцелиса. Кайя купила еще тюльпаны и приложила к нашему букету:

— Так будет понаряднее.

— Ой, товарищи! — Иголочка встревоженно показала на башенные часы. — Скоро уже три!

До встречи у Ояра, где мы должны были собраться всем классом, оставались считанные минуты.

МОЯ МАТЬ

Классная руководительница усыновила ребенка! Усыновила! Совершенно чужого ребенка из детдома!..

Вот какая весть облетела наш класс. Если кто и не поверил, тот смог сам убедиться в зале театра, во время культпохода на дневное представление.

Рядом с классной руководительницей сидела девочка лет пяти со светлой кудрявой головкой и чуть приоткрытым, словно от удивления, ртом. Она пылливо рассматривала всех нас, кое-кому даже улыбнулась. Потом, показывая пальчиком, тихонько спросила о чем-то классную руководительницу.

— Они пионеры, — пояснила учительница Лауране. — Когда вырастешь, тоже наденешь такой галстук.

Мы узнали, что девочку зовут Ингой. К великому нашему изумлению, она называла классную руководительницу мамочкой.

— Инга ведь наверняка знает, что учительница Лауране не ее настоящая мать.

— Разумеется! Не так уж она мала.

— И все-таки говорит ей «мамочка»!
— А как иначе?
— Думаешь, она ее и любит, как мать?
— Почему бы и нет? Учительница Лауране очень хороший человек.

Девчонки перешептывались у меня за спиной. Спрашивала Яутрита, отвечала Изольда.

Вернувшись из театра домой, я долго размышлял о поступке классной руководительницы. Теперь она не только учительница, она еще и мать.

За ужином я спросил у матери, знает ли она про это.

— Разумеется! Те, кто хотят усыновить ребенка, должны иметь характеристику с места работы.

— Почему же ты мне раньше не сказала?

— А потому, что не вижу в этом ничего особенного. Твоя классная руководительница отнюдь не первая женщина, которая берет на себя обязанности приемной матери. Многие сироты обрели таким образом родителей.

— И они по-настоящему счастливы?

— Мне думается, да. Конечно, и в детдомах им неплохо, но все-таки каждый ребенок стремится к материнской ласке, к домашнему уюту.

— Но сможет ли учительница Лауране стать настоящей матерью чужому ребенку?

— Ты сомневаешься?

— Я не знаю, можно ли так любить чужого ребенка, как, например, ты меня?.. Нет, я думаю, все-таки большая разница.

— Материнские чувства со временем растут и крепнут. И ребенок тоже крепче привязывается к человеку, который день за днем заботится о нем.

Мать медленно поднесла ко рту стакан и испытующе посмотрела на меня.

— Не веришь?

— Не могу себе представить.

— Тогда послушай.— Лицо у нее стало очень серьезным.— Я знаю одного мальчика, которого уже двенадцать лет воспитывает женщина, не родная его мать. И ни он, ни она не могут себе представить жизни друг без друга.

↪ Я его тоже знаю?

— Знаешь. Даже очень хорошо.

— Кто же это.

— Лучше будет, если ты догадаешься сам. Я уже давно хотела тебе о нем рассказать.

— Кто-то из моих друзей?

— Возможно.

«Кто бы это мог быть? — недоумевал я. — Лучший мой друг — Ояр. Неужели он?»

— Отец его погиб, когда он сам был еще совсем маленьким, — между тем продолжала мать.

Нет, не Ояр — у него и отец, и мать. Кто же тогда? Может, Зигис? Или Олаф?

— А перед гибелью отца — ребенку был тогда всего годик — умерла его мать. Малыш остался на руках у отца.

— Значит, у него ни отца, ни матери! — воскликнул я. — Среди моих друзей таких нет, я знаю точно!

— Нет, у мальчика есть мать. Только не родная. И он этого не знает по сей день: приемная мать любит его, как собственного сына.

Я заметил, что глаза матери устремлены на рамку с портретом молодой женщины; эта фотокарточка, сколько я себя помню, всегда стоит на ее письменном столе.

— Вот она... Моя подруга. О н а и есть настоящая мать этого мальчика.

— Но она же давно умерла.

— Я сказала: двенадцать лет назад.

— Ага, значит, ему тринадцать.

— Да. — Взгляд матери никак не мог оторваться от карточки. — Она была исключительным человеком. Детский врач. Очень любила детей.

— А мальчик?.. Ты сказала — я его знаю. В какой он школе?

— В нашей.

— В моем... классе?

— В твоём.

Я вдруг почувствовал, словно меня ударил электрический ток. Пол закачался подо мной. Еще секунда — и я упаду.

— Мам!.. — прошептал я. В горле словно застрял комок из невысказанных слов.

Мать подошла ко мне, сжала мою голову ладонями.

— Может быть, не следовало так неожиданно, без подготовки. Но когда-нибудь это все равно должно было случиться. И лучше узнать правду сейчас, чем потом... Ведь ничего не изменилось. Слышишь, мой мальчик? Ничего!

— Мам! Мамочка!..¹—Я прижался к ее груди, обхватил руками.

— Теперь ты веришь, что бывает такая любовь? Веришь, что твоя классная руководительница может стать матерью для сироты?

В тот вечер я допоздна ворочался в своей постели. Снова и снова думал о матери, о себе. А когда наконец уснул, мне приснилась женщина, очень похожая на ту, с фотокарточки.

«Теперь ты веришь, что бывает такая любовь?» — спрашивала она меня.

Странно, во сне я не мог понять, кто же все-таки говорит со мной. Обе женщины как бы слились воедино.

Но разве это только сон? Ведь точно также происходит наяву. У меня одна мать: моя мать!

ТОМИНЬ МЕНЯЕТ ФАМИЛИЮ

Когда-то Томинь был самым плохим учеником в классе, самым маленьким, самым безалаберным и недисциплинированным. К тому же еще, как доказала Изольда, выдумщик и фантазер, если не сказать больше. Правда, это мы ему великодушно простили: кто из ребят не желает, чтобы у него был смелый и мужественный отец!

Участие в фильме как-то изменило Томиню. Он даже вернулся в класс немного героем. Плавал на настоящем корабле, в настоящем море, причем в бурю, вместе с настоящими киноактерами и настоящими моряками!..

Впрочем, каждый увидел в Томине то, что хотел. Например, благосклонность Сильвии принес ему... новый костюм. Он, как выразилась Сильвия, не только шит из материала экстра-класса, но и «сидит отлично». Никому бы из нас не пришло в голову так сказать! Но ведь Сильвия — племянница известной швеи, да и сама мастак в

этом деле. И никто тогда не подумал о том, что Томинь первый из всего класса сам заработал этот отличный новый костюм. Киностудия платила ему за каждый съемочный день.

Но ни костюм, ни заработанные деньги, о которых мы узнали позже, не поразили нас так, как неожиданная весть: Томинь меняет фамилию! Классная руководительница своей собственной рукой перечеркнула в журнале фамилию «Томинь» и вписала новую, непривычно звучащую для наших ушей,— «Дэйлюм».

— Как так?

— Почему?

Многие просто не могли понять. Только те, которые регулярно читали его письма из Крыма, сообразили, каким образом у Томина оказалась новая фамилия.

Впоследствии он сам рассказал об этом.

Юрис Дэйлюм — тот самый матрос, который снимался в фильме, доставил Томина из Крыма домой. Он подружился с его матерью, и так случилось, что у Томина появился отец. Точнее — отчим, но Томинь говорит только так: отец! Хотя Дэйлюм и не капитан, зато моряк он настоящий. И, видно, хороший человек, потому что заботится о нашем Томине, как о собственном сыне.

Теперь нам стало понятно, почему Томинь наотрез отказался от шефа. Матрос, когда не ходил в море, проверял все его домашние задания. А знания русского и английского языков стали у Томина просто блестящими.

— Вот что значит человек, которого можно любить, уважать, которым можно восхищаться!

Да, в жизни происходит много интересного. Может быть, даже больше, чем в фильмах и пьесах.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ РОЗ ДЛЯ КАЙ И КОМАРИК

Учебный год мы закончили хорошо. Когда подводили итоги соревнования с бригадой Павла, краснеть не пришлось: брака в классе не было.

Всех нас занимали теперь вступительные экзамены нашего Комарика. Мы знали, как важно для Кайи пройти конкурс. И именно поэтому никуда не разъехались, хотя

уже начались каникулы. Выезжали, правда, в деревню или на взморье, но всего на один-два дня. После каждого экзамена на театральном факультете интересовались, какую отметку заработала Кайя. И, главное, этюды, этюды! Как с ними дела?

Очень обрадовались известиям, что все идет хорошо, и на этот раз с этюдами тоже в порядке.

Все говорило: наша пионервожатая скоро станет студенткой.

В день, когда должны были вывесить списки зачисленных на первый курс, мы всем классом собрались в консерватории¹. Заранее договорились — каждый купит по розе, и мы прямо из консерватории отправимся к Комарику домой.

Каково же было наше разочарование, когда мы не обнаружили ее фамилии! Был среди зачисленных Кактынь, был Каспар, даже Комаров был. А вот фамилии «Комарик», сколько мы ни водили пальцами по списку, так и не обнаружили!

— Бедная Кайя!.. Видно, опять не прошла,— мрачно сказал Индулис.

Так мы и стояли, двадцать пять болельщиков Комарика, у каждого в руке по пышной розе, и не знали, что дальше делать.

— Наверное, Кайя сидит дома и плачет, бедненькая,— сама чуть не плача, предположила Сармита.— Представляете, какое у нее настроение! Так готовилась, старалась — и опять все зря...

— Знаете что,— сказала Иголочка,— у меня предложение.

— Ну-ну!

— Пусть она и не прошла конкурс, а все равно надо ее навестить.

— Поздравить с провалом? Ну, нет! — Мадис был против.— Будет похоже на издевательство.

— Не надо передергивать! —не отступала Иголочка.— Почему обязательно — поздравить? Можно поблагода-

¹ В Государственной консерватории Латвийской ССР имеется театральный факультет, который готовит актеров и режиссеров для драматических театров.

рить ее за работу с нами. У нашего пионерского отряда есть причины быть ей благодарным, верно? Уж за это она никак не обидится!

— Конечно! — поддержала ее Карина.— Она обрадуется нам.

— Я тоже за! — Валдис помахал своей розой. Она у него была особенно красивой — «Офелия».

Мы гуськом вышли из консерватории.

— В Риге никто не сможет оценить способности Комарика.— Обида за нашу пионервожатую еще не улеглась во мне,— Надо ей лучше поступать в московский институт.

— Точно! — • поддержал меня Агрис.— Многие известные артисты учились в Москве.

— Да! В Москву! — загорелся и Томинь. Мы продолжали называть его по-старому.— У Жени, ну, у того мальчика, который играл Педро, у него отец известный артист. Я напишу ему, пусть поговорит с отцом про Кайю.

Эгил поинтересовался:

— • Думаешь, этот московский артист поможет? По знакомству?

— Зачем — по знакомству? — рассердилась Карина.— Не нужны Кайе никакие поблажки. Ей нужен специалист, который по достоинству оценит ее талант...

Так, горячо обсуждая, как помочь нашей пионервожатой, мы не заметили, что уже подошли к ее дому.

Остановились у двери. Никто не решался позвонить.

— Эх вы! — Иголочка с презрением посмотрела на нас, ребят.— Говорить все мастера, а как до дела — в кусты! — И большим пальцем решительно надавила кнопку звонка.

Долго ждать не пришлось. Послышались энергичные шаги, и дверь открыл... Павел!

Мы застыли на пороге. Так и стояли, молча, с розами в руках, от неожиданности забыв даже поздороваться.

— Замечательно! — воскликнул Павел.— И сколько вас! А ну, входите, входите!

— Мы... мы... — забормотал Индулис, нюхая для чего-то свою розу.

— ...пришли поблагодарить старшую пионервожатую

за работу с нашим пионерским отрядом,— отгарабанила Карина, как хорошо выученный урок.

Но Павел, не слушая, подталкивал «ас вперед.

— Лучше поздравьте ее с поступлением на театральный факультет.

Это окончательно выбило нас из колеи.

Сильвия опомнилась первой:

— Разве... она поступила?

— В списке ее нет,— уверенно заявил я.

— А вот это уже не соответствует действительности,— смеялся Павел.

Кайя ждала нас. На ней был белый фартук.

— Самое время! — сказала она сердечно.— Кофе вскипел, свежие булочки и конфеты уже на столе. Павел принес лимонад. Я уже беспокоиться стала. Где, думаю, задерживаются?

— Ты нас ждала?

— Разумеется. Даже очень.

— Как же так? Откуда ты знала? — мы непонимающе переглядывались.

— Подружка позвонила, что вы там, в консерватории, погалдели-погалдели возле списков и решили идти меня жалеть.

Выходит, уже знает...

Мы подали ей свои розы, стесняясь, неловко, как малышки-первоклашки.

И никаких слов благодарности — молча, словно в рот воды набрали.

— Спасибо! Спасибо! — Комарик всем по очереди пожал руки.— Действительно, есть с чем поздравить! На этот раз мне все-таки повезло.

Мы выпучили глаза. Верить или не верить?

— Но в списке...— начал Индулис и умолк, не закончив фразы.

— А в каком списке вы искали?

— Актерского отделения,— ответили мы все разом.

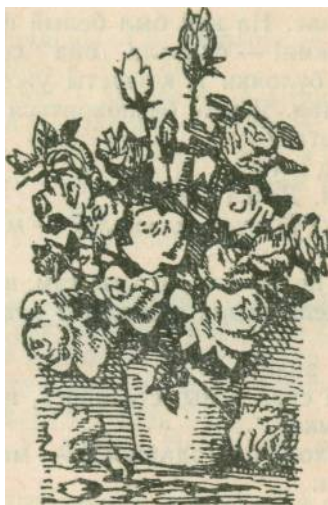
— А надо было — режиссерского,— пояснил Павел.— Я вот сообразил раньше вас. И потому оказался здесь первым.

На столе в узкой глиняной вазе красовались три огромные розы.

— Для ваших вазы не хватит,— озабоченно произнесла Комарик.— Придется их в ведерко!

Комарик? Почему — Комарик? Наша Кайя — Чайка — начала свой полет. Спустя четыре года она станет режиссером.

И мы никогда не забудем этот день, который начался так печально, а закончился так радостно для нас и для нее.

О Г Л А В Л Е Н И Е

В нашей школе новости	3
Мечь Сармиты	9
Иголочка	13
Отец Томина	18
«Прошу слова!»	21
Потрясающе!	25
Водяная война	29
У больших кораблей	32
Газеты	35
Обвинение	40
Кинорежиссер ищет исполнителя	43
Томннь испытывает счастье	46
«Хватит, Комарик!»	47
Рыдания за стеной	51
Правда жизни	54
На родине Комарика	59
Беспокойная ночь	65
Необычный конкурс и овощной карнавал	73
Шлем Томина	79
Иначе нельзя	81
Небольшое отступление от темы	89
Мальчик с пальчик	96
Русалочки волосы	102
Сын капитана	109
Кто я такой?	111
Играем себя	115
Шефы шефов	121
Цветастые фартуки	123
Индулис и Томннь попадают в газету	129
Все проясняется	131
Моя мать	134
Томинаь меняет фамилию	137
Двадцать пять роз для Кайи Комарик	138

ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА

Дзидра Ринкуле-Земзаре

ВОТ МЫ КАКИЕ!

Повесть

ИБ № 6561

Ответственный редактор

Т. М. Тумурова

Художественный редактор

Л. М. Ларская

Технические редакторы

В. К. Егорова и Е. М. Захарова

Корректоры

Ю. В. Дубовицкая и М. Ю. Сиротникова

Сдано в набор 22.04.83. Подписано к печати 26.07.83. Формат 84ХЮ8'/а2. Бум. типогр. № 1. Шрифт литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,56. Усл. кр.-отт.8,66. Уч.-издл.7,7. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2986. Цена 45 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

